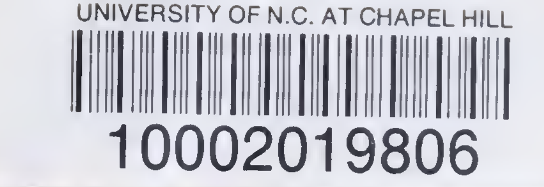

БИБЛІОТЕКИ

E]
DIALECT]

ЗАПИСКИ

МОРСКАГО ОФИЦЕРА,

въ продолженіи кампаніи на Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ Вице-Адмирала Дмитрія Николаевича Сенявина

отъ 1805 по 1810 годъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Второе изданіе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

****

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра.

С. Петербургъ 21 Генваря 1836 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

Господину Вице - Адмиралу, Государственнаго Совѣта члену, Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента непремѣнному члену, Императорской Россійской Академіи Президенту, Императорской Академіи Наукъ, Императорскихъ Университетовъ Харьковскаго и Казанскаго, и многихъ другихъ ученыхъ Обществъ Почетному члену, орденовъ Св. Александра Невскаго, Св. Равноапостольнаго Владиміра 1 ст. большаго креста, и Св. Анны 1 ст. кавалеру,

АЛЕКСАНДРУ СЕМЕНОВИЧУ

ШИШКОВУ.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Александръ Семеновичъ!

Предсѣдательствуя въ святилищѣ Россійскихъ музъ, Ваше Превосходительство, какъ Меценатъ, какъ Несторъ Рускаго слова, обращая вниманіе ваше на всякое полезное упражненіе въ отечественной Словесности, удостоили онаго и мое начинаніе. Книга сія, свидѣтельствующая славу флота и Войскъ нашихъ, единственно Вашему одобренію и ходатайству, обязана изданіемъ.

Вы воспитаны въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, служите во флотѣ, первый плодъ трудовъ моихъ, вы поощрили и приняли подъ особое Ваше покровительство; все сіе совокупно, даетъ мнѣ смѣлость, посвятить изданіе сіе Высокому имени Вашему. Удостойте оное

благосклоннаго прiятiя, какъ знакъ усердiя и благодарности того, который съ совершеннымъ почтенiемъ и таковою же преданностiю, имѣетъ честь быть.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Вашего Превосходительства!

Покорнѣйшiй слуга

Владимiръ Броневскiй.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Служа на флотѣ отъ начала до конца кампаніи, въ плаваніи отъ Кронштада чрезъ Зундъ, Англинскій каналъ и Атлантическій океанъ въ Средиземное море, былъ я на большой части острововъ Архипелага и Далмаціи, обозрѣлъ Сицилію, Мальту и Сардинію, возвратился отъ Дарданелъ въ Лиссабонъ, и наконецъ, въ третій разъ прошедъ Гибралтарскій проливъ, отправился изъ Тріеста сухимъ путемъ чрезъ Каринтію, Штирію, Венгрію и Польшу обратно въ Кронштадъ. Такимъ образомъ обошедъ Европу, видѣлъ я лучшія ея страны, знаменитыя происшествіями, славныя своими древностями, просвѣщеніемъ и науками; я велъ ежедневныя записки о тѣхъ событіяхъ, коихъ былъ очевидецъ и о томъ, что казалось мнѣ достойнымъ вниманія и любопытства.

Подвиги Россійскаго флота на водахъ Средиземнаго моря и безпрестанное торжество, малаго бывшаго при немъ числа сухопутныхъ войскъ, надъ непріятелемъ искуснымъ, превосходнымъ въ силахъ и

способахъ, увѣнчавъ новыми неувядаемыми лаврами побѣдоносное Россійское оружіе, прославили въ Европѣ имя знаменитого вождя ихъ Вице-Амирала Сенявина; не смотря, что по обстоятельствамъ того времени, и по происшествіямъ неожидаемымъ, славный походъ сей не имѣлъ соотвѣтствующихъ дѣламъ своимъ блистательныхъ послѣдствій. Питая непоколебимую любовь къ Отечеству, дѣйствуя въ духѣ кротости своего Монарха, Сенявинъ былъ не только душею своихъ подчиненныхъ; но пріобрѣлъ неограниченную довѣренность народовъ, Россіи приверженныхъ. Самые непріятели почитали его: снисхожденіе Англійскаго Правительства, толико не уступчиваго и личное уваженіе Адмирала Каттона, помогло Сенявину въ затруднительныхъ обстоятельствахъ сохранить флотъ и спасти честь флага, доселѣ не побѣжденнаго. Лиссабонскій договоръ останется въ военной Исторіи памятникомъ и свидѣтельствомъ заслугъ его: но дѣянія сіи извѣстны только не многимъ, ибо истинное мужество идетъ одною стезею съ

скромностію; прямая служба безъ пронырствъ; характеръ твердый безъ надменности, не имѣетъ цѣлію единаго блеска, минутнаго торжества; награду свою онъ видитъ въ дѣлахъ своихъ; надежду, въ любви и воспоминаніи его подчиненныхъ.

Записки сіи, какъ и многія другія, долженствовали остаться въ забвеніи, ибо къ изданію оныхъ, я не имѣлъ никакихъ средствъ; но по прибытіи моемъ въ Петербургъ Его Превосходительство Логинъ Ивановичь Голенищевъ-Кутузовъ, подъ начальствомъ коего былъ я воспитанъ въ Морскомъ Корпусѣ, всегда поощрявшій меня въ моихъ занятіяхъ, постоянно во всѣхъ случаяхъ милостивый и снисходительный ко мнѣ, и нынѣ, нашедъ подлинникъ мой достойнымъ вниманія, сообщилъ оный Г. Президенту Россійской Академіи, заступленіемъ и благосклоннымъ отзывомъ коего, книга сія принята подъ покровительство Россійской Академіи и Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента, выдано для напечатанія оной пособіе и указомъ Адмиралтейскаго

департамента повелѣно изъ Архива вы дать мнѣ настоящіе Акты и всѣ дѣла, откуда для вѣрнѣйшаго описанія, могъ бы я почерпнуть нужныя свѣденія.

Въ полной надеждѣ на снисхожденіе Отечественной публики, предлагаю историческое повѣствованіе сего достопамятнаго похода и вмѣстѣ путевыя мои замѣчанія, мысли и впечатлѣнія, изложенныя въ хронологическомъ порядкѣ. Счастливымъ почту себя, если просвѣщенные Читатели удостоятъ благосклоннымъ принятіемъ сей первый трудъ мой, и если принесу удовольствіе служившимъ тогда на флотѣ и въ 15 пѣхотной дивизіи въ Корфѣ находившимся Офицерамъ, изображеніемъ тѣхъ битвъ, гдѣ каждый изъ нихъ имѣлъ неотъемлемую часть своей славы.

Пріуготовленіе къ кампаніи,— отбытіе изъ Кронштада, — плаваніе до Ревеля

1805 *годъ.*

Въ половинѣ 1805 года политическій горизонтъ Европы покрылся тучами. Неномѣрное честолюбіе Наполеона Бонапарте было причиною великихъ къ войнѣ пріуготовленій. Россія, Англія и Австрія приняли въ оной дѣятельное участіе. Въ слѣдствіе сего, къ прежнимъ силамъ (*) нашимъ, защищавшимъ Іоническую Республику, повелѣно отправить еще пять кораблей и одинъ фрегатъ. Начальство надъ сею эскадрою ввѣрено Контръ-Адмиралу Сенявину, который тогда же произведенъ въ Вице-Адмиралы съ властію Главноначальствующаго надъ флотомъ и сухопутными войсками, находившимися въ Средиземномъ морѣ. Въ тоже время вспомогательная армія, подъ предводительствомъ знаменитаго Генерала Голенищева-Кутузова, двинулась къ границамъ Австріи. Другой корпусъ подъ началь-

(*) Состоявшимъ изъ 15 пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Анрепа и 5 кораблей, 4 фрегатовъ, 6 корветовъ и 6 бриговъ подъ командою Капитанъ-Командора Грейга.

ствомъ Генералъ-Лейтенантта Графа Толстаго, назначенъ для освобожденія Ганновера, занятаго непріятелемъ.

Въ началѣ Августа Кронштадъ оживился необыкновенною дѣятельностію. Флотъ, состоящій изъ 11 кораблей, 9 фрегатовъ и 300 Англійскихъ транспортовъ и малыхъ военныхъ судовъ, занималъ весь рейдъ и гавань. Адмиралъ Тетъ, начальствующій надъ симъ флотомъ, получилъ повелѣніе принять войска, стоявшія лагеремъ близь Ораніенбаума и высадить ихъ на островъ Ругенъ. 20 Августа начали перевозить полки. Пѣхотные Офицеры удивлялись огромности Гавріила, сто-пушечнаго корабля, на которомъ я служилъ. Въ самомъ дѣлѣ нашъ Гавріилъ представлялъ цѣлый городъ въ маломъ видѣ. Вообразите огромное зданіе, длиною 32, шириною 10, высотою съ мачтами 40 саженъ, въ 3 яруса со 110 пушками 48, 24, 18 и 12 фунтоваго калибра, вмѣщающее въ себѣ на семь мѣсяцовъ съѣстныхъ припасовъ, воды, и всякаго рода запасныхъ и потребныхъ въ пути вещей; сія летающая по водамъ крѣпость, тысячію живущихъ на ней человѣкъ управляемая и защищаемая, должна поражать и удивлять умъ человѣческій.

25 Августа былъ депутатскій смотръ эскадрѣ, отправляющейся въ дальній путь. Государь Императоръ, въ изъявленіе Своего благоволенія, пожаловалъ Офицеровъ и служителей полугодовымъ жалованьемъ. Зрѣ-

лице почестей, изъявляемыхъ на морѣ при появленіи штандарта, то есть флага означающаго Монаршее присутствіе, столь великолѣпно, что едва ли имѣетъ себѣ подобное: флотъ, состоящій изъ многихъ разнаго рода и величины, украшенныхъ разноцвѣтными флагами кораблей, стоялъ въ линіи на семи верстахъ. Гребной катеръ, на коемъ находился Государь Императоръ, шелъ подъ штандартомъ впереди длиннаго ряда шлюпокъ подъ шелковыми флагами Адмираловъ, трехъ дивизій. При проѣздѣ Его Величества мимо кораблей, матросы, разставленные по реямъ и мачтамъ, возглашали громко Ура! При всходѣ и отъѣздѣ съ каждаго судна, крѣпости и корабли привѣтствовали Государя пальбою изъ всѣхъ орудій по одному выстрѣлу.

Эскадра, назначенная въ Средиземное море, состояла изъ слѣдующихъ кораблей: 1) Ярославъ о 74 пушкахъ, подъ флагомъ Вице-Адмирала Главнокомандующаго и подъ командою Капитана Митькова; 2) Москва о 74, Капитанъ Гетценъ; 3) Св. Петра о 74, Капитанъ Баратынскій, 4) Селафаилъ о 74, Капитанъ Рожновъ; 5) Уріилъ о 84, Капитанъ Мих. Быченскій; 6) фрегатъ Кильдюинъ о 32, Капитанъ Развозовъ. Первые три корабля и фрегатъ построены мастеромъ Курочкинымъ въ Архангельскѣ, и хотя не столь красивой наружности, но имѣютъ всѣ добрыя качества военнаго корабля. Послѣдніе два построены въ Петербургѣ мастерами Амосовымъ и Сары-

чевымъ, и отличались чистотою отдѣлки и легкостію въ ходу. Флотъ нашъ строится теперь Россійскими мастерами, управляемъ Россійскими Адмиралами, Капитанами и Офицерами. Петръ Великій при заведеніи флота для построенія и управленія кораблей принималъ въ службу свою иностранцевъ; но онъ не долго имѣлъ въ томъ нужду: Россіяне вскорѣ сами сдѣлались искусными кораблестроителями и мореплавателями.

28 Августа, по росписанію Коллегіи, переведенъ я былъ съ корабля Гавріила на корабль Св. Петра. По снабженіи всѣмъ нужнымъ для долговременнаго плаванія и получа способный вѣтръ, 10 Сентября въ полдень, корабль Вице-Адмирала снялся съ якоря, а за нимъ послѣдовалъ и весь флотъ.

Онъ, бѣлыми взмахнувъ крылами,
Пошелъ—и слѣдомъ пѣна реами!

Державинъ.

Тихій перемѣнный вѣтръ удержалъ эскадру во весь день въ виду Кронштада: казалось, что и корабли не охотно удалялись изъ любезнаго Отечества; однакожъ сіе чувство сожалѣнія умѣряемо было въ насъ надеждою возвращенія, и тою восхитительною для молодаго человѣка мыслію, что онъ въ отдаленныхъ странахъ увидитъ множество любопытныхъ для него предметовъ. По крайней мѣрѣ о себѣ могу я сказать, что въ этотъ

день мысль сія дѣлала меня щасшливѣйшимъ. Предъ захожденіемъ солнца подулъ благополучный вѣшръ, и мы плыли по 14 версшъ въ часъ (*), не чувсшвуя шого: корабль нашъ какъ бы сшоялъ неподвижно. Темная ночь не помѣшала намъ благополучно пройши многіе осшровки, мѣли и подводные каменья, въ Финскомъ заливѣ разсѣянные. Море было спокойно, вѣшръ навѣвалъ вверху и кромѣ легкаго шума, производимаго ходомъ, шишина ничѣмъ не нарушалась.

Осшавимъ корабли спокойно продолжашь пушь свой. Сдѣлаемъ небольшое отсшупленіе для шѣхъ, коимъ небезполезно знашь, какимъ чудеснымъ образомъ сшоль великія громады, каковы корабли, по влажнымъ, непосшояннымъ зыбямъ безопасно движушся, и крашкимъ объясненіемъ мореплаванія, дадимъ имъ нѣкошорое поняшіе о шомъ искусшвѣ, какимъ суда изъ края въ край, опіъ сшраны въ сшрану надежно препровождаюшся.

Великолѣпное зрѣлище неба долженсшвовало привлечь вниманіе первыхъ обишашелей земли, особливо въ шѣхъ щасшливыхъ сшранахъ, гдѣ всегдашнее благорасшвореніе воздуха приглашало ихъ къ наблюденію свѣшилъ. Созерцая безпрерывное обращеніе небесной швер-

---

(*) Или восемь узловъ, сооmвѣшсшвующихъ осьми Ишальянскимъ милямъ, коихъ 60 въ градусѣ или $1\frac{3}{4}$ версшы въ каждой милѣ.

ди, наблюдая въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, въ Азіи, первомъ жилищѣ человѣческаго рода и колыбели всѣхъ наукъ, Халдеи, Египтяне, Персы и Китайцы первые пріобрѣли нѣкоторое познаніе въ Астрономіи, впрочемъ весьма несовершенное. Сіи свѣдѣнія, открыли Финикіянамъ море и наука кораблевожденія воспріяла свое начало. Они первые на слабыхъ ладіяхъ плавали только днемъ и въ виду береговъ, къ которымъ приставали на ночь; но когда случайно относимы были отъ береговъ бурею, то днемъ правили по солнцу, а ночью по звѣздамъ; средство весьма недостаточное, потому что при облачномъ небѣ и пасмурной погодѣ часто и надолго исчезаетъ. Преемники ихъ Карѳагенцы хотя и большія пріобрѣли познанія въ наукѣ мореплаванія, однако ходили также не далѣе какъ въ виду береговъ, и все еще подвергались великимъ затрудненіямъ и опасностямъ. Въ такомъ состояніи находилось искуство кораблевожденія до изобрѣтенія компаса, которой ввелъ въ употребленіе Неаполитанецъ Флавіо Жоіа около 1300 года по Р. Х. Мореплаватели, получа орудіе, посредствомъ коего могли они во всякое время узнавать страну, куда направляютъ путь свой, отважились на долгое время оставлять берега и преплывать моря. Духъ открытій, возбуждаемый надеждою обрѣсти богатыя корысти, внушилъ тогда великія предпріятія. Въ началѣ 15 столѣтія Португальскій Принцъ Генрихъ, изобрѣлъ

первыя морскія карты, называемыя плоскими (*); онъ же съ помощію другихъ математиковъ посредствомъ Астрономическихъ орудій, Астролябій и Ноктурлябій, научилъ наблюдать солнце и звѣзды: руководимые сими, весьма еще несовершенными пособіями, Португальцы открыли великое пространство западнаго берега Африки, обошли мысъ бурь (Доброй Надежды), нашли сообщеніе съ Восточною Индіею и тѣмъ лишили Венеціанъ и Генуезцовъ выгодъ ихъ торговли съ Индіею чрезъ Чермное море; взошли на верхнюю степень славы, сдѣлались повелителями морей и обладателями великихъ богатствъ. Въ сіе же время Генуезецъ Христофоръ Коломбъ, мужъ искусный въ мореплаваніи и Астрономіи, размышляя о образѣ земноводнаго шара, сильно убѣдился, что къ Западу отъ Европы должно быть новой неизвѣстной еще землѣ, и что нашедъ оную можно пристать къ берегамъ Индіи или Китая. Долгое время тщетно представлялъ онъ разнымъ Государямъ сію мысль и услуги свои предпринять такое путешествіе. Въ то время никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы земля была кругла; но напослѣдокъ отъ Фердинанда и Изабеллы, Государей Кастиліи и Аррагоніи, получилъ онъ три корабля, на коихъ отправясь, достигъ одного изъ острововъ на-

(*) Оныя карты пригодны въ малыхъ широтахъ ближе къ Экватору, или на небольшое только разстояніе въ широтахъ, между Тропиками и Полярными кругами лежащихъ.

зываемыхъ нынѣ Багамскими (*), прилежащихъ къ новой части свѣта, и симъ обрѣтеніемъ сдѣлалъ къ оной первый шагъ. Вскорѣ послѣ сего мореплаваніе обняло весь земной шаръ, и наука постепенно усовершенствовалась.

Ни одна изъ наукъ, постепенно восходившихъ къ совершенству, не поспѣшала такими исполинскими шагами, какъ наука мореплаванія. Усовершенствованіе ея принадлежитъ 18 вѣку, по справедливости названному великимъ вѣкомъ открытій. Точное опредѣленіе теченія магнитной матеріи, законы тяготѣнія, обрѣтенные великимъ Невтономъ, новыя открытія въ Астрономіи, измѣреніе земнаго градуса, опредѣленіе истиннаго вида земли, изслѣдованіе приливовъ, отливовъ и теченія моря, и наконецъ усовершенствованіе картъ, названныхъ по имени изобрѣтателя Меркаторскими (**), обезопасили, облегчили и умножили быстроту путешествій на морѣ.

(*) Коломбъ присталъ изъ оныхъ ко Гванани, названному имъ Салвадоромъ.

(**) Въ Меркаторской картѣ градусы меридіана уменьшены въ той соразмѣрности, въ какой параллельные круги отстоятъ отъ Экватора. Оная карта представляетъ весь земной шаръ какъ бы разогнутый на плоскость, на которой разстояніе и положеніе мѣстъ сохраняются въ томъ самомъ видѣ, къ какомъ они находятся на землѣ. Сіи карты имѣютъ преимущество предъ плоскими въ томъ, что онѣ съ совершенною точностію могутъ быть употребляемы во всѣхъ широтахъ и на большихъ пространствахъ.

Для счисленія пути и опредѣленія мѣста на картѣ, употребляются слѣдующія средства: Компасъ, самое простое орудіе, есть необходимѣйшее для управленія корабля во всякое время. Онъ раздѣленъ на 32 равныя части, называемыя румбами, каждому изъ коихъ присвоено названіе, для означенія, съ которой стороны дуетъ вѣтръ, и тѣже румбы показываютъ въ которой части горизонта лежитъ отъ насъ видимое, а по картѣ даже за нѣсколько тысячь миль находящееся мѣсто. По сему-то устроенію своему онъ опредѣляетъ черту, по коей корабль отъ пристани въ пристань должно править. По близости береговъ, замѣтивъ по компасу два или три примѣтныя мѣста, и на картѣ проведя отъ нихъ противные румбы, пресѣченіемъ оныхъ назначается мѣсто корабля на картѣ. Ходъ измѣряется лагомъ. Оное орудіе есть не иное что, какъ деревянная дощечка въ видѣ четверти круга, прикрѣпленная къ длинной нити, размѣренной на 48 Англійскихъ футъ, означаемыхъ узлами. Бросивъ лагъ въ воду съ кормы, по мѣрѣ хода выпускаютъ нить, и сколько выйдетъ узловъ въ полминуты, столько при той же силѣ вѣтра и тѣхъ же парусахъ, корабль пройдетъ Итальянскихъ миль въ часъ. На примѣръ: если въ полминуты выйдетъ 2 узла, то въ продолженіе часа корабль перейдетъ 2 Итал. мили или $3\frac{1}{2}$ версты. Четверть компаснаго круга, начерченная на кормѣ для замѣчанія, сколько градусовъ слѣдъ корабля удаляется отъ ра-

діуса, проведеннаго по длинѣ корабля, означаетъ дрейфъ или уклоненіе корабля отъ истиннаго пути. Каждые полчаса записываютъ вѣтръ, направленіе пути, ходъ и дрейфъ, дабы по нимъ дѣлать счисленіе и чрезъ каждые 4 часа положить мѣсто корабля на картѣ. Поелику средства сіи подвержены погрѣшностямъ, а особливо при долговременныхъ, не видя земли плаваніяхъ, то прибѣгаютъ къ повѣренію сего счисленія слѣдующими Астрономическими средствами. Октаны, Секстаны, и Хронометры, сіи Астрономическіе инструменты, приведенные въ возможное совершенство, служатъ первые два для наблюденія высоты солнца и звѣздъ, по коимъ съ математическою точностію опредѣляется широта мѣста, въ то время, когда свѣтила сіи находятся на нашемъ меридіанѣ; послѣдній же, показывая время до малѣйшей терціи, служитъ для вычисленія долготы. Такимъ образомъ по широтѣ и долготѣ, въ большихъ океанахъ когда и не видятъ земли, назначаютъ мѣсто корабля на картѣ.

Сими тремя, удивленія достойными средствами, взоръ къ звѣздамъ, къ солнцу, на компасъ, на песочные часы (*), щетъ прой-

(*) Часы сіи считаются склянками, получасовыми и четырехъ часовыми. Напр. считая отъ полудня, три склянки значатъ второй въ половинѣ часъ, восемь 4 часа. Послѣ сего обѣ склянки оборачиваются, и время считается уже отъ 4 часовъ и такъ далѣе.

деннаго плаванія, и простое вычисленіе, показываетъ кормчему, во всякое время, мѣсто корабля его на земномъ шарѣ. Пользуясь великою точностію картъ, мореплаватель заходитъ въ пристань, лежащую на его пути и останавливается въ ней какъ бы на станціи для отдохновенія и запасенія провіантомъ.— Христофоръ Коломбъ безъ сомнѣнія заслуживаетъ имя великаго мореходца, ибо, не имѣя нынѣшнихъ средствъ, онъ переплылъ обширный океанъ по одному математическому соображенію и догадкѣ; но въ наши времена и обыкновенный кормчій, совершая плаваніе вокругъ свѣта, достигаетъ точно въ то мѣсто, которое себѣ предназначилъ.

Ночью попутный вѣтръ усилился, и 11 Сентября къ вечеру эскадра уже находилась на высотѣ Ревеля; но какъ югозападный вѣтръ препятствовалъ идти между островами Наргеномъ и Вульфомъ, то Адмиралъ повелъ корабли къ другому проливу и обошедъ Наргенъ, по причинѣ темной ночи, остановился на якорѣ между симъ островомъ и Суронскимъ маякомъ. Съ разсвѣтомъ высокая колокольня Олай-кирки открылась и эскадра вступивъ подъ паруса и *прилавировавъ* (*) ближе къ городу, стала на якорь.

(*) Лавировать значитъ поворачивая то на ту, то на другую сторону, и при противномъ вѣтрѣ идти по малу впередъ.

Ревель 12 Сентября.

Ревель, также как и Кронштадъ, имѣетъ гавань и арсеналъ для флота. Гавань Ревельская, по низкости ея бруствера, худо защищала корабли отъ сѣверныхъ вѣтровъ, и не болѣе 15 караблей помѣстить могла; а какъ притомъ Кронштадская гавань примѣтно мѣлѣетъ, то для сего предназначено, оставя въ Ревелѣ старую для купеческихъ судовъ, построить новую, которая могла бы вмѣстить весь Балтійскій флотъ. Два крыла новаго бруствера уже окончаны; они стоили многихъ милліоновъ, и твердостью, искуствомъ сложенія своего, свидѣтельствовать будутъ память царствованія АЛЕКСАНДРА I. Единообразіе готическихъ зданій и древнее зодчество высокихъ кирокъ, украшенныхъ вмѣсто креста пѣтухомъ, знакомъ отреченія отъ Христа Апостола Петра, придаютъ старому городу видъ почтенной древности. Чистота прекрасныхъ домиковъ предмѣстія съ перваго взгляда показываетъ вкусъ Нѣмцевъ. Немногія мѣста могутъ спорить съ Ревелемъ въ красотѣ окрестностей, которыя въ самомъ дѣлѣ превосходны: со всѣхъ сторонъ находишь картины, пріятныя для взора. Проведя день въ упражненіи по должности, къ вечеру съѣхалъ я на берегъ, и какъ было Воскресенье, пошелъ въ Екатериненталь, прекрасный публичный садъ. Въ длинной тѣнистой аллеѣ, ведущей къ морскому берегу встрѣтилъ я мно-

жество прогуливающихся. Далѣе на площадкѣ въ лѣтней галлереѣ услышавъ музыку—вошелъ. Стройныя, румяныя и весьма щеголевато одѣтыя жены ремесленниковъ, въ вихрѣ вальса казалось, забывали труды рабочихъ дней; мужья ихъ, при наполненной кружкѣ пива, занимались разговорами или играли въ кегли. Вотъ образъ жизни и занятій добродушныхъ Ревельцевъ! Кромѣ праздничныхъ дней, всякой сидитъ за своей работой, и въ городѣ бываетъ такъ тихо, какъ въ небольшой деревнѣ.

Въ гавани было множество Англійскихъ транспортовъ, пришедшихъ для перевозу войскъ нашихъ на островъ Ругенъ. Народъ, смотря на видныхъ воиновъ, всходящихъ на суда, толпился и покрывалъ всю набережную: слыша горькія рыданія женъ и смотря на мужественныя, но помраченныя печалію лица солдатъ, чувство состраданія проникало сердце каждаго. Казалось, вся Россія по мановенію своего Монарха, шла для преграды честолюбивыхъ намѣреній Наполеона. Сей всеразрушающій духъ, безпрестанно замышляетъ новыя войны, сей себялюбецъ, не имѣя ни одной добродѣтели, свойственной истинно великимъ мужамъ, попирая всѣ права, пренебрегая благосостояніе народа, избравшаго его своею главою, содѣлался тираномъ Франціи!

Получа въ Ревелѣ нѣкоторыя вещи коихъ недоставало въ Кронштадѣ, и укомплектовавъ экипажъ недостающимъ числомъ

людей, мы отправились въ дальнѣйшій путь 17 Сентября.

Плаваніе Балтійскимъ моремъ.

Конвой съ десантными войсками, вышедшій вмѣстѣ съ эскадрою, къ вечеру уже едва былъ видѣнъ; миновавъ Оденсгольмскій маякъ, и на разсвѣтѣ 18 Сентября обошедъ мысъ Дагерортъ, самый западный конецъ Россійскихъ владѣній, вступили мы въ открытое море. Взорамъ нашимъ представлялись токмо мрачныя облака, гонимыя сѣвернымъ вѣтромъ и снѣжная бѣлизна валовъ. Въ полночь вступя въ отправленіе должности, я восхищался стремительнымъ бѣгомъ корабля, зарывающагося въ волнахъ, подъ носомъ на подобіе водопада шумящихъ. Свистъ вѣтра, изрѣдка прерывался голосомъ стоящаго на стражѣ Лейтенанта, котораго бдительности ввѣрены и ходъ и безопасность корабля. Матрозы были въ совершенномъ бездѣйствіи: одни, сидя у снастей, разговаривали про свои походы, другіе, находясь на верху мачтъ, попѣвали протяжныя пѣсни, иные смѣшными расказами забавляли своихъ товарищей. Что же причиною такой ихъ беззаботливости? упованіе на знаніе начальника, увѣренность въ способности и прочности своего корабля.

Выдумка построенія корабля есть по истинѣ самое важнѣйшее, самое полезнѣйшее, изобрѣ-

теніе ума человѣческаго. Степень совершенства, до коего доведено нынѣ кораблестроеніе, принадлежитъ также протекшему столѣтію. По правиламъ высшей Математики найдено, какой для какого назначенія образъ должна имѣть подводная часть корабля, какую при извѣстной длинѣ корабль долженъ имѣть ширину, сколько сидѣть въ водѣ, сколько надъ водою, сколько поднимать грузу, сколько имѣть мачтъ, парусовъ и другихъ принадлежностей, дабы, имѣя всѣ нужныя качества, способенъ былъ къ быстрѣйшему, безопасному плаванію и удобному управленію. Такимъ образомъ глубокія изслѣдованія, постепенно улучшая, начертали превосходное строеніе корабля, котораго совершенство изумляетъ и самое смѣлое воображеніе. Строеніе всякаго мореходнаго судна соображено такъ, что никакая буря, никакая сила вѣтра не можетъ его опрокинуть, и отважный мореходецъ, отдѣленный отъ смерти одною доскою, преплывая на немъ моря, обтекая вселенную, не боится, ни бездонной глубины океана, ни бушующихъ ураricановъ, ни свирѣпой и непостоянной стихіи. Нельзя не удивляться, какое сдѣлалось различіе въ строеніи и управленіи нашихъ противу древнихъ мореходныхъ судовъ! Чудовищныя галеры Римлянъ, о трехъ или четырехъ ярусахъ веселъ, имѣя худые, малые, слабо укрѣпленные паруса, двигались только руками гребцовъ, и при томъ не имѣя вѣрныхъ часовъ, не умѣя мѣрять скорости

хода, едва могли плавать близь береговъ. Какая опасность такихъ кораблей на волнуемомъ морѣ! какое неудобство при поворачиваніи оныхъ! Напротивъ того нынѣ сто-пушечный корабль, вдвое большій древней галеры, принявъ на себя грузу многія тысячи пудовъ, въ нѣсколько недѣль переѣзжаетъ изъ Стараго Свѣта въ Новой, будучи управляемъ одною только рукою кормчаго. Оснастка корабля столь же удивленія достойна, какъ и его построеніе. Самая малѣйшая веревочка имѣетъ свое названіе и составляетъ звено той цѣпи, которую, если вынуть, то весь составъ ея разрушится. Высота мачтъ сама превеликая, и держа на себѣ великое число парусовъ, соразмѣрена такъ, что при тихомъ вѣтрѣ, сохраняя всю огромность высоты своей, представляетъ ему самую большую площадь: когда же вѣтръ начнетъ крѣпчать, тогда и она со всѣми парусами своими по мѣрѣ прибавленія силы его уменьшается, и чрезъ то не допускаетъ его нанести ей вредъ. Каждая изъ трехъ большихъ деревъ, поставленныхъ одно на другое, изъ коихъ два верхнія могутъ подниматься и опускаться, верхняя называется Брамстеньга, средняя стеньга, которыя вмѣстѣ съ мачтою, напримѣръ стопушечнаго корабля, имѣютъ 40 саженъ длины или высоты. Сорокъ парусовъ растянутыхъ на 12 реяхъ и между мачтами, вися одни надъ другими въ прекрасномъ равновѣсіи составляютъ всегда при всякомъ направленіи вѣтра такую

для напора его поверхности, что онъ, даже и противный, приноситъ мореплавателя къ желаемой пристани.

Вѣтръ дулъ постоянно, щастіе намъ не измѣняло. 20 Сентября прошли Готландъ, ночью миновали Эландъ, а 21-го были уже близъ Борнгольма. Скоро увидѣли мы островъ Меунъ. Бѣлизна береговъ его, мѣшаясь съ синимъ цвѣтомъ моря, представляла глазамъ прекрасное смѣшеніе красокъ. Обойдя мысъ Фластербо, могли бы мы чрезъ часъ быть въ Копенгагенѣ; но вдругъ вѣтръ перемѣнился, сдѣлался противный и мы принуждены были остановиться у деревни Дракѣ, въ 30 верстахъ отъ Столицы Даніи.

Сильный противный вѣтръ продолжался отъ 23-го до 30 Сентября. Скучное стояніе на якорѣ въ дурную погоду, и при томъ такъ недалеко отъ столицы, старались мы разгонять пріятностію бесѣдъ и разговоровъ. Какъ на корабляхъ нашихъ находилась большая часть рекрутъ, то для обученія ихъ, когда вѣтръ немного утихъ, Адмиралъ сдѣлалъ сигналъ, кораблю Уріилу и фрегату Кильдюину сняться съ якоря. Выдумка сигналовъ, помощію коихъ управляется флотъ, заслуживаетъ особенное вниманіе. Десять разныхъ яркихъ цвѣтовъ флаговъ, означающихъ цыфры отъ 0 до 9, раздаютъ всѣ приказанія Адмирала, которые подъ нумерами напечатаны въ особыхъ книгахъ. Верхній флагъ означаетъ единицу, подъ нимъ второй десятки, третій сотни, и такъ

далѣе. Сими флагами составляются всѣ возможныя повелѣнія, извѣстія и тому подобное. Ночью и въ туманъ сигналы дѣлаются пушечными выстрѣлами и фонарями. Телеграфные сигналы показываются шарами и флагами, и основаны на Лексиконѣ, заключающемъ въ себѣ подъ номерами азбуку, и до трехъ тысячъ самыхъ употребительныхъ словъ. Сверхъ сихъ, есть такъ называемые опознательные, которые по условленнымъ знакамъ, показываютъ дружескій или непріятельскій тотъ корабль, съ которымъ въ морѣ встрѣтились. Сіи и секретные сигналы, поручаемые Адмираламъ и Капитанамъ, не прежде распечатываются какъ въ нуждѣ, и притомъ хранятся какъ Государственная тайна.

Копенгагенъ (*).

Гавань Копенгагена всегда наполнена кораблями; биржа завалена тюками товаровъ, свезенныхъ сюда отъ всѣхъ концевъ земнаго шара. Датчане, успѣли воспользоваться нейтралитетомъ, умѣли пріобрѣсти богатство тогда, какъ другіе Европейскіе народы разорились; и нынѣ одни они остались соперниками въ торговлѣ Англичанамъ. Торговыя общества, въ которыхъ по примѣру Швед-

(*) Щитаю не безполезнымъ сообщить здѣсь прежнія мои замѣчанія о сей Датской столицѣ.

скаго и Англійскаго, самъ Король участвуетъ, приносятъ имъ вѣрныя и великія выгоды. Принадлежащія коронѣ купеческія суда отличаются вензелемъ Короля, изображеннымъ на флагѣ.

Насыпь раздѣляетъ гавань на двѣ части: въ одной стоятъ 50 военныхъ кораблей, въ другой помѣщается 300 купеческихъ судовъ. Военная гавань, Адмиралтейство и верфь (*), могутъ служить образцомъ вкуса, порядка и бережливости. Магазейны наполнены всѣмъ нужнымъ для вооруженія кораблей, запасъ лежитъ готовый на нѣсколько лѣтъ впередъ. Лѣса, не прежде употребляются въ строеніе, какъ по совершенномъ ихъ осушеніи. Стапели, на которыхъ строятся корабли, покрыты крышею. Корабли, стоящіе въ гавани, прикованы цѣпями къ сваямъ, также покрыты дощатою крышею, а отъ солнца бока завѣшены парусиною; посему и не удивительно, что Датскіе корабли служатъ по 50 и болѣе лѣтъ. Сія благоразумная бережливость конечно сохраняетъ Государственной казнѣ многіе милліоны. Каждый корабль поставленъ противу магазейна, въ которомъ паруса, снасти и всѣ его принадлежности разложены въ порядкѣ, и при вооруженіи не нужно разъѣзжать по разнымъ мѣстамъ. Датскій флотъ никогда почти не выходитъ въ море, половина

(*) Мѣсто, гдѣ строятся корабли.

матрозъ въ мирное время отпускаются на купеческія суда, на коихъ служа, не только пріобрѣтаютъ нужныя познанія, но обезпечиваютъ свое состояніе. Другая половина состоитъ на службѣ, работаетъ въ Адмиралтействѣ, учится стрѣлять на батареяхъ, а въ свободные дни отпускается на свои работы на биржу. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, они смѣняются первыми. И такимъ образомъ, находясь на службѣ и освобождаясь отъ оной, поволѣ и неволѣ, дѣлаются въ своемъ ремеслѣ опытными, искусными матрозами. Арсеналъ, прекрасной наружности зданіе, также въ Адмиралтействѣ находящееся, хранитъ всякаго роду оружіе для ста тысячъ войска. Въ особой палатѣ показываютъ древніе шлемы, панцыри, палицы и щиты. Иные латы вѣсятъ отъ 4-хъ до 5-ти пудовъ. На клинкѣ одного тяжелаго меча, подписано золотою насѣчкою: *„Петръ Великій посѣщалъ арсеналъ сей въ 1718 году.“*

Биржевой домъ, за Адмиралтействомъ находящійся, обращаетъ вниманіе огромностью своею и готическою наружностію. Зданіе сіе представляетъ безмѣрную залу, всегда наполненную народомъ, гдѣ безпрестанно ѣздятъ огромныя телѣги, влекомыя 12-ю лошадьми, и гдѣ товары всѣхъ родовъ и на многіе милліоны лежатъ на столахъ, подъ шатрами, въ особыхъ лавкахъ, вдоль стѣнъ построенныхъ, и надъ головами висящихъ, куда всходятъ по подъемнымъ лѣстницамъ. Входъ и выходъ сего дома украшенъ портикомъ съ тол-

сными колоннами; длинныя стороны обезображены несоразмѣрно высокими окнами, въ коихъ стекла, круглыя и разноцвѣтныя; крыша вся въ углахъ, со множествомъ слуховыхъ оконъ.

Главная улица и двѣ площади украшены двумя конными статуями Христіана V и Фридриха V. Первая площадь составляетъ осьмиугольникъ, и обстроена прекрасными домами равной высоты. Частныя зданія Копенгагена, не могутъ сравняться съ Петербургскими; онѣ представляютъ смѣсь готической и новѣйшей Архитектуры; но множество магазейновъ, лавокъ и погребовъ показываетъ, что Копенгагенъ производитъ гораздо значительнѣйшую торговлю, нежели наша столица. Дворецъ и библіотека, которые украшали городъ, къ сожалѣнію сгорѣли. Королевскій музеумъ почитается изъ лучшихъ въ Европѣ: оный раздѣляется на восемь залъ, наполненныхъ всякаго рода рѣдкостями. Животныя, птицы, рыбы, растѣнія, минералы, собранные отъ всѣхъ странъ міра, составляютъ богатый кабинетъ естественныхъ рѣдкостей. Изъ искуственныхъ произведеній я замѣчу наиболѣе достойныя примѣчанія: 1. Человѣческій скелетъ изъ слоновой кости, съ малѣйшими артеріями и жилами; 2. Модель корабля, съ мачтами и парусами, и—3. часы изъ слоновой кости, отдѣланы съ удивительною точностію; 4. Мраморный столъ, съ натуральнымъ на немъ изображеніемъ распятія; 5. Деревянная чашка, въ которую вложены сто другихъ,

столь тонкихъ, что при легкомъ къ нимъ прикосновеніи, они гнутся, какъ бумажный листъ; 6. Въ обыкновенной игольникъ, вмѣщена карета, запряженная шестью лошадьми, кучеръ, вершникъ и слуга, столь хорошо выработаны, что разсматривая ихъ въ микроскопъ не льзя не удивиться совершенству ихъ фигуръ; 7. Машина, представляющая сферу по Коперниковой системѣ, обращаемая помощію колесъ, показываетъ всѣ движенія небесныхъ планетъ; 8. Одежды и оружія многихъ народовъ; 9. Нѣсколько Индѣйскихъ и Египетскихъ идоловъ, деревянныхъ, фарфоровыхъ и изъ слоновой кости сдѣланныхъ; 10. Нѣсколько листовъ писанныхъ на папирѣ. Наконецъ въ картинной галлереѣ, одна изъ картинъ обращаетъ на себя вниманіе. Она поставлена въ темномъ углу и представляетъ старика, сидящаго подлѣ стола, окруженнаго его семействомъ, и при свѣчкѣ, въ очкахъ, читающаго книгу. Постепенное различіе свѣта, столь превосходно, что только одному Жираду возможно столь чудесно живописать огонь. Не менѣе того, художникъ сей картины не извѣстенъ. Знатоки расположеніе въ ней тѣней и свѣта поставляютъ примѣромъ искусства живописнаго.

Зундъ.

Послѣ долгаго ожиданія вѣтръ сдѣлался наконецъ попутный и эскадра на всѣхъ пару-

сахъ пустилась излучистымъ каналомъ въ Зундъ. Оный столь опасенъ, что хотя отмѣли съ обѣихъ сторонъ означены баканами и вѣхами, однакожъ въ деревнѣ Дракѣ всѣ корабли берутъ Лотмановъ. Вѣтръ былъ довольно свѣжъ, и мы быстро промчались мимо Датской столицы. Башня со шпицами, гавань со множествомъ кораблей, прибрежныя крѣпости, а за ними огромныя зданія Копенгагена, представляютъ съ моря прекрасный видъ. Набережная Зеландіи, которую проходятъ весьма близко, усѣяна деревнями и загородными домами. Сады, рощи и луга отмѣнно украшаютъ мѣстоположеніе. Другая сторона Зунда Шведскій берегъ, кажется не такъ населенъ, не такъ украшенъ; но золотистыя его нивы показываютъ плодоносіе. Въ двухъ миляхъ отъ Гельзинора находится небольшой Королевскій домикъ, съ плоскою крышею. Сказываютъ, что оный построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ Гамлетовъ отецъ, а ближній садъ былъ мѣстомъ, гдѣ сей несчастный отравленъ ядомъ. Ни одинъ Англичанинъ не пропуститъ осмотрѣть онаго: такова сила таланта славнаго Шекспира! По прелестнымъ видамъ, плаваніе Зундомъ можно назвать пріятною прогулкою. Въ семъ проливѣ, стѣсненномъ двумя цвѣтущими берегами, всегда, какъ на большой дорогѣ, встрѣчаешь большіе караваны кораблей различной величины. Всѣ движутся туда и сюда; одни летятъ, другіе бѣгутъ, третьи едва идутъ; иные несутся

по вѣтру и теченію, а другія противоборствуя имъ, медленно впередъ подвигаются.

Нѣкоторые путешественники расказываютъ, будто бы островъ Веенъ, лежащій среди Зунда, обратилъ вниманіе *Петра Великаго* и будто бы онъ предлагалъ за него Датскому Королю столько серебряныхъ рублей, сколько ихъ на немъ помѣститься можетъ. Естли сіе было, то безсомнѣнія Петръ Великій сею шуткою хотѣлъ означить великое число судовъ, ежегодно проходящихъ Зундъ, и что ежели бы ему сей островъ продали, то поставя на немъ крѣпость и собирая съ нихъ пошлину, онъ скоро бы ему окупился. Оный принадлежитъ теперь Швеціи и Даніи пополамъ, и едва населенный 200 или 300 жителей, представляетъ одно только удобство —торгъ запрещенными товарами.

Гельзиноръ 30 Сентября.

Въ четыре часа эскадра пролетѣла Зундъ и остановилась у Гелзинора. Тутъ всегда бываетъ великое сборище судовъ почти отъ всѣхъ странъ міра, ибо всѣ идущія въ Балтику и обратно, для заплаты пошлины, должны здѣсь остановиться. Море пестрѣетъ отъ разноцвѣтныхъ флаговъ и вымпеловъ. Корабли безпрестанно то отходятъ, то приходятъ, и пушечные выстрѣлы и крикъ работающихъ матросовъ имѣютъ въ себѣ такую прелесть, что со шканецъ сойти не хочется. Городъ,

стоящій на низкомъ берегу, представляется сквозь лѣсъ мачтъ, какъ будто бы за густымъ боромъ.

После обыкновенныхъ посѣщеній и поздравленій съ прибытіемъ, Офицерамъ позволено было съѣхать на берегъ. Шелъ небольшой дождь, на улицахъ было такъ грязно, а отъ множества иностранцевъ такъ тѣсно, что мы принуждены были войти въ первой кофейной домъ; но лишь только проглянуло солнце, какъ мы оставили дымной отъ цыгаръ и трубокъ трактиръ, не стали читать газетъ и вмѣсто того пошли прогуливаться. Сыскавъ проводника, приказали вести себя за городъ,—и деревянные башмаки его застучали на мостовой. Прошли нѣсколько улицъ и весь тутъ городъ! Домы высоки и только три или четыре окна въ фасадѣ, внизу вездѣ лавки. Пришедъ къ воротамъ Кронборга, учтивый караульный Офицеръ ввелъ насъ на дворъ замка, подобнаго четвероугольной башнѣ. Церковь съ готическою колокольнею была заперта, мы сошли внизъ въ казематы, гдѣ содержатся преступники. Они не лишены воздуха, тюрьмы чисты, невольники по силамъ заняты работою и только смертоубійцы на ночь обременяются цѣпями. Стѣны замка дикаго тесанаго камня, весьма толсты и вооружены нѣсколькими пушками. Лучшія его укрѣпленія, морскія батареи, внѣ стѣнъ построенныя. Оныя могутъ вредить кораблямъ, но флота, прорывающагося сквозь проливъ, особенно при

свѣжемъ вѣтрѣ, остановить не въ силахъ. Лордъ Нельсонъ въ 1801 году доказалъ кажется Датчанамъ, что Зундъ ихъ не непроходимъ.

Караульный Офицеръ предложилъ намъ идти въ Королевскій садъ и приказалъ проводить туда одному изъ солдатъ своихъ. Былъ какой-то праздникъ, аллеи пестрѣли отъ женскихъ нарядовъ. Мущины мѣрными шагами ходили взадъ и впередъ, снимали передъ нами шляпы, или лучше только до нихъ дотрогивались и курили цыгары. Хотя листья опали и оставалось уже мало зелени; но садъ, расположенный на горѣ и близъ моря, показался мнѣ весьма пріятнымъ. Съ балкона лѣтняго дома, построеннаго на открытомъ мѣстѣ, видъ Гельзинора и окрестностей представляетъ прелестную картину. Шумный Зундъ, отдѣляя сей видъ, отъ грозныхъ крутыхъ скалъ Швеціи, сею самою противуположностію тѣмъ болѣ плѣняетъ взоры.

Какъ вѣтръ для отплытія въ Англію былъ противный, а день прекрасный, то сѣвъ на шлюбку съ нѣсколькими товарищами, въ полчаса переправились мы чрезъ Зундъ и вышли на берегъ въ Гельсинборгѣ. Двѣ улицы подъ горою, развалившаяся вѣтренная мѣльница на горѣ, и красныя высокія крыши домовъ—вотъ все, что можно видѣть въ семъ небольшомъ городкѣ. Никто не обезпокоилъ насъ на дорогѣ, ибо прошедши до средины города, не встрѣтили мы ни одного человѣка.

Далѣе хотя и попадались намъ люди, но никто насъ не понималъ, всѣ проходили мимо улыбаясь и мы не знали куда идти. Видимъ вывѣзку аптеки — портретъ Галена — мы вошли. Къ потолку привѣшенъ крокодилъ и въ чучелѣ ужасный! Какая находка! Въ чистыхъ шкафахъ, вмѣстѣ съ лѣкарствами, въ банкахъ стоятъ конфекты. Купимъ ихъ скорѣе, ибо надобно же имѣть какую нибудь причину зайти въ аптеку. Наконецъ показали намъ трактиръ, усыпанный пескомъ, правильно укладенный ельникомъ и мы очень обрадовались нашедши тамъ играющихъ на биліардѣ прекрасныхъ и видныхъ Шведскихъ Офицеровъ полка желтыхъ гусаръ. Они какъ хозяева насъ обласкали, мы познакомились, отобѣдали вмѣстѣ и разстались дружески.

Плаваніе Нѣмецкимъ моремъ.

3-го Октября при тихомъ юговосточномъ вѣтрѣ эскадра снялась съ якоря. По причинѣ противнаго теченія въ продолженіи ночи едва успѣли обойти мысъ Кулленъ, и опасный островъ Ангольтъ, окруженный мѣлями. На другой день вѣтръ, отошедъ къ востоку, сдѣлался очень силенъ, корабли пошли по 22 версты въ часъ, и въ 14 часовъ прошли весь Каттегатъ. При захожденіи солнца угрюмыя дикія скалы Дернеуса, послѣдняго мыса Норвегіи были прошли-

ву насъ, а къ ночи эскадра вступила въ Нѣмецкое море. Бурная, мрачная ночь, представляла великолѣпное зрѣлище: Корабль, разсѣкая и вмѣстѣ нисходя и восходя на валы, производилъ бѣгомъ своимъ струю и пѣну обращенную въ пыль. Слѣдъ, а паче близъ руля, слался по хребтамъ волнъ рѣкою лавы, огненнымъ змѣемъ, который извиваясь казалось гнался за кораблемъ. Вода издавала блескъ, подобный золоту, корабль по видимому плылъ въ растопленномъ металлѣ. Подъ носомъ, гдѣ наиболѣе сопротивленія, раздробленные грудью корабля валы, подобно тифонному столбу, вздымаясь высоко, огненнымъ дождемъ падаютъ на палубу. Картина ужасная и вмѣстѣ прекрасная! Морская вода, содержащая въ себѣ множество селитренныхъ, фасфорическихъ, и другихъ частицъ, отъ тренія о бортъ корабля, какъ будто возгорается, и въ темную ночь при скоромъ ходѣ производитъ сіе явленіе.

На другой день, когда мы были посреди моря, то сожалѣли и о скучныхъ кремнистыхъ берегахъ Норвегіи. Обнаженныя скалы сіи раждаютъ вопросъ, чѣмъ питаются жители, ихъ населяющіе? — Милосердый Промыслъ, давъ вельблюда Аравитянамъ, оленя Лапландцу, Норвежцу приводитъ сельдь, такъ сказать къ дому, ежегодно и въ такомъ множествѣ, что безплодіе земли замѣняется плодоносіемъ океана. 1800 года я видѣлъ ловъ сельдей въ Бергенѣ, а прошедшаго 1804 года

въ Консбакѣ (*), зрѣлище любопытное и пріятное. Когда сельдь вошла въ заливъ, море до сего свѣтлое какъ зеркало, перемѣнило цвѣтъ и заблистало рыбьею чешуею. Головы Аккулъ, Нордкаперовъ и Касаткокъ, безпрестанно показывались на поверхности воды. Нордкаперы, родъ малыхъ китовъ, имѣя горло обширнѣйшее Исландскихъ, суть злѣйшіе непріятели сельдей. Они пригоняя ихъ къ берегу, бьютъ хвостами; оглушенная симъ попадаетъ она въ пасть ихъ. Рыбачьи лодки, держась въ двухъ линіяхъ, черпаютъ рыбу, саками, ведрами и берутъ даже руками. Ночью, ловъ всегда бываетъ успѣшнѣе, ибо рыбы, стремясь къ огнямъ, зажигаемымъ на берегу и на лодкахъ, въ великомъ множествѣ попадаются въ сѣти, растянутыя съ лодки на лодку. При удачной ловлѣ, одинъ промышленникъ, въ ночь, получаетъ ее столько, сколько нужно на годъ для его семейства. Голландцы тотчасъ по вынутіи сельди изъ воды, потрошатъ, вымываютъ морскою водою, солятъ и укладываютъ въ бочонки, и вѣроятно отъ сего приуготовленія, сельдь ихъ лучше прочихъ; ибо Англичане, Шведы и наши Архангелогородцы очищаютъ ее, спустя уже нѣкоторое время.

Вѣчная премудрость, которая печется о сохраненіи всѣхъ тварей, и здѣсь замѣтна

(*) Заливъ, удобный для кораблей, въ 30 верстахъ отъ Готенбурга къ востоку лежащій.

въ жизни и разумѣ сельдей, если симъ, можно назвать то тайное побужденіе (instinct), которое заставляетъ ихъ, предпринимать путешествіе всегда въ одно время, до извѣстной широты, и въ строѣ, порядкѣ удивительномъ возвращаться въ отечество свое, сѣверный полюсъ, гдѣ подъ льдомъ, отъ хищныхъ рыбъ живутъ они въ безопасности. Вотъ путь, по коему они слѣдуютъ: въ началѣ года, армія сельдей выступаетъ и плыветъ къ югу. Въ Мартѣ мѣсяцѣ, достигнувъ Исландіи, раздѣляются на два корпуса. Первой, разными отрядами идетъ къ Тенерифу, другой обращается къ Норвегіи и обошедъ мысъ Дернеусъ, раздѣляется на двѣ колоны. Одна изъ нихъ, чрезъ Зундъ, другая чрезъ Бельты, входятъ въ Балтійское море, гдѣ дошедъ до Шведскихъ шхеръ, возвращаются назадъ, и плывутъ соединенно къ берегамъ Голландіи. Западная армія, всегда преслѣдуемая хищными рыбами, обходитъ Шедландскіе и Оркадскіе острова, идетъ вдоль береговъ Великобританіи и Ирландіи, обращается въ Англійскій каналъ и отдѣляетъ отъ себя еще одну колонну въ Атлантическій океанъ, которая далѣе Бискайскаго залива рѣдко является. Распространившись такимъ образомъ по всѣмъ сѣвернымъ морямъ, соединяются они въ Нѣмецкомъ морѣ, и въ концѣ осени, возвращаются въ свою отчизну. Естествословы, изыскивая причину таковаго правильнаго путешествія сельдей,

полагаютъ исканіе пищи, состоящей въ червяхъ, коими сѣверныя моря преисполнены.

Въ семъ путешествіи сельдей представляется для наблюдателя зрѣлище столь любопытное, толико же и удивительное. Впереди арміи ихъ идетъ авангардъ, въ центрѣ главнаго корпуса находится Король, который отличается отъ прочихъ величиною, простирающеюся до аршина. Сей Король управляетъ всѣми движеніями, и обыкновенно въ морѣ, плывутъ сельди фронтомъ; когда же придется проходить имъ проливъ, тогда свертываются колонною. Если случится кому поймать Короля, тотчасъ бросаютъ его въ море, ибо рыбаки думаютъ, что безъ него ловъ не можетъ быть такъ удаченъ; и самыя хищныя рыбы, какъ полагаютъ, щадятъ его по той же причинѣ. Сельди, такъ говоритъ краснорѣчивый Бюффонъ, производятъ маневры свои, безъ малѣйшаго замѣшательства. Въ походѣ, ни одна не оставляетъ своего мѣста, нѣтъ между ими бѣглецовъ, ни отставшихъ; онѣ продолжаютъ путь свой безостановочно, переходятъ отъ мѣста къ мѣсту всегда въ одно время, и всегда въ извѣстный срокъ возвращаются домой.

5 и 6 го Октября вѣтръ стоялъ въ прежней силѣ, море подобно было снѣжному холмистому полю, корабли въ ходѣ не уступали одинъ другому и мы не имѣли пріятности дожидаться задняго. Ночи были самыя осеннія, сумрачныя, холодныя съ дождемъ. Облака

мчались быстро, луна изрѣдка показывалась. Темнота, скрывавшая предметы, казалось усиливала вѣтръ, который ужаснымъ образомъ завывалъ въ снастяхъ. Корабль валяло съ бока на бокъ подобно легкой лодкѣ. Когда вѣтръ дуетъ съ кормы, корабль имѣетъ боковую качку самую безпокойную и вредную для его корпуса. По сему-то и самый благопріятный, хорошъ бываетъ только до нѣкоторой степени.

7-го Октября вѣтръ нѣсколько стихъ, и мы прошли Англійскую эскадру, лежащую по среди моря на якорѣ, на догеръ-банкѣ. Отмѣль сія такъ соразмѣрно возвышается къ срединѣ, что когда придешь на нее, то бросивъ лотъ (свинцовая гиря) по числу сажень глубины и грунту опредѣляютъ мѣсто корабля на картѣ. 8-го Октября пасмурность очистилась, море успокоилось, день сдѣлался прекрасный, стаи чаекъ носились уже въ воздухѣ, что означало близость берега. Вскорѣ караульный матрозъ на верьху передней мачты закричалъ: берегъ виденъ! Всѣ съ зрительными трубами бросились смотрѣть. Надобно быть на морѣ, чтобы чувствовать радость при появленіи земли. Переходъ отъ грознаго вида моря, къ зрѣнію цвѣтущей зелени, ни съ чѣмъ сравнить не можно. Тутъ съ жадностію разсматриваютъ малѣйшія оттѣнки показавшагося строенія; по мѣрѣ приближенія удовольствіе увеличивается, предметы возникаютъ, ростутъ изъ

моря и мало по малу отъ скучнаго единообразія неба и воды, переходишь ко множеству пріятныхъ видовъ, которые движутся, измѣняются и представляютъ взору такое занятіе, что зрѣніемъ симъ не можешь довольно насладиться. Прежде всего увидѣли мы Норд-фор-ландскіе маяки (*). Вотъ Англія, вотъ и Франція, въ земляхъ сихъ двухъ народовъ, такое же соперничество и противоположность, какъ и во нравахъ. Бѣловатые берега Албіона, мало возвышены и покрыты зеленью. Все видимое пространство раздѣлено пашнями, лугами, рощами; усѣяно городами, селами и прекрасными мызными домиками. Пристань Дувра наполнена кораблями, за нимъ къ сѣверу у Доунса, стоитъ большой военный флотъ. Напротивъ Кале, лежитъ печально на пещаной косѣ, въ безплодной пустынѣ, гдѣ не видно ни деревъ, ни луговъ и ни одного корабля, ни одной рыбачей лодки въ гавани. Прекрасная ночь и благопріятный вѣтръ способствовали нашему плаванію въ Англинскомъ каналѣ. 9-го Октября на разсвѣтѣ, эскадра прибыла въ Портсмутъ.

(*) Считаю небезполезнымъ замѣтить, что Англинскіе лоцманы ночью для лучшаго разсмотрѣнія маяка, направляютъ на него зеркало, и тогда не только огонь, но горизонтъ и окрестные предметы, разстояніемъ на 25 верстъ, очень ясно показываются.

Портсмутъ. Октябрь.

Лишь только эскадра стала на якорь, шлюпка со стопушечнаго корабля, на коемъ былъ флагъ Адмирала Монтегю, главнаго Командира Портсмутскаго порта, пристала къ Ярославу, для поздравленія съ прибытіемъ и положенія о салютѣ, въ которомъ Англичане предъ всякимъ флагомъ требуютъ преимущества. Съ нѣкотораго времени однакожъ, съ Россійскими Адмиралами они сдѣлались снисходительнѣе, и теперь на 15 выстрѣловъ нашего, отвѣчали равнымъ числомъ. Едва успѣли мы убрать парусы, уже множество любопытныхъ взошли на корабль: толстыя, опрятно одѣтыя торговки, качаясь у борта на малыхъ яликахъ, продавали свѣжую зелень, хлѣбъ, сливки и плоды. Одинъ изъ вошедшихъ любовался Рускою постройкою корабля и веселымъ видомъ людей; другой приглашая въ свой тракпиръ называлъ его лучшимъ въ городѣ; купецъ съ щегольскимъ поклономъ отдавалъ билетъ, по коему можно сыскать его лавку, и печатной листъ съ званіемъ товаровъ и цѣнъ; театральный содержатель, приглашая удостоить посѣщеніемъ его сцену, обѣщалъ изъ уваженія къ Рускимъ офицерамъ, освѣтить ложи великолѣпно. Наконецъ ботъ съ сотнею прекрасныхъ женщинъ, щеголевато одѣтыхъ, желали взойти на корабль и видѣть Россійскихъ мореходцовъ; но мы не могли принять ихъ и принуждены были отказаться

отъ посѣщенія, которое впрочемъ былобы намъ весьма пріятно (*). Ботъ съ водою, (**) другой съ мясомъ и зеленью, вскорѣ же прибыли къ эскадрѣ, и вниманіе Англинскаго Правительства простиралось до того, что мы, не сходя съ корабля, имѣли все нужное.

Спитгедъ.

Такъ называется большой рейдъ Портсмута, заключающійся между островомъ Вайтомъ и городомъ. На немъ удобно помѣститься могутъ до 5.000 кораблей. Будучи главнымъ сборнымъ мѣстомъ военнымъ и купеческимъ флотамъ, можетъ быть нѣтъ въ свѣтѣ гавани, гдѣ бы вдругъ стояло такое множество судовъ, приходящихъ сюда со всѣхъ концовъ земнаго шара. Здѣсь во всякое время стоитъ эскадра или двѣ, опредѣленныя для крейсерства въ каналѣ; сюда же приходятъ Остъ и Вестъ-Индскіе транспорты для полученія конвоя и выдержанія карантина. Я никакъ не могъ перечесть сколько на рейдѣ стояло судовъ, мачты ближайшихъ, закрывая дальнія, уподобляютъ

(*) По морскому уставу однимъ женамъ позволяется посѣщать мужей своихъ, и то только до пробитія зори въ своихъ портахъ.

(**) Вода наливается въ трюмъ, обитый свинцомъ, и помощію насосовъ, когда ботъ пристанетъ къ борту, скоро и удобно переливается въ корабельныя бочки.

рейдъ большому городу, весьма населенному, въ которомъ все движется и дѣйствуетъ безпрестанно. Нидельскій проливъ, по сѣверную сторону острова Вайта лежащій, также приливъ и отливъ, обращая воду чрезъ каждые шесть часовъ, то къ морю, то къ берегу, даетъ возможность кораблямъ во всякое время и при противномъ вѣтрѣ удобно приходить и отходить, что и составляетъ наилучшее преимущество военнаго порта. Глубина отъ 5 до 14 саженъ. Рейдъ открытъ Южнымъ вѣтрамъ.

Взглядъ на городъ.

Пасмурная, дождливая погода, туманъ и густыя облака дыма покрывали городъ. Смрадъ отъ каменныхъ угольевъ, доходилъ и до насъ. На третій день, когда небо прояснилось, съ великимъ нетерпѣніемъ съ тремя товарищами, сѣвъ на шлюпку, поѣхалъ я въ городъ. Едва ступилъ ногою на пристань, первая встрѣча и первое происшествіе,—пьяный рыжій матрозъ просилъ позволить одному изъ нашихъ гребцовъ биться съ нимъ на кулачки. Шитые наши мундиры, какъ казалось, привлекали вниманіе черни. Толпами, забѣгая впередъ, безпрестанно окружали насъ и мы насилу протолкались до большой улицы. Переходя по тротуарамъ, бродя сами не зная куда, на парадной площади встрѣтили мы прекрасныхъ мальчиковъ, съ сумками и книж-

ками въ рукахъ; они, бѣгая и прыгая предъ нами, кричали: *рушинъ добра! рушинъ добра!*... Прекрасное привѣтствіе, но какъ это одно слово, которымъ Англичане думаютъ говорить по Руски, то иногда оно принимается и въ противномъ смыслѣ. За ними шли маленькія Англичанки: въ капотцахъ, соломенныхъ шляпкахъ, съ корзинками въ рукахъ; едва ли нѣкоторыя, и то закраснѣвшись, осмѣлились взглянуть на насъ мимоходомъ. Позолоченная вывѣска: на коей подписано предложеніе услугъ Гг. Рускимъ Офицерамъ, остановила насъ. Всходимъ на крыльцо и въ просторныя сѣни. Нѣсколько мальчиковъ бросились одни чистить сапоги: другіе обметать мундиры, и за такую услугу требовали по шилингу. Взявшись за ручку дверей, услышали мы звонъ колокольчика, и на самомъ порогѣ, прекрасный мущина, въ башмакахъ, въ шелковыхъ чулкахъ, расчесанный, распрысканный духами, съ двуми часами или, можетъ быть, только съ двуми цѣпочками, является и учтиво кланяется. Мы остались бы въ недоумѣніи, за кого принять сего щеголя, если бы молчаливое, вмѣстѣ почтительное и озабоченное лице не означало въ немъ трактирнаго слугу. Поклонившись еще въ другой разъ, показалъ онъ комнату: по столамъ, на окнахъ, вездѣ разбросаны газетные листы. Посѣтители въ шляпахъ, углублены были въ чтеніе. При входѣ, никто не обратилъ на насъ вниманія, хотя мы и поклонились безмолвному ихъ

собранію. Веселый шумъ съ другой стороны привлекъ насъ въ комнату, гдѣ мы нашли нашихъ Офицеровъ почти со всей эскадры. Ненужно сказывать о чистотѣ и порядкѣ Англійскихъ тракшировъ; но должно замѣтить, что въ нихъ на каждомъ шагу надобно вынимать кошелекъ, которой, какъ бы тяжелъ ни былъ, скоро дѣлается легкимъ. Въ шесть часовъ подали обѣдъ; самъ хозяинъ, вѣжливой, благовидной старикъ, угощалъ и при каждомъ блюдѣ спрашивалъ: хорошо ли? нравится ли? Проворство слуги было удивительно; онъ одинъ услуживалъ тритцати особамъ и вездѣ успѣвалъ. Тутъ мы ночевали. Поутру вмѣстѣ съ чаемъ подали завтракъ и газеты. Журнальныя новости для Англичанъ стихія, столько необходимая какъ и воздухъ. Все утро занимаются политическимъ преніемъ, и даже дамы столь твердо знаютъ Географію, что могутъ показать на картѣ мѣсто всякаго сраженія, и изъяснить планъ и движенія войскъ.

Иностранца, пріѣхавшаго въ первой разъ въ Англію, изумляютъ дѣятельность, трудолюбіе и чистота. Отъ утра до вечера, вы увидите каждаго за своею работою; вы увидите въ городѣ такое движеніе, какое рѣдко гдѣ найти можно; всякой спѣшитъ къ мѣсту своему широкими шагами, которые кажется помогаютъ обдумывать дѣла. Здѣсь не раздавитъ васъ скачущій экипажъ; даже дамы не стыдятся ходить пѣшкомъ, и это, изба-

вляя отъ непріятнаго стуку каретъ, сохраняетъ лучше здоровье. Фасады домовъ, мостовыя и тротуары представляютъ удивительную чистоту; ихъ безпрестанно то метутъ, то обмываютъ. Домы, въ коихъ окна такъ чисты, что ихъ кажется совсѣмъ нѣтъ, большею частію не штукатурены; но прекрасно выдѣланные кирпичи не отнимаютъ вида. Нѣкоторые построены изъ досокъ, но отъ каменныхъ ихъ отличить не льзя: стѣны снаружи по извести убиты острыми кремнями, и когда по утрамъ обливаютъ ихъ водою, при свѣтѣ солнца блестятъ какъ дорогіе каменья. Краснаго дерева или выкрашенная подъ лакъ дверь ведетъ на лѣстницу, и составляетъ входъ каждаго дома. Нижніе этажи занимаются безконечнымъ рядомъ богатѣйшихъ лавокъ. Товары разложены за большими стеклами столь искусно, что невольно подойдешь и купишь. Войдите въ суконный магазейнъ: купецъ, ни слова не говоря, подаетъ книгу съ образчиками и надписанною цѣною, выберите, молча заплатите, и когда васъ спросятъ, что вамъ угодно шить и когда прикажете, чтобъ было готово? отвѣчайте: фракъ чрезъ два часа, и будьте увѣрены, что въ назначенное время все будетъ готово. Если бы вы покупали на нѣсколько тысячъ рублей, выберите товаръ, заплатите по печатной таксѣ, и все доставлено будетъ на домъ въ настоящей мѣрѣ и вѣсѣ.

Адмиралтейство.

Портсмутъ почитается лучшимъ укрѣпленіемъ въ Англіи и состоитъ изъ трехъ частей или городовъ: Портсмута, Портси и Госпорта. Первый обнесенъ землянымъ валомъ, и къ югу имѣетъ укрѣпленіе, называемое Соутси-Кестель. Устье рѣки, служащей гаванью, защищается круглою крѣпостью Монктонъ. Въ Портси, лежащемъ возлѣ Портсмута и на одномъ съ нимъ острову, находится Адмиралтейство, можетъ быть, лучшее и обширнѣйшее въ свѣтѣ. Гавань и доки всегда заняты починивающимися и строющимися кораблями, огромныя зданія наполнены всѣмъ нужнымъ для флота, мастерскія въ безпрерывной дѣятельности. Не стану говорить о прекрасныхъ строеніяхъ, въ коихъ видна прочность и удобность; не упомяну о безчисленныхъ запасахъ всякаго рода, коими наполнены арсеналы и магазейны; не распространюсь о красотѣ и прочности кораблей, которые, какъ всякому извѣстно, совершенны, но замѣчу только, что здѣсь, кажется, ничего не умѣютъ дѣлать дурнаго: каждый мастеровой искусенъ въ своемъ дѣлѣ. Простой плотникъ обработываетъ кусокъ дерева, для вставки въ палубу корабля, по циркулю, линейкѣ и угломѣру. Это кажется уже слишкомъ. Нашъ плотникъ, не имѣя въ рукахъ никакихъ инструментовъ кромѣ топора, оканчиваетъ сію работу скорѣе: нежели три Англичанина и ежели не такъ

чисто, то также точно. Гдѣ у насъ употребляется сила людей, здѣсь производится машинами, огнемъ, водою и лошадьми. Стукъ и громъ колесъ, трескъ и клокотаніе огня и воды, въ безпрерывномъ движеніи находящихся, замѣняютъ нѣсколько сотъ работниковъ, улучшаютъ вещь и сокращаютъ время. Не возможно описать всѣхъ машинъ, коихъ составъ удивляетъ и самыхъ мудрыхъ Механиковъ. Скажу объ одной блоковой: она съ помощію осьми человѣкъ и четырехъ мальчиковъ отдѣлываетъ въ день по 600 блоковъ. Французъ, изобрѣтшій ее, награжденъ довольно щедро: ему выдается съ каждаго средствомъ его сдѣланнаго блока по два пенса (4 копейки) по смерть. Какъ исчислить, сколько тысячь блоковъ сдѣлаютъ въ день во всей Англіи и сколько тысячь рублей получитъ онъ въ продолженіе своей жизни? Вотъ способъ, коимъ попечительное Правительство достигло совершенства всѣхъ издѣлій! Духъ Англійскаго народа стремится къ пріобрѣтенію богатства, къ умноженію избытковъ, и Правительство, питая въ немъ сіе рвеніе, вознаграждаетъ щедро трудолюбіе не только своихъ, но и чужеземныхъ художниковъ. Французы съ пользою упражняются въ механическихъ искусствахъ: живое воображеніе дѣлаетъ ихъ къ тому способными; но сложныя машины, въ коихъ потребна Геометрическая точность, нигдѣ кромѣ Англіи не могутъ быть такъ сдѣланы, ибо Французы, не имѣя

Англійскаго терпѣнія, не достигаютъ совершенства въ такой работѣ, которая требуетъ постояннаго вниманія.

Изъ Адмиралтейства на яликѣ переправились мы въ Госпортъ. Посреди рѣки на вертлюжныхъ якоряхъ стоятъ разоруженные старые корабли. Бѣдные Французы выглядывали изъ оконъ, другіе танцовали на верхней палубѣ. Хорошо ли содержатъ сихъ плѣнныхъ? спросилъ я у перевощика. Также какъ нашихъ во Франціи. Это значитъ, очень дурно. На сей вопросъ Французъ можетъ быть отвѣчалъ бы: также какъ и въ Англіи. Кому тутъ вѣрить? Извѣстно только то, что Англійское Правительство посылаетъ знатныя суммы для содержанія своихъ плѣнныхъ во Франціи, а Бонапарте не издерживаетъ на сіе ни копѣйки.

Госпиталь.

Осмотрѣвъ въ Госпортѣ Гасларскую морскую Госпиталь, Ботаническій при ней садъ и Анатомическій Театръ, всякой долженъ согласиться, что въ Англіи не жалѣютъ издержекъ на человѣколюбивыя заведенія. Зданіе имѣетъ простую наружность; внутренность расположена удобно и покойно. Вошедъ въ длинныя палаты, дышишь стольже чистымъ воздухомъ, какъ и въ саду. Занавѣсы у оконъ, бѣлье, посуда, мебель, порядокъ и опрятность, не дадутъ замѣтить, что находишся въ больницѣ. Въ одной комнатѣ помѣщены раненые;

кровати ихъ съ винтами, помощію коихъ можно больнаго посадить, не трогая раненой руки или ноги. Въ палатѣ трудныхъ, я разсматривалъ все съ особеннымъ удовольствіемъ, и остался въ ней долѣе нежели въ другихъ. Постели поставлены въ нѣсколькихъ шагахъ одна отъ одной; предъ каждою столикъ съ лѣкарствами; на черной доскѣ, висящей у изголовья, написано, когда ихъ принимать. Больные имѣютъ то утѣшеніе, что смертный одръ ихъ окружаютъ родственники, и послѣдній вздохъ примутъ сердца чувствительныя. Посмотрите, какое умиленіе въ глазахъ этой дѣвушки, подающей слабому старику пить! Посмотрите, съ какою чувствительностію сія женщина читаетъ молитву, и въ сердце друга жизни своей льетъ бальзамъ утѣшенія! Здѣсь всѣ говорятъ шепотомъ; какая черта сострадания! Два лѣкаря сидятъ у стола: они всегда готовы подать помощь; какое милосердіе! Женщины ходятъ за больными, раздаютъ лѣкарства и пищу, какой присмотръ и чистота! Передъ переднимъ фасадомъ на обширномъ дворѣ бьетъ фонтанъ, отъ коего, чрезъ трубы, вода проведена въ кухню и во всѣ сѣни. Съ удовольствіемъ можно сказать, что присмотръ и чистота въ нашихъ Госпиталяхъ ни мало не уступаютъ Англійскимъ. Больница же для Оберъ-Офицеровъ, бывшая въ Кронштадѣ, можетъ служить образцомъ.

Дамской клобъ.

Въ одинъ ненастный бурный вечеръ, когда при пылающемъ огнѣ въ каминѣ, сидѣли мы вокругъ чайнаго стола, Джамесъ, трактирный слуга докладываетъ о Директорѣ дамскаго благороднаго клоба. Молодой румяной попечитель дамъ, сдѣлавъ по правиламъ танцовальнаго искуства нѣсколько пренизкихъ поклоновъ, пригласилъ насъ на балъ, имѣющій быть сего вечера, Какъ отказаться отъ такого предложенія? Употчивавши Г. Директора по Руски, и отпустивъ его весьма довольнаго, мы не знали, какъ привезть съ корабля платье; темнота и сильный вѣтръ препятствовали послать шлюпку. Проворный Джамесъ избавилъ насъ отъ заботъ: чрезъ часъ, нѣсколько гиней, нѣсколько портныхъ и парикмахеровъ снабдили каждаго всѣмъ нужнымъ. Кареты поданы: мы пріѣзжаемъ и входимъ въ залу собранія еще во время. При звукахъ громкаго марша, Директоръ съ плоскою треугольною шляпою подъ рукою, встрѣтилъ насъ при входѣ. Зала не имѣла никакихъ убранствъ, кромѣ бѣлыхъ стѣнъ и нѣсколькихъ лампъ, яркимъ огнемъ освѣщавшихъ всю длину ея. Въ противуположномъ концѣ отъ дверей, на стульяхъ, поставленныхъ рядами, сидѣли дамы, всѣ въ коленкоровыхъ ослѣпительной бѣлизны платьяхъ; кавалеры стояли позади въ отдаленіи. Директоръ представилъ насъ нѣкоторымъ, сидѣвшимъ въ переднемъ

ряду, и насъ тутъ же посадили между дѣвицами — дѣвицами по тому, что не слыхалъ я, чтобъ которую называли Lady; всѣ были Miss, и въ самой цвѣтущей молодости. Обычай совсѣмъ новый для Рускихъ! Здѣсь дѣвицамъ оставляется вся свобода, а женщина, мать семейства, напротивъ, сидитъ дома, и рѣдко, очень рѣдко является въ большія собранія. Служащіе Офицеры были во фракахъ, какъ мнѣ сказывали потому, что въ обществахъ имя гражданина предпочитается военному званію. Мальчикъ въ круглой шляпѣ и дѣвочка въ коротенькомъ плащьицѣ, прекрасные какъ два Купидона, открыли балъ менуэтомъ и жигою, и въ сей послѣдней дѣвушка при самыхъ смѣлыхъ движеніяхъ сохраняла нѣжность и приличность. Послѣ начались премудреныя кадрили въ 12 паръ, отъ которыхъ мы отказались, но дамы хотѣли, чтобъ мы танцовали, и сами вызвались научить насъ чему нибудь Англинскому. Одна дѣвица, предложила мнѣ быть ея кавалеромъ во весь вечеръ, и это особенное снисхожденіе оказываемо было только Рускимъ. Каждый изъ насъ имѣлъ свою даму. За кадрилями послѣдовали экоссезы, въ которыхъ стройность стана, для Живописцевъ и Ваятелей представила бы прекрасные образцы и положенія. Въ короткое время мы познакомились: кто говорилъ по Англински, окруженъ былъ дамами; разумѣвшіе другіе языки, также не остались безъ занятія; но можно было замѣ-

тить, что свой языкъ предпочитали иностраннымъ, особенно Французскому. Между собою всѣ говорили по Англински. Отъ того-то языкъ, столь бѣдный и на слухъ грубый, въ устахъ женщины становится нѣжнымъ и мягкимъ, и отъ того-то Англичане прежде всего стараются какъ можно лучше объясняться на своемъ природномъ языкѣ, ибо въ противномъ случаѣ они въ женскомъ обществѣ были бы смѣшны, а быть смѣшнымъ здѣсь, также какъ и вездѣ, весьма непріятно. Нѣсколько Рускихъ словъ, вытверженныхъ развязными Англичанками, производили въ собраніи шумъ; другъ друга учили какъ ихъ выговаривать, смѣялись, ломали языкъ и сею шуткою умножали общее удовольствіе. Въ 12 часовъ дамы скрылись и мы остались съ одними кавалерами: насъ замучили политикою и новостями. Что дѣлаютъ дамы? онѣ пошли переодѣваться, перемѣнять чулки, башмаки и перчатки. Чрезъ полчаса двери отворились, дамы несли столы, скатерти; три и четыре вмѣстѣ тащили превеликой самоваръ, столькоже несли чайной приборъ и разныя закуски. Мы бросались помогать, но намъ этого не позволили. Въ минуту зала уставилась столиками, вокругъ коихъ дамы суетились въ приуготовленіи чая. Когда сѣли по мѣстамъ, изъ за каждаго стола вышло по одной дамѣ: они взяли напередъ всѣхъ Англичанъ, насъ послѣднихъ разобрали по одиначкѣ и угощали точно такъ, какъ

въ своемъ семействѣ. Послѣ пріятнаго ужина экоссезы продолжались до свѣта и по желанію членовъ, намъ предложили билеты на будущія собранія. Этотъ балъ доставилъ нѣкоторымъ Офицерамъ знакомства самыя пріятныя.

Окрестности Портсмута.

Въ намѣреніи сдѣлать небольшую прогулку, избравъ ясный Октябрскій день, мы взяли три почтовыя коляски и двухъ верховыхъ лошадей. Мнѣ досталась одна изъ послѣднихъ, но я, какъ плохой ѣздокъ, на манежной лошади скоро отсталъ отъ товарищей. Выѣхавъ за городъ, и не могши догнать передовыхъ колясокъ, тихимъ шагомъ ѣхалъ по прекрасной, гладкой и ровной, какъ полъ, дорогѣ. Обѣ стороны ея густо обсажены шиповникомъ и ежевикой; проѣзды въ полѣ заставлены рогаткою, такъ, что никто изъ проѣзжихъ не можетъ ѣхать стороною. Трудолюбіе видно на каждомъ шагу; нѣтъ и клочка земли необработанной. Каждая дача обрыта рвомъ и обсажена деревьями. Домикъ земледѣльца представляетъ удобность, вкусъ и чистоту. Во всемъ видны порядокъ и устройство; вездѣ встрѣчаешь изобиліе, довольство, и нигдѣ взоръ не поражается бѣдностію. Крестьянинъ работаетъ на прекрасной лошади; тучной рогатой скотъ и овцы пасутся на лугу его.

Ничего нѣтъ худаго, истомленнаго; ничего нѣтъ похожаго на недостатокъ.

Чрезъ двѣ мили, меня остановили у шлагбаума. Безногій инвалидъ, узнавъ, что я Руской, не хотѣлъ взять съ меня нѣсколькихъ копѣекъ, положенныхъ для содержанія дорогъ. На четвертой милѣ лошадь сама остановилась у почтоваго двора. Не спрашивая, куда и за чѣмъ я ѣду, мнѣ тотчасъ подвели другую, и три почтаіона протянули ко мнѣ руки. Каждый крапко и рѣшительно объявлялъ свое требованіе: одинъ просилъ за то, что подалъ лошадь, другой, что чистилъ сѣдло, третій, что почистилъ шляпу. Пылкій конь, котораго не смѣлъ удерживать, скоро доставилъ меня на другую станцію; тутъ узналъ я, что коляски не проѣзжали, и слѣдственно разлучась съ своими товарищами, долженъ былъ воротиться въ городъ, безъ всякаго удовольствія, проскакавъ взадъ и впередъ 16 миль. Отъ верховой ѣзды, къ которой не привыкъ, усталъ, почувствовалъ необыкновенной голодъ; и вошедъ въ кухню, просилъ, чтобъ подали скорѣе готоваго каплуна. Хозяйка не соглашалась, потому, что онъ изготовленъ по заказу господина, который долженъ сей часъ пріѣхать; но служанка рѣшила нашъ споръ, взоткнувъ другаго на вертелъ, жаренаго подала мнѣ. Лишь только сѣлъ я за столъ, коляска подъѣхала къ крыльцу; хозяйка прибѣжала отнять мое жаркое, а служанка, держа

ее за руки, не допускала; между тѣмъ вошелъ въ залу пожилой мущина въ мундирномъ сертукѣ, и узнавъ причину шума, и то, что я иностранецъ Руской, (такъ назвала меня въ досадѣ тракторщица) успокоилъ ее тѣмъ, что онъ болѣе былъ бы доволенъ ею, если бы она и весь его обѣдъ подала мнѣ. Потомъ, обратясь ко мнѣ, просилъ вмѣстѣ съ нимъ откушать. Едва успѣлъ я поблагодарить за учтивость, какъ вбѣжала въ комнату молодая дѣвушка въ соломенной шляпкѣ. „Это моя дочь, сказалъ Полковникъ. *Бетси!* рекомендую тебѣ Рускаго Офицера: онъ будетъ съ нами обѣдать, поди похлопочи, чтобъ намъ подали чего нибудь получше, и бутылки двѣ хорошаго вина.“ За столомъ Полковникъ распространился о настоящихъ произшествіяхъ. Въ откровенномъ разговорѣ превозносилъ безкорыстіе нашего Императора, и сіе нравилось мнѣ болѣе по тому, что Англичане не слишкомъ бываютъ на похвалы расточительны. Онъ довезъ меня до деревни, гдѣ по счастію нашелъ я моихъ товарищей, которые начали уже безпокоиться, и возвратясь въ городъ хотѣли послать искать меня.

Островъ Вайтъ.

Хотя Октябрь уже былъ въ исходѣ, но погода стояла ясная и довольно теплая. Желая воспользоваться свободнымъ отъ должности временемъ, согласились мы, (насъ

было 8 человѣкъ) осмотрѣть *Вайтъ* и побывать въ *Нюпортѣ*, главномъ сего острова городѣ, отстоящемъ отъ Спитгеда въ 12 верстахъ. Дабы имѣть болѣе времени, рано поутру съѣхали мы въ деревню *Ковесъ*, противу которой недалеко стояли наши корабли. Содержатель кофейнаго дома, по знакомству, взялъ на себя трудъ изготовить экипажи, а между тѣмъ подали чай. Пастушій рожокъ вызвалъ меня на балконъ, посмотрѣть на площадь, куда каждая хозяйка дома или дѣвочка, сопровождаемая собакою, выгоняли скотъ. Родъ сихъ пастушьихъ собакъ заслуживаетъ вниманіе: извѣстно, что въ Англіи истреблены всѣ хищные звѣри, особенно въ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе занимаются скотоводствомъ; сіи собаки столь понятливы, и хорошо пріучены къ скоту, что почти во всѣхъ случаяхъ замѣняютъ пастуховъ.

Оставя Ковесъ, поднялись мы на небольшую гору, и островъ Вайтъ представилъ взорамъ прелестное зрѣлище! Длинные ряды зеленыхъ холмовъ, покрытыхъ рощами и садами и раздѣленныхъ множествомъ луговъ, на коихъ паслись большія стада всякаго скота, покрывали все видимое пространство. Проѣзжая далѣе, на каждомъ шагу встрѣчали мы новые прекраснѣйшіе виды. Смѣсь пашенъ съ лугами, огородовъ съ садами, дворянскихъ палатъ съ фабриками, и чистые земледѣльческіе домики, разбросанные въ тѣни деревъ, такъ разнообразятъ предметы, и дѣлаютъ мѣстопо-

ложенія столь привлекательными, что, кажется, по всей справедливости Вайтъ названъ *садомъ Англіи.* Здѣсь даже безплодныя мѣста украшены болѣе, нежели тѣ, кои Природа одѣла зеленью. Повсюду видны вкусъ и похвальное трудолюбіе. Болото, песчаное поле, малый ручеекъ, каменистая гора, хотя съ великими издержками, но приносятъ какую нибудь пользу. Удобность и чистота хижинъ земледѣльцевъ столь удивительны, что только тѣ, которые были въ Англіи и входили въ нихъ, согласятся, что Англинскіе крестьяне живутъ по дворянски. Проѣзжая одну рощу, мы увидѣли сидящаго подъ кустомъ простаго пахаря, которому жена наливала чай. Жирная большая лошадь щипала траву подлѣ сохи его. Когда мы къ нему подошли, онъ, не трогаясь съ мѣста, предложилъ намъ рому, чаю и сыру. Генрихъ IV, Король Француской, желалъ, чтобы самый бѣдный поселянинъ его по воскреснымъ днямъ имѣлъ въ похлебкѣ курицу. Если въономъ полагалъ добрый Царь благосостояніе народа, то Рускіе его имѣютъ, а Англичане уже съ излишкомъ. Добрая наша горѣлка, не тотъ ли же ромъ? Сыръ, чай и различныя приправы разслабляютъ силы, простая только пища ихъ укрѣпляетъ; и если безпорно, что Англичане богатѣйшій народъ въ Европѣ, то они перешли за черту, и благосостояніе ихъ не есть уже то, чтобы имѣть только необходимое вдоволь.

*

Въ окрестностяхъ города, на рѣчкѣ Медине, впадающей въ узкой морской рукавъ, плавало множество домашнихъ птицъ, и сего множества, какъ увѣряли насъ, едва ли бываетъ достаточно, для снабженія всѣхъ кораблей, приходящихъ на Спитгедскій рейдъ. Нюпортъ весьма не великъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ прямыхъ улицъ на крестъ пересѣченныхъ и плитнякомъ очень гладко вымощенныхъ. Градоначальникъ, мирный судья и Капитанъ народной милиціи, сдѣлали намъ честь своимъ посѣщеніемъ и остались у насъ обѣдать. Хозяинъ трактира сначала принялъ насъ въ нижнемъ этажѣ; но когда приказали ему изготовить хорошій обѣдъ, то перевелъ въ лучшій, гдѣ въ прекрасно убранныхъ комнатахъ самъ явился въ башмакахъ, причесанъ и съ бриліантовымъ перстнемъ на рукѣ. Столъ и все угощеніе соотвѣтствовало его наряду и, сверхъ чаянія, взялъ очень умѣренную плату. Послѣ обѣда посѣтили мы начальниковъ города, которые, какъ день былъ воскресный, предложили прогуляться за городъ и осмотрѣть крѣпость Карисбрукъ, лежащую отъ Нюпорта въ 4 или 5 верстахъ. Разныхъ родовъ колясочки, запряженныя статными лошадьми и управляемыя прекрасными женщинами, скакали по гладкой дорогѣ къ саду, лежащему при подошвѣ горы, на коей находится крѣпость. По двумъ булеварамъ, въ аллеяхъ, шли туда же пѣшіе. Мы, оставя экипажи, пошли къ крѣпости пѣшкомъ.

Кривая, безпокойная, высѣченная въ каменной горѣ узкая дорога, привела къ воротамъ; чрезъ калитку ввели насъ на дворъ, заросшій травою; груды камней означали мѣста строеній. Взглянувъ на семейство инвалида, которое составляетъ гарнизонъ крѣпости, и котораго должность отворять и затворять ворота для посѣщающихъ, взглянувъ на бывшія нѣкогда зданія и на развалившіяся стѣны крѣпости, признаюсь, я сожалѣлъ о напрасномъ трудѣ взбираться на такую высоту; но вотъ инвалидъ, старый пѣхотный сержантъ, начинаетъ расказывать о достопамятностяхъ Карисбрука. Послушаемъ: дубовые ворота стоятъ 800 лѣтъ, и вы видите, какъ они еще крѣпки; такіе-то дубы росли тогда въ Англіи! Развалины сіи служили убѣжищемъ Карлу I, который былъ казненъ Кромвелемъ, а въ этой уцѣлѣвшей часовнѣ, похоронена дочь его Принцесса Елисавета. Ученый инвалидъ показывалъ намъ послѣ того колодезь, глубиною во 170 саженъ; это сначала покажется невѣроятнымъ, но разсудивъ, что колодезь находится на вершинѣ горы, на которую мы всходили около получаса, и судя по звуку брошенныхъ каменьевъ, который доходилъ до слуха послѣ 36 секундъ, глубина сія имовѣрна. Вода въ колодезѣ столь чиста и прозрачна, что когда опустили туда лампу, то на глубинѣ 2 саженъ видны были на днѣ даже камешки.

Вышедъ изъ крѣпости чрезъ упавшую часть башни, мы пустились прямо по косогору и не опоздали еще пройти всѣ искривленныя алеи сада, который былъ наполненъ гуляющими. Музыка играла въ бесѣдкѣ; дѣти, прелестныя какъ амуры, прыгали вокругъ деревъ; одно семейство сидѣло на коврахъ и пило чай; другая партія, собравшись вкружокъ, попивала портеръ; иные играли въ кегли, а большая часть, положа руки за спину, надвинувъ на глаза шляпу, и ни на кого не смотря, скорыми шагами переходили изъ аллеи въ аллею. Сырой, холодный вечерній воздухъ скоро принудилъ насъ оставить сей прелестный простотою садъ. Возвратясь въ городъ, поспѣшили мы обратно въ Ковесъ, и хотя поздно, но въ тотъже день успѣли пріѣхать на корабль.

Мысли и замѣчанія.

Въ характерѣ Англичанъ, въ самой ихъ наружности есть нѣчто особенное, собственно имъ принадлежащее. Любовь къ отечеству и ко всему своему производитъ въ нихъ извѣстную Англинскую надменность. Въ опрятности, рукодѣльяхъ и богатствѣ они превосходятъ всѣхъ Европейцевъ. Англинская чернь величаетъ иностранцевъ общимъ именемъ: *Французская собака;* одни только Рускіе изключены изъ сего уничижительнаго званія: ихъ называютъ *Рушинъ добра*, то есть Руской,

добрый человѣкъ. Матрозы наши удивительнымъ образомъ уживаются съ Англинскими: они, кажется, созданы одинъ для другаго. Встрѣчаясь въ первый разъ въ жизни, жмутъ другъ у друга руки и если у котораго есть копейка въ карманѣ, тотчасъ идутъ въ трактиръ, усердно пьютъ, дерутся на кулачкахъ и, выпивъ еще, разстаются искренными друзьями. Ничего нѣтъ забавнѣе, какъ слышать ихъ разговаривающихъ, на исковерканномъ, составленномъ изъ Руских и Англинскихъ *полусловъ* языкѣ, который однимъ имъ понятенъ и кажется свойственъ однимъ матрозамъ. Часто не останавливаясь говорятъ они оба вдругъ, одинъ по Англински, другой по Руски' и такимъ образомъ весьма охотно, по нѣскольку часовъ сряду, бесѣдуютъ о важныхъ предметахъ. Посредствомъ общепонятныхъ звуковъ, которыхъ нѣтъ ни въ какомъ языкѣ, матрозы сообщаютъ свои мысли всякому иностранцу, и ихъ понимаютъ гораздо лучше, нежели на примѣръ офицеровъ, которые симъ средствомъ пожелали бы объясняться. Всѣ иностранныя имена, морскіе термины и названія снастей, употребляемыя на корабляхъ, матрозы наши, страннымъ образомъ превращаютъ, дѣлая обыкновенно похожія на нихъ произношеніемъ Рускія слова, какъ напримѣръ корветъ *Помона*, называютъ Помора; *Мельпомена*, малая Помора; *Амфитрида*, Афросинья; и такъ далѣе.

Со времени Королевы Елисаветы, Англія начала пользоваться выгодами торговли и на семъ новомъ поприщѣ, явила особенную свою способность. Страсть къ пріобрѣтенію богатства, духъ торговли, постепенно возрастали и утверждались вмѣстѣ съ вольностію. Когда всѣ Правительства Европейскія, пожелали имѣть въ другихъ частяхъ свѣта свои колоніи, дабы золотомъ ихъ обогатить отечество, Англиское показало наибольшую дѣятельность. Въ немногіе годы, число купеческихъ судовъ, знатно увеличилось, военные флоты явились на всѣхъ моряхъ, богатѣйшія Французскія, Испанскія и Голландскія поселенія завоеваны и въ наше время преимущество Британіи на моряхъ, возвело народъ на высшую степень благосостоянія. Раздѣленіе ремеслъ, при постоянномъ попеченіи правительства, привело всѣ художества, всѣ издѣлія въ совершенство. Самъ Король, будучи участникомъ и покровителемъ торговыхъ обществъ, поощрилъ богатое дворянство, повѣрить имъ свои капиталы, чѣмъ предпріимчивость оборотовъ до того распространилась, что выгоды сдѣлались вѣрными, а потери нечувствительными. Скупая матеріалы у тѣхъ народовъ, коихъ рукодѣлія находились еще въ несовершенствѣ, и обработывая оные на своихъ фабрикахъ, могли они, чрезъ уступку цѣны, сдѣлать Англинскіе товары въ Европѣ необходимыми; ибо оные продавались лучшей доброты и дешевле. Нынѣ 20.000 судовъ

перевозятъ товары во всѣ страны земнаго шара и выгоды послѣднихъ годовъ возрастали столь поспѣшно, что въ 1783 году, вывозъ за границу своихъ и чужихъ обработанныхъ издѣлій былъ на 14,741.000, а въ 1802 году на 57,520.000 фунтовъ стерлинговъ. Сими способами, особенно же предпріимчивостію, честностію и трудолюбіемъ, Англія видитъ всѣ сокровища міра стекающемися въ ея гавани, и пока изящность, прочность, вкусъ и чистота принадлежать будутъ исключительно однимъ Англинскимъ работамъ, до тѣхъ поръ золото всѣхъ торгующихъ народовъ будетъ находиться въ рукахъ сихъ всемірныхъ купцовъ.

Тацитъ, описывая Конституцію, подобную Англинской, сказалъ, что теорія прекрасна, но исполненіе ея почти невозможно. Опытъ доказалъ, что онъ ошибся: свободная Монархія существуетъ около 500 лѣтъ. Вольность, подчиненная закону, составляетъ прочное благоденствіе подданныхъ. Англинской Король истинное земное божество! онъ раздаетъ милости, награды, имѣетъ полную власть дѣлать добро; законъ одинъ наказываетъ преступниковъ, и прекращаетъ злоупотребленіе власти. Судъ Присяжныхъ есть главное преимущество, непреоборимый оплотъ вольности Англинскаго народа. Судьи сіи независимы отъ вліянія Министровъ и не подлежатъ никакой власти. Преступникъ почитается невиннымъ до тѣхъ поръ, пока 12 Присяжныхъ не обвинятъ его

единогласно, и тогда только одинъ Король можетъ проститъ его, и то не всегда.

Въ Англіи, какъ въ свободной землѣ, во время мира содержится малое число сухопутныхъ войскъ. Морская же сила, какъ необходимо нужная для колоній, наиболѣе благопріятствующая вольности, содержится въ наилучшемъ порядкѣ. Въ началѣ 1800 года Британскій флотъ состоялъ изъ 224 линейныхъ кораблей, 200 фрегатовъ, 478 шлюповъ, бриговъ и другихъ малыхъ военныхъ судовъ, всего изъ 902 судовъ. Съ такою силою, когда всѣ морскія державы не могутъ выслать и половины сего числа кораблей, Британія безспорно можетъ назваться повелительницею морей. Обитая на островѣ, уклоняясь отъ участія въ войнахъ на твердой землѣ, Англичане, отдѣленные отъ Французовъ только неширокимъ проливомъ, защищаемые плавающими крѣпостями, находятся въ совершенной безопасности отъ вторженія сильнаго непріятеля.

Англинское Правительство употребляетъ великія суммы для содержанія бѣдныхъ. Опытъ показалъ, что сколько сумма сія возрастала отъ подписокъ, столько число бѣдныхъ прибавлялось. Не смотря на сіе, Англинскій нищій, хотя бѣдно, но всегда чисто одѣтъ. Опрятность принадлежитъ къ отличительному свойству Англинскаго народа. Англинскій нищій стыдился бы показаться на улицу въ грязномъ рубищѣ; ибо онъ увѣренъ, что

въ семъ положеніи едва ли нашелъ бы болѣе сострадающихъ къ нему людей.

Свобода книгопечатанія и прекрасное устроеніе народныхъ школъ распространили просвѣщеніе на всѣ состоянія. Нѣтъ ни одного, изключая самой низкой черни, который бы не зналъ своего закона и не умѣлъ читать и писать. Просвѣщеніе, а съ онымъ и роскошь глубоко пустили корни свои и уже довольно измѣнили нравы Англичанъ. Кажется, они взошли на послѣднюю степень возможнаго въ человѣческихъ постановленіяхъ. Раскрывъ книгу Исторіи Царствъ, мы увидимъ, что всеобщее просвѣщеніе есть предшествіе паденія. Матрозъ, солдатъ и поденщикъ, осуждая Правительство, толкуя о политикѣ и законахъ, сдѣлавшись своевольными, могутъ причинить великія безпокойства. Сколь ни славна Конституція Англіи, и сколь ни ощутительно благосостояніе ея гражданъ, но рано или поздно и надъ ними исполнится роковый ударъ. „Паденія, и новаго возвышенія для паденія, никто не избѣгаетъ. Вѣченъ лишь Богъ, совершенъ лишь міръ, твореніе рукъ Строителя Всевѣдца, и духъ, коимъ мысль наша въ превыспреннее возносится.“

Торжество побѣды при Трафальгарѣ.

25 Октября получено въ Портсмутѣ извѣстіе о сраженіи при Трафальгарѣ. Напрасно

старался бы я описать радость о побѣдѣ и печаль о потерѣ Нельсона! Кто въ подобныхъ обстоятельствахъ имѣлъ случай видѣть восторгъ Англичанъ, тотъ только можетъ это себѣ представить. Съ самаго утра носили по улицамъ листки (*), описывающіе сраженіе и смерть Нельсона; печаль и радость смѣшивалась на лицахъ каждаго, и вездѣ раздавались восклицанія; *живи въ вѣчности, Нельсонъ!* Пальба съ кораблей и крѣпостей продолжалась во весь день, и городъ ночью великолѣпно былъ освѣщенъ. Лучшіе домы украшались прозрачными картинами. Однѣ представляли Нельсона въ тотъ моментъ, когда пуля пробила его грудь, и онъ упалъ на руки его окружающихъ. Другія изображали Британію, съ горестнымъ

(*) Одинъ разъ идучи изъ Адмиралтейства, вижу женщину, раздающую листки и кричащую: „славная побѣда Рускихъ надъ Французами." Подхожу, беру листокъ и спрашиваю: сколько ей надобно? Гинею сударь! За что такъ дорого? Рускому можно это заплатить за побѣду (при Кремсѣ), приносящую ему столько чести. Если за каждую платить по гинеѣ, отвѣчалъ я, то надобно много денегъ, чтобы быть въ состояніи покупать у тебя всѣ объявленія о нашихъ побѣдахъ. Женщина, подавая мнѣ нѣсколько листковъ сказала: прекрасный отвѣтъ! онъ принесетъ мнѣ покрайней мѣрѣ 2 гинеи; возмите сіи за 4 пенза. Въ тотъ же день, разговоръ сей напечатанъ въ Портсмутскихъ газетахъ. Вотъ до чего простирается здѣсь страсть къ новостямъ.

лицемъ, принимающую вѣнецъ побѣды. Улицы ночью были полны народа; гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ, полковые музыканты играли національную пѣсню: *Британія, правь волнами!* Не должно ли согласиться, что гораздо славнѣе умереть въ сраженіи, нежели остаться живымъ, одержавъ важную побѣду, ибо въ первомъ случаѣ зависть, различные толки, сомнѣнія умолкаютъ и умершій побѣдитель пользуется полною безпрекословною славою!

Трафалгарское сраженіе есть одно изъ славнѣйшихъ, когда либо бывшихъ на морѣ. 2 Октября ст. стиля, соединенный Французскій и Испанскій флотъ, состоявшій изъ 33 линейныхъ кораблей, подъ командою Французскаго Адмирала Вилльнева, вышелъ изъ Кадикса и направилъ путь свой къ Средиземному морю. Вице-Адмиралъ Нельсонъ съ 27 линейными кораблями, пользуясь небольшимъ вѣтромъ отъ запада, догналъ непріятельскій флотъ близъ мыса Трафалгара. Построя двѣ колонны, и оставя позади себя резервъ, Лордъ напалъ на центръ соединеннаго флота съ вѣтру, прорѣзалъ, окружилъ его съ обѣихъ сторонъ превосходною силою, и прежде нежели аріергардъ непріятельскій успѣлъ подать помощь центру, оный уже былъ разстроенъ. Авангардъ же, напавъ на Англинскій резервъ, также былъ разбитъ. Въ четыре часа сраженіе кончилось совершеннымъ пораженіемъ союзнаго флота, изъ котораго 19 ко-

раблей на мѣстѣ битвы спустили флаги и взяты въ плѣнъ. Испанскій Адмиралъ Гравина только съ 9 кораблями успѣлъ войти въ Кадиксъ. Пять Французскихъ кораблей, бывшихъ въ резервѣ, и почти не участвовавшихъ въ сраженіи, въ Бискайской бухтѣ взяты Контръ-Адмираломъ Страханомъ. Рѣшительная сія побѣда лишила послѣдней морской силы Францію и Испанію. Англія претерпѣла важнѣйшую потерю: флотъ ея лишился любимаго, храбраго, счастливаго предводителя; Британія своего Героя, во 104 морскихъ битвахъ всегда торжествовавшаго, послѣднею же побѣдою пріобрѣтшаго своему отечеству неограниченную власть на всѣхъ моряхъ. Роковая пуля изъ мушкатона съ корабля Сант: Трининадъ (*) попала въ эполетъ и пробила насквозь плечо и грудь славнаго Нельсона. Онъ жилъ только нѣсколько часовъ. Когда отнесли его на кубрикъ для перевязки, и когда лѣкари не могли скрыть, что рана его опасна, онъ велѣлъ позвать къ себѣ Капитана корабля. Сраженіе еще продолжалось. Вошедшій въ каюту Капитанъ сказалъ: „поздравляю Ваше Превосходительство! 19 кораблей въ нашихъ рукахъ; и Тринидатъ пошелъ ко дну.“ „Мой другъ, отвѣчалъ ему Нельсонъ: я всегда желалъ пасть въ сраженіи, и теперь

(*) 140 пушечный Испанскій корабль, на коемъ былъ флагъ Адмирала Гравины.

умру спокойно. Попросите отъ меня Колингвуда (старшій по немъ Вице-Адмиралъ), чтобъ онъ на ночь непремѣнно сталъ на якорь. Вотъ послѣднія мои повелѣнія: жалѣю, что не могу сдѣлать больше для моего отечества!" Сказалъ и на рукахъ друга своего скоро послѣ того испустилъ послѣднее дыханіе. Такъ умеръ Герой, который въ жестокія минуты смерти не потерялъ присутствія духа и въ послѣднія мгновенія жизни спасъ побѣдоносный Английскій флотъ; ибо, какъ онъ предвидѣлъ, въ ночь возстала такая буря, что всѣ плѣнные корабли, которые не успѣли стать на якорь, большею частію потонули или брошены были на берегъ.

Англичане отдаютъ справедливость храбрости Испанцевъ; они дрались съ ожесточеніемъ и сопротивлялись гораздо долѣе, нежели сами непріятели ихъ того ожидали. Наполеонъ долго не вѣрилъ, что флотъ его не существуетъ; печальная истина увѣрила его наконецъ, что для его честолюбія нѣсколько тысячь Французовъ безславно погибли. Въ семъ сраженіи сдѣлано нѣсколько ошибокъ, изъ коихъ главнѣйшія, какъ увѣрялъ меня одинъ Английскій Офицеръ, были слѣдующія: Союзный флотъ, въ тотъ же день, какъ вышелъ изъ Кадикса, могъ бы атаковать Английскій съ вѣтру, тѣмъ съ большею выгодою, что тогда оный состоялъ только изъ 25 кораблей. Соединенный флотъ такъ хорошо сомкнулъ свою линію, что если бы, по совѣту

Гравины, начали стрѣлять, не допуская близко Англинскихъ колоннъ, то сраженіе не могло бы такъ скоро быть рѣшительнымъ, но Вилльневъ приказалъ открыть огонь тогда, когда Нельсоновы корабли были уже на картечномъ выстрѣлѣ. Первый залпъ былъ ужасенъ и передовые корабли *Викторія* и *Рояль-Соверень* потеряли мачты; но они уже были близки, и съ выгодою могли вступить въ бой. Напротивъ Англинскій резервъ сталъ стрѣлять по Француэскому авангарду, лишь начали доставать ядра, и потому-то прежде нежели оный дошелъ до Англинской линіи, то былъ уже въ половину побѣжденъ. Главная же ошибка состояла въ томъ, что Вилльневу, а не Гравинѣ порученъ былъ флотъ. Францускій Адміралъ, храбрый можетъ быть, но не столь искусный, какимъ почитался Испанскій, не имѣлъ довѣренности ни въ своихъ, ни въ Испанскихъ Офицерахъ и матрозахъ. Англичане сами признаются, что мужественный и опытный Гравина, могъ бы со славою состязаться съ отважнымъ и счастливымъ Нельсономъ, и по крайней мѣрѣ подъ его предводительствомъ союзный флотъ, въ 4 часа, не былъ бы разбитъ столь совершенно.

Сантъ-Эленскій рейдъ.

Купленные въ Лондонѣ бриги Фениксъ и Аргусъ, первой о 16, второй о 12 коронадахъ, пришли на рейдъ, и какъ къ тому же

времени замки къ пушкамъ (*) были придѣланы и провіантъ принятъ, то эскадра 16 Ноября оставила Портсмутъ; но когда обошли Вайтъ, при наступленіи ночи сдѣлался столь жестокій вѣтръ отъ юго-запада и столь великая пасмурность, что на разсвѣтѣ Адмиралъ принужденъ былъ возвратиться и стать на якорь при южной оконечности Вайта на Сантъ-Эленскомъ рейдѣ. Три дни спустя пришелъ тудаже фрегатъ Кильдюинъ, а корабли Селафаилъ и Уріилъ въ первую ночь разлучась съ эскадрою, остались въ морѣ. Крѣпкіе противные вѣтры продолжались во всѣ остальные дни сего мѣсяца, въ концѣ коего Адмиралъ послалъ Кильдюинъ въ Плимутъ, освѣдомиться, не зашли ли туда разставшіеся съ нами корабли.

3-го Декабря при свѣжемъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ эскадра снялась съ якоря. Въ то самое время, какъ мы вступили подъ паруса, 12 наиболѣе поврежденныхъ въ Трафалгарскомъ сраженіи кораблей, лавировали къ рейду. Прекрасный стопушечный корабль *Викторія*

(*) Пушечные замки имѣютъ ту выгоду, что канонеръ, наблюдая движеніе корабля и дернувъ къ себѣ веревочку, спускающую курокъ, можетъ сдѣлать вѣрный выстрѣлъ и въ отдаленный предметъ; но въ сраженіи, на близкомъ разстояніи, курки неудобны потому, что обившіеся кремни, не когдай перемѣнять; однакожъ и тутъ они не мѣшаютъ, — отложивъ полку, можно стрѣлять фитилемъ.

везъ тѣло Нельсона. Спущенные въ половину флаги и вымпелы, осколки мачтъ съ маленькими парусами, и пробитые ядрами борты кораблей, возбуждали наше любопытство, и внушали глубокое чувство уваженія къ безстрашному Герою Англіи. Нашъ Адмиральскій корабль салютовалъ его 15 выстрѣлами; Викторія отвѣтствовала равнымъ числомъ. Множество яликовъ и ботовъ, изъ Портсмута, вышли на встрѣчу побѣдоносному флоту; началась пальба изъ пушекъ; густой дымъ закрылъ Спитгедъ, и эскадра наша, обогнувъ Вайтъ, подъ полными парусами летѣла вдоль береговъ Гампшира. На другой день, когда мы подошли къ Плимуту, фрегатъ Кильдюинъ соединился съ нами и донесъ Вице-Адмиралу, что разлучившіеся корабли, не заходя никуда прошли въ океанъ, почему и продолжали мы итти вдоль береговъ Девоншира и Корнвалиса. Поровнявшись съ мысомъ Лизардъ, отпустили лоцмановъ, по пеленгамъ утвердили мѣсто корабля на картѣ, и построясь въ походный строй, пустились въ открытый океанъ.

Плаваніе Атлантическимъ Океаномъ.

Корабли съ свѣжимъ фордевиндомъ, то есть самымъ попутнымъ вѣтромъ, дующимъ съ кормы, летѣли на всѣхъ парусахъ. По мѣрѣ удаленія отъ береговъ вѣтръ крѣпчалъ, волненіе усиливалось и сѣдая пѣна валовъ

покрывала всю поверхность океана. Прелестный берегъ Англіи постепенно утопалъ въ безднѣ; уже хребты волнъ равнялись съ зелеными его холмами; наконецъ они скрылись, и мы, какъ осиротѣвшіе, остались посреди необозримаго океана, окруженные сумрачнымъ небомъ и шумящими волнами. Захожденіе солнца предвозвѣщало непогоду; черныя облака мчались вслѣдъ за нами отъ сѣвера, и мѣлкій туманный дождикъ начиналъ покрапывать. Пасмурный видъ Природы хотя не устрашалъ меня, но невольная грусть вливалась въ сердце. Скорый переходъ отъ удовольствій къ опасностямъ наполнялъ воображеніе печальными мыслями, и когда берегъ Англіи изчезъ; когда всѣ пріятныя мечты, подобно сновидѣнію, миновались; съ тоскою, съ грустію неизъяснимою, взиралъ я на грозное пріуготовленіе бури и на ужасный мракъ, который съ небесной высоты сходилъ, спускался ниже и ниже, и видимой нами горизонтъ уменьшилъ въ небольшой кругъ. Мѣлкой дождикъ принудилъ меня сойти въ каютъ-кампанію: она представляла гостиную, куда собралось общество согласныхъ родныхъ. Одни играли въ бостонъ, въ шахматы, въ лото, другіе разыгрывали, какъ умѣли, квартетъ; иные читали или заботились пріуготовленіемъ чая. Закуривъ трубку и подвинувъ стулъ къ камину, я любовался алымъ пламенемъ, которое то воздымалось, то упадало, то возгаралось, то угасало.... Наконецъ, спокойныя

лица и пріятныя занятія моихъ товарищей скоро разсѣяли мою скуку. Но не такъ легко преодолѣть оную тому, кто въ первый разъ видитъ море: ужасный видъ онаго поражаетъ чувства его сильнѣе, онъ невольнымъ образомъ погружается въ уныніе, и печальное воображеніе, увеличивая опасности, разстилаетъ ихъ предъ нимъ на каждомъ шагу.

Не взирая на пасмурную, довольно холодную погоду, бывшую 3, 4 и 5 Декабря, Офицеры во весь день не сходили со шканецъ и наслаждались видомъ поспѣшнаго плаванія. Корабли шли по 18 верстъ въ часъ. Не смотря на большое океанское волненіе, и сильной вѣтръ, всѣ были спокойны и тихи. Одинъ повелительный голосъ вахтеннаго Лейтенанта время отъ времени повторялся: онъ скорымъ движеніемъ руля, предусмотрительнымъ оборотомъ парусовъ, держалъ въ повиновеніи корабль, предохраняя его отъ быстраго уклоненія съ пути, могущаго подвергнуть его великой опасности и даже бѣдствію. Должность Лейтенанта на кораблѣ самая важнѣйшая. Капитанъ управляетъ и располагаетъ дѣйствіями, относящимися къ безопасному плаванію, на Лейтенантѣ же лежитъ исполненіе его повелѣній, и сверхъ того предохраненіе корабля отъ незапныхъ, часто мгновенныхъ случаевъ, отъ коихъ, при малѣйшемъ пропускѣ принятія мѣръ къ отвращенію оныхъ, могутъ воспослѣдовать неотвратимыя злоключенія. Я любилъ смотрѣть, какъ опытный мой вахтенный

Командиръ, ставъ на бортовую сѣтку или росторы, быстрымъ взоромъ обозрѣвалъ все, что дѣлается впереди, позади его, на верху и въ низу; какъ громкимъ голосомъ приводилъ онъ всѣхъ въ движеніе, и не упускалъ мгновенія, дабы упредить какую либо опасность, которой онъ ни въ какомъ случаѣ не боялся. Морская служба школа военныхъ людей: въ ней образуется тотъ духъ, та предпріимчивость и смѣлость, которыя имъ нужны въ сраженіи. Морской Офицеръ, расторопно и благоразумно управляющій кораблемъ во время бури или бѣдствія, можно поручиться, не убоится первый итти на штурмъ. Опытные моряки, преодолѣвая опасности, всѣ ужасы своей службы, находясь большую и лучшую часть своей жизни, такъ сказать, въ *челюстяхъ смерти*, принимаютъ на себя тотъ насмурный, угрюмый и молчаливый видъ, по которому отличить ихъ можно. Читатель! если тебѣ случится встрѣтиться съ Россійскимъ мореходцемъ такого вида: отдай ему справедливость твоимъ вниманіемъ, и будь увѣренъ, что онъ храбрый, мужественный человѣкъ, и можетъ быть не одинъ разъ спасалъ жизнь тысячамъ твоихъ соотечественниковъ.

Въ ночь съ 5 на 6 Декабря, Англинской фрегатъ Пегасъ, подошедъ къ кораблю Москвѣ, увѣдомилъ, что Французская Рошефортская эскадра, состоящая изъ 7 кораблей и нѣсколькихъ фрегатовъ, собственно назначенная для недопущенія эскадры нашей въ Средиземное

море, вышла изъ порта, и что онъ посланъ отъ флота Адмирала Лорда Корнвалиса, дабы предупредить насъ и сыскать эскадру непріятельскую. Вскорѣ послѣ полудня 6 Декабря, вдали въ горизонтѣ показалось нѣсколько мачтъ военныхъ кораблей: это были непріятельскіе. Хотя съ нашей стороны не было настоящаго объявленія войны Франціи, и войска, бывшія въ Австріи, сражались подъ именемъ вспомогательныхъ; но конечно Французской Адміралъ, имѣя столь превосходную силу, не упустилъ бы напасть на насъ; почему на кораблѣ Ярославѣ поднятъ былъ сигналъ поставить всевозможныя паруса; эскадра наша поворотила къ Феролю, которой блокировала Англинская эскадра. Непріятель въ числѣ 11 парусовъ пошелъ на пересѣченіе нашего курса, надѣясь не допустить насъ соединиться съ Англичанами. Эскадры сблизились, уже казалось не возможнымъ избѣжать сраженія; но искусное распоряженіе Адмирала обмануло непріятеля, темная ночь скрыла наши движенія и онъ упустилъ насъ изъ рукъ. При захожденіи солнца подняты были слѣдующіе сигналы: 1) скрыть огни, 2) въ 8 часовъ поворотить безъ сигнала къ западу, 3) въ полночь перемѣнить курсъ и итти на югъ, 4) пріуготовиться къ бою. По разсвѣтѣ, мы уже не видали Французовъ. Какъ мы встрѣтилися съ непріятелемъ въ день Николая Чудотворца, то матрозы наши усердно желали сразиться. Когда батареи были готовы и всѣмъ показаны свои

мѣсша, шо дабы чѣмъ нибудь занять людей, заставили ихъ пѣть и плясать, а для поощренія дали выпить, за здоровье Государя, по лишней чаркѣ вина. Штурманскіе ученики, юнги, фельдшеры, то есть люди грамотные, сдѣлали изъ флаговъ кулисы, и представили оперу Мельникъ, для своихъ зрителей довольно порядочно. Послѣ театра рожокъ и бубны предводили многими хорами солдатъ, матрозовъ и артиллеристовъ, спорившихъ о преимуществѣ. Все пѣло и плясало, никто не думалъ о близкой бѣдѣ. Въ каютъ-кампаніи, послѣ сытнаго ужина, которымъ и толстый винный откупщикъ въ Москвѣ былъ бы доволенъ, не смотря на то, что корабль немного качало, Офицеры танцовали до самаго свѣта.

Благополучный вѣтръ столь былъ свѣжъ, что 7-го Декабря, мы уже прошли *Финистерб*, тотъ мысъ, гдѣ Юлій Цезарь, въ означеніе, что тутъ кончится земля, поставилъ столпъ, который и до сихъ поръ сохранился. По мѣрѣ плаванія нашего на югъ, мы находили погоду теплѣе, небо прочистилось и вѣтръ началъ упадать, на высотѣ Лиссабона сдѣлалось совсѣмъ тихо. Новая зыбь шла отъ запада, и спираясь съ прежнимъ волненіемъ, производила безпокойное, неправильное колебаніе, которое толкало корабли, оставшіеся безъ управленія и носило ихъ во всѣ стороны. Волны вздымались, падали, и представляли океанъ изрытый въ пропасти. Скрыпъ мачтъ, трескъ корабельныхъ членовъ, и безпрестанное хлопанье пару-

совъ и снастей наводило неизъяснимую скуку; голова кружилась, и многихъ *укачало. Морская болѣзнь* сія столь мучительна, что страждущій ею человѣкъ никакой пищи, ни питья, ниже лѣкарства принимать не можетъ. Люди сильнаго и слабаго сложенія безъ различія бываютъ оной подвержены. Привычка къ морю ослабляетъ дѣйствія болѣзни; другіе никогда не чувствуютъ оной, иные же и при малѣйшемъ колебаніи никогда освободиться отъ оной не могутъ. Участь сихъ послѣднихъ жалости достойна: то сильный жаръ разливается по всему тѣлу, то при палящихъ лучахъ солнца больной подъ нѣсколькими одеждами дрожитъ отъ холода, уста запекаются, безпрестанно тошнитъ, все тѣло покрывается желтизною, и наконецъ страждущій такъ ослабѣваетъ, что становится ко всему хладнокровенъ; печаль и надежда равно для него исчезаютъ, прошедшее и будущее суть для него ничто. Въ сей крайности, должно принуждать больнаго ѣсть черные сухари, размоченные въ уксусѣ или квасѣ, и сосать лимонъ; ибо это одна пища, которую они могутъ принимать не съ столь великимъ отвращеніемъ. Свѣжій воздухъ, теплая одежда, инымъ малое движеніе, а другимъ, совершенное спокойствіе, также облегчаютъ болѣзнь. Впрочемъ, когда перестаетъ качать, то болѣзнь сія въ тоже время проходитъ и не причиняетъ никакого вреда для здоровья. Замѣтить должно, что беременныхъ женщинъ и дѣтей никогда не укачиваетъ.

8 и 9 Декабря, при маловѣтріи, сильномъ волненіи и туманѣ провели мы въ самомъ непріятномъ положеніи; 10-го же, послѣ полудня, туманъ поднялся, волненіе утихло и для слѣдованія къ Гибралтарскому проливу вѣтръ сдѣлался самый благопріятный. Теплота, какой въ нашемъ климатѣ въ Декабрѣ ожидать не льзя, небольшой вѣтръ и пріятная погода скоро привели въ забвеніе безпрестанныя безпокойства прошедшихъ дней. Мы окружены были новымъ зрѣлищемъ: стада чаекъ и разнаго рода морскихъ птицъ вились въ воздухѣ; множество косатокъ и дельфиновъ играли около кораблей; полипы, медузы, морское сало и черепахи, медленно двигались на пестрѣющей поверхности водъ: море казалось одушевленнымъ: всѣ обитатели его вышли насладиться свѣжестію воздуха. 11-го Декабря къ вечеру увидѣли наконецъ землю: то былъ мысъ *Сант-Винцентъ*. Положа по немъ мѣсто на картѣ, и слича оное съ счисленіемъ, нашли мы нечувствительную разность; оная произошла отъ теченія моря, котораго при великомъ волненіи не можно было измѣрить. 13 числа, когда подошли къ Гибралтарскому проливу, вновь сдѣлалась тишина. Быть въ виду пристанища, коего съ нетерпѣніемъ желаешь достигнуть, и между тѣмъ не имѣть возможности двинуться съ мѣста, есть непріятность, которая только на морѣ случается! Нетерпѣніе наше подобно было жаждѣ Тантала. Наконецъ, 14 Декабря, вѣтръ

подулъ, эскадра вошла въ проливъ и стала на якорь у Гибралтара, гдѣ нашли мы корабли Селафаилъ и Уріилъ. Плаваніе наше океаномъ было счастливо и поспѣшно, ибо, не взирая на то, что трое сутокъ за тишиною не сдѣлали и мили впередъ, разстояніе по прямой линіи около 3.500 верстъ прошли въ десять сутокъ.

Гибралтаръ.

Не видавъ нѣсколько дней кромѣ неба и воды, съ удовольствіемъ смотрю на тѣ Геркулесовы столпы, которыми означался предѣлъ древняго міра. Высокая утесистая скала Гибралтара, кажется падаетъ на корабль мой, и первая, подобно какъ все великое и сильное, привлекаетъ къ себѣ вниманіе. На вершинѣ ея въ поднебесной высотѣ, видѣнъ телеграфъ, а приономъ домикъ мелькающій между проходящихъ облаковъ; къ сѣверу пологій зеленый берегъ Андалузіи, узкимъ песчанымъ перешейкомъ, едва касается гранитной громадѣ Гибралтара. Обширная бухта въ окружности около 60 верстъ, идетъ отъ крѣпости на западъ загибаясь въ правильномъ полукругѣ, открытомъ къ Африканскому берегу. По набережной сего залива, видно множество селеній, крѣпостей и городовъ; только на пушечный выстрѣлъ отъ Гибралтара, одна за одною лежатъ Испанскія крѣпости *Санъ-Филиппа* и *Санъ-Рока;* прямо противу ихъ

Видъ Гибралтара отъ Океана

видѣнъ *Алжезирасъ*, въ гавани коего стоятъ нѣсколько Французскихъ корсеровъ и Испанскихъ канонирскихъ лодокъ, которыя во время тишины въ проливѣ нападаютъ на конвои, и даже изъ подъ пушекъ Гибралтара въ ночное время уводятъ купеческія суда. Къ сѣверу вдали синѣются горы Андалузіи, къ югу же берегъ Африки украшается огромными горами. Абилла, высочайшая изъ нихъ, составляетъ второй столпъ Геркулесовыхъ воротъ. Цейта, Испанская крѣпость, лежащая на Варварійскомъ берегу, такъ сказать стережетъ Гибралтаръ.

Нѣсколько узкихъ, кривыхъ улицъ составляютъ небольшой городокъ, толстая стѣна съ юга, запада и сѣвера закрываетъ его такъ, что ни съ моря, ни отъ Испанскихъ крѣпостей его не видно. Домы вновь построенныя на Англинскій вкусъ, дѣлаютъ совершенную противоположность съ старыми Испанской Архитектуры, которыхъ плоскія крыши и четвероугольныя башенки, называемыя Мирандами (*), какъ по дикому, унылому положенію, такъ и великимъ жаромъ здѣсь бывающимъ, болѣе приличествуютъ и климату и мѣсту, нежели веселые красивые Англинскіе домики. Два дни бродили мы по горѣ, взбирались къ облакамъ, спускались въ пропасти и лазили

(*) Миранда на Испанскомъ языкѣ, значитъ удивляться.

по крутизнамъ. Неприступность Гибралтара съ перваго взгляда очевидна; по точномъ же изслѣдованіи, укрѣпленія его непреодолимы. Представте себѣ гранитную гору, которой сѣверная и восточная стороны совершенно отвѣсны, западная и южная хотя не такъ высоки, но также круты. Море при подошвѣ горы съ двухъ сторонъ усѣяно подводными камнями; волны, разбиваясь объ нихъ производятъ бурунъ, препятствующій приставать шлюпкамъ. Новая мола (*) единственное мѣсто, гдѣ можно высадить войска, какъ и вся западная сторона покрыта батареями.

Укрѣпленія на сѣверной сторонѣ заслуживаютъ особенное вниманіе. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ утеса построенъ правильный валъ, со рвомъ и равелиномъ, занимающій всю небольшую ширину перешейка, который въ нѣкоторомъ разстояніи отъ гласиса перерытъ каналомъ со шлюзами, помощію коихъ въ случаѣ осады, все пространство до Испанскихъ линій наводняется. Отсюда по лѣстницѣ глубоко высѣченной въ обрывистой горѣ, взошедъ на высоту 200 саженъ, чрезъ дверь вошли мы въ славныя галлереи, изсѣченныя въ утробѣ каменной горы. Каждый казематъ имѣетъ 48 или 24 фунтовую пушку и просторно

(*) Каменная плотина, служащая для защиты кораблей отъ вѣтровъ.

помѣстить можетъ 30 солдатъ. Толстота наружной стѣны имѣетъ около 4 саженъ; амбразуры, въ ней пробитыя, служатъ вмѣстѣ для свѣта и для сообщенія воздуха. Позади каземата, далѣе внутрь горы высѣченъ пороховой погребъ; а возлѣ комната, гдѣ лежатъ всѣ снаряды для одной пушки. Обошедъ нѣсколько комнатъ, я думалъ, что должны будемъ по прежней опасной лѣстницѣ спускаться внизъ; но насъ повели вверхъ и мы вошли во вторую галлерею, подобную первой. Осмотрѣвъ оную, еще три раза мы должны были подыматься. Переходы сіи освѣщаются небольшими въ горѣ пробитыми окнами. Пробывъ нѣсколько времени во внутренности горы, на высотѣ 300 или 400 саженъ, излазивъ всѣ галлереи и переходы, наконецъ уставъ до чрезмѣрности вышли на вершину, откуда городъ, рейдъ, Испанскія линіи, представились какъ на чертежѣ. И здѣсь на ужасной высотѣ, на самомъ краю горы, откуда, безъ замиранія сердца, смотрѣть внизъ не возможно, поставлены тяжелыя орудія, а позади ихъ мортиры. Со стороны Средиземнаго моря, на углу скалы, природа образовала родъ круглой колонны, которую называютъ: *чортова башня.* Не возможно кажется изчислить, сколько иждивенія, трудовъ и времени стоили сіи галлереи; въ нихъ ни ядра, ни бомбы не могутъ причинить никакого вреда гарнизону, а какъ не льзя предполагать, чтобы можно было подкопать, и обрушить каменную гору выши-

ною болѣе версты, то посему Гибралтаръ, единственная въ свѣтѣ крѣпость, гдѣ 5.000 солдатъ, имѣя нужные запасы, могутъ противустать 100.000 осаждающихъ. Отдохнувъ на мортирномъ поддонѣ, по скату горы спустились мы въ городъ, который восточною стороною, прислоненъ къ горѣ.

Вышедъ изъ города чрезъ южныя ворота, проводникъ показалъ намъ стѣну, построенную на краю глубокаго оврага, простирающагося отъ вершины горы до городскаго рва. Если бы непріятель завладѣлъ новою молою, то стѣна сія, защищаясь одною ружейною обороною, могла бы остановить его; и съ сей стороны городъ и галлереи, по причинѣ пропастей, разсѣлинъ и крутизны, атакованы быть не могутъ. Близъ города, къ удивленію нашему, увидѣли мы нѣсколько деревъ, виноградники и зелень; а какъ до сихъ поръ не замѣтили ни одной растущей былинки, то и спросили у проводника, на чемъ выросла эта зелень? На землѣ, привезенной съ того берега (показывая на Африку), отвѣчалъ Шотланецъ.

На другой день согласившись осмотрѣть остальную часть Гибралтарской скалы, начали, мы подыматься вверхъ по излучистой дорогѣ. До нѣкоторой высоты можно ѣхать верхомъ и въ легкой повозкѣ; но чѣмъ выше, тѣмъ гора становится круче, дорога безпокойнѣе. Уставши, на половинѣ горы мы отдохнули въ нарочно высѣченной небольшой

впадинѣ, гдѣ весьма къ стати, поставлены скамейки. Поднявшись еще немного, проводникъ, остановя насъ сказалъ: *„Вотъ пещера Св. Михаила.“* Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ внизъ вошли мы въ подземелье, которое походило на высокій чертогъ; искусная рука природы украсила его чуднымъ великолѣпіемъ: черный сводъ поддерживается разнаго вида и величины подпорами, нѣкоторыя изъ оныхъ имѣютъ аршинъ въ поперечникѣ. Стѣны, гдѣ свѣтъ входилъ въ отверстіе пещеры, блистали хрусталями, имѣющими видъ человѣка, звѣрей и птицъ; тяжелыя глыбы, подобно ледянымъ сосулькамъ висѣли на прилѣпѣ по стѣнамъ и сводамъ. Вода, пробираясь сквозь скважины земли, и безпрестанно падая со свода, капля по каплѣ, каменѣетъ и образуетъ прозрачные бѣлаго цвѣта сталактиты. Камни сіи, постепенно въ толщинѣ и длинѣ увеличиваясь, составили сіи кривые столпы и чудесныя изображенія, которыя въ продолженіе вѣковъ, вѣроятно нарастутъ такъ, что собою наполнятъ всю пещеру. Проводникъ увѣрялъ насъ, что оная столь глубока, что еще никто не спускался до самаго дна. Товарищи мои желали сойти сколько можно ниже; но не имѣя ни веревки, ни факела, не осмѣлились слишкомъ углубляться, Пещера сія лежитъ выше горизонта воды на 185 саженъ. Гибралтаръ кромѣ сихъ сталактитовъ доставилъ любителямъ рѣдкостей другія неменѣе важныя. Въ 1788 году, во время подрыванія порохомъ

сѣверной скалы, для постройки галлереи, найдены окаменѣвшія большія кости животныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ доставлены въ Британской музеумъ неповрежденными. Какимъ образомъ оставы сіи попали въ утробу каменной горы? Вопросъ сей подалъ поводъ къ разнымъ между учеными людьми преніемъ и заключеніямъ, кои кажется кончились признаніемъ ясныхъ доказательствъ о бывшемъ всемірномъ потопѣ.

Отъ пещеры до вершины горы, не было уже дороги: взбираясь по каменьямъ, осыпающимся подъ ногами, отъ чрезмѣрной крутизны, столь трудно идти, что часто принуждены мы были отдыхать; наконецъ, не много не дошедъ до вершины, увидѣли ворота, на коихъ крупными словами подписано по Англински: *„Проходъ изъ Океана въ Средиземное море“* въ самомъ дѣлѣ лишь только вышли мы изъ подъ свода, просѣченнаго на сквозь горы, то прямо подъ ногами увидѣли Средиземное море. Волны при подошвѣ горы крутились, наступали на каменья, и отраженныя отъ нихъ превращались въ бѣлую пѣну и брызги; но шумъ ихъ едва глухимъ стономъ доходилъ до нашего слуха. Вообразите себя на ужасной высотѣ, висящей прямо надъ водою, положите что и у васъ закружилась голова, и поспѣшите вмѣстѣ съ нами воротиться назадъ. Подъ сводомъ на стѣнахъ написано было множество именъ на всѣхъ языкахъ; иныя стерлись, другія трудно было разобрать. Фран-

цускіе спишки: Les noms des fous se trouvent par tout (имена дураковъ повсюду находятся), отняли у насъ желаніе вырѣзать тутъ свои имена. Отсюда должно спуститься къ пещерѣ, сказалъ проводникъ, а оттуда подняться къ телеграфу. Желая пройти къ нему прямѣе, трое мы, отдѣлившись отъ прочихъ, взлѣзли сначала на самую вершину горы, и зрѣлище величественное вознаградило немалый трудъ нашъ, Не только Гибралтаръ со всѣми своими укрѣпленіями, берега Андалузіи и Гренады со множествомъ городовъ и крѣпостей, не только Алпуксара, и снѣжныя Африканскія горы, подпирающія облака; но весь проливъ, съ немалымъ пространствомъ океана и Средиземнаго моря, явились взору, какъ на картинѣ раскрашенной блестящими красками. Ясное солнце игрою лучей своихъ различно позлащало предметы. Такое множество живописныхъ мѣстъ, въ томъ точно положеніи, въ какомъ отсюда онѣ представлялись, кажется, и самому искусному художнику изобразить не возможно. Пробираясь къ телеграфу по хребту горы, пришли мы къ столь глубокому и крутому оврагу, что принуждены были оставить сію дорогу и пуститься въ низъ прямо къ новой Молѣ. Въ оврагѣ видѣли мы нѣсколько обезьянъ: не понятно, чѣмъ они тутъ питаются. Терновникъ и душистая сухая трава, на которой скользятъ ноги, растутъ по горѣ мѣстами. У Губернаторскаго сада, вновь разводимаго, сошлись мы съ товарища-

ми и, измучась до безконечности, всѣ вмѣстѣ возвратились на корабль.

Гибралтаръ прежде назывался *Монб-Калпб*, потомъ Сарацыны, построивъ на горѣ сей крѣпость, назвали по имени одного изъ своихъ Генераловъ *Жибель Тарифб*, то есть гора *Тарифб*, а отъ сего произошло нынѣшнее его названіе *Жибралтарб*. Сія крѣпость попеременно была во власти Испанцовъ и Мавровъ, наконецъ взята отъ первыхъ соединеннымъ Англинскимъ и Голланскимъ флотомъ, подъ командою Георга Руке въ 1704 году, не силою, а нечаяннымъ случаемъ. Принцъ Гессенскій, вышедъ съ войсками на перешеекъ, увѣрился, что нападеніе съ сей стороны было не возможно. Флотъ сдѣлавъ 15.000 выстрѣловъ не причинилъ и малѣйшаго вреда укрѣпленіямъ. Одно оставалось средство принудить къ сдачѣ крѣпость голодомъ, но оная досталось Англичанамъ гораздо скорѣе. Партія матрозовъ, выпивши лишнюю порцію грога, въ двухъ или трехъ шлюпкахъ приближилась къ Новой Молѣ, осмѣлилась выдти на берегъ и напала на малое число Испанцевъ тутъ находившихся. Со флота тотчасъ посланы были всѣ люди и какъ крѣпость съ сей стороны еще не имѣла стѣны, то и принуждена была сдаться. Въ 1713 году Утрехтскимъ миромъ Гибралтаръ утвержденъ во владѣніи Англіи. Испанцы нѣсколько разъ покушались возвратить его. Послѣдняя осада соединенныхъ силъ Испаніи и Франціи съ моря и сухаго пути

прославила Генерала Еліота, который съ малымъ гарнизономъ отразилъ осаждающихъ съ великою потерею. Принцъ Нассау, будучи тогда Генералъ-Лейтенантомъ Испанской арміи, построилъ выдуманныя имъ пловучія батареи, но они были потоплены и 300 большихъ пушекъ достались Англичанамъ. Гибралтаръ, находясь на пути отъ Англіи въ Мальту, служитъ главнымъ сборищемъ купеческимъ и военнымъ флотамъ, защищаетъ Левантскую торговлю и наблюдаетъ Кадиксъ и Карѳагену, гдѣ Испанскія эскадры содержатся въ блокадѣ.

Плаваніе Средиземнымъ моремъ.

17-го Декабря вся эскадра, кромѣ брига Аргуса, отставшаго у Сантъ-Винцента, снялась съ якоря. Не взирая на малый вѣтръ, попутное изъ Океана теченіе помогало ходу и мы плыли по 10 верстъ въ часъ. Гибралтарскій проливъ имѣетъ два теченія. У Африканскаго берега вода стремится изъ океана; а у Европейскаго изъ Средиземнаго моря. Океанское теченіе посреди пролива столь сильно, что при легкихъ вѣтрахъ корабли относитъ назадъ. Теченіе океана далеко входитъ, не смѣшиваясь съ водою Средиземнаго моря, оно сохраняетъ свой цвѣтъ болѣе черный, и потому многіе Средиземное называютъ бѣлымъ моремъ. На сто верстъ, западное теченіе дѣйствуетъ почти съ одинакою силою. Въ про-

ливѣ наиболѣе дуютъ восточные и западные вѣтры, ибо въ море, съ которой бы стороны они ни были, приходя къ узкому, высокими берегами окруженному каналу, и отражаясь обѣими сторонами, берутъ направленіе пролива, и дуютъ въ немъ сильнѣе, нежели въ морѣ. По сей причинѣ бури бываютъ крѣпче и чаще во всѣхъ заливахъ и при выдавшихся мысахъ нежели въ открытомъ морѣ.

18-го Декабря прекрасный день, какой у насъ бываетъ въ Маіѣ, украшался еще болѣе пріятнымъ плаваніемъ близъ берега. Каждый часъ новые предметы приближались, проходили мимо и скрывались. Тамъ вдали, на краю горизонта отдаленный берегъ показывается тонкою синею чертою, чрезъ нѣсколько минутъ видъ его измѣняется, а чрезъ часъ онъ представляется высокою горою. Щастливое плаваніе въ хорошую погоду недалеко отъ береговъ, пріятнѣе и покойнѣе земнаго путешествія. Въ первомъ, прогуливаясь на палубѣ, переходишь великое пространство безъ усталости, и въ большемъ обществѣ проводишь время съ удовольствіемъ; въ послѣднемъ, будучи заключенъ въ каретѣ, поджавъ руки и ноги, сидишь въ принужденномъ положеніи, между тѣмъ какъ пыль, набившись въ носъ, въ ротъ, и ослѣпивъ глаза, препятствуетъ наслаждаться видами.

19-го Декабря, восходящее солнце позлатило свѣтлую лазурь неба; ни одно облако не помрачало яснаго свода его. Легкій вѣте-

рокъ едва колебалъ море и скоро наступила совершенная тишина. Морская тишина (штиль) для простаго путешественника спокойна; но мореплаватель не любитъ ее по тому, что она препятствуетъ успѣхамъ его намѣреній. Три дни у небольшаго, пустаго, и голаго камня Алборана томились мы мучительнымъ, безпокойнымъ ожиданіемъ вѣтра, думая, авось-либо съ которой нибудь стороны онъ повѣетъ. Каждое облако, каждая пестринка на небѣ, казалась намъ предвозвѣстницею онаго; но надежды наши были тщетны: зеркальная поверхность моря пребывала въ неподвижной гладкости. Послѣ ученья изъ ружей въ цѣль и примѣрно у пушекъ, люди, чтобы не быть въ бездѣйствіи, иные пѣли, другіе занимались своею работою, или ловили рыбу. Юнги (*) едва успѣвали закидывать уды какъ вытаскивали по двѣ и по три рыбы вдругъ; на уду же, пустивъ приманку плавающую на водѣ, ловили они чаекъ. Множество сихъ морскихъ птицъ, вились вокругъ кораблей, отнимая съ крикомъ одна у другой куски хлѣба, которые мы имъ бросали, или дрались за пойманную рыбку, то въ безпорядкѣ садились на воду, то вмигъ взвивались на воздухъ. Какъ день былъ очень жарокъ, то людямъ позволили купаться; для сего спустили шлюпки, и у бортовъ для не умѣющихъ плавать растянули

(*) Малолѣтные матрозы.

на веревкахъ парусы, на которыхъ мылись они точно такъ, какъ въ ваннѣ.

Оставя отечество при наступленіи осени, въ нѣсколько дней перешли мы въ южную Англію, гдѣ прекрасная погода еще продолжалась; когда же и тутъ начались дожди и туманы, и когда растительная сила природы и тамъ начинала мертвѣть, то въ бурномъ Декабрѣ перенеслись мы въ жаркій климатъ Европы. Тамъ прекраснѣйшее лѣто вновь насъ встрѣтило. Все твореніе исполнено было жизни, все цвѣло, все одѣто зеленью, и тысячи насѣкомыхъ шумѣли въ воздухѣ. И такъ не видавъ снѣгу, инеевъ, холода и зимы, не должны ли Россійскіе плаватели совершенно быть очарованы? и свѣжесть воздуха и необычайная теплота, не должны ли быть разительны, для людей привыкшихъ жить въ суровомъ сѣверѣ? Прекрасный день сопровождался еще прекраснѣйшею ночью, но сіи ночи довольно холодныя и сырыя отъ падающей росы, вредятъ здоровью, Скорый переходъ отъ жара къ холоду производитъ простуду и скорбутъ, но поступая по даннымъ намъ наставленіямъ о сохраненіи здоровья людей, служители наши не были подвержены симъ болѣзнямъ. Трюмъ (*) корабля, наиболѣе зара-

(*) Большой погребъ на днѣ корабля, гдѣ кладутся баластъ, дрова, вода въ бочкахъ и другіе запасы.

женный спершимся воздухомъ, очищался чрезъ провѣтриваніе. Палубы ежедневно окуривались уксусомъ и порохомъ. Чистота и опрятность какъ корабля такъ и экипажа, во всей точности наблюдалась. Болѣе же всего смотрѣли, чтобъ на воздухѣ съ открытой головой и въ мокромъ платьѣ не ложились спать. Недостатокъ свѣжей воды, испортившееся мясо, и другія провизіи умерщвляютъ людей иногда болѣе, нежели сраженіе, безпрестанной трудъ и безпокойство. Вода въ бочкахъ стоящая на низу трюма, особенно въ жаркіе мѣсяцы, обыкновенно на четвертой день начинаетъ портиться и скоро дѣлается вонючею. Цѣдильной камень и машина для очищенія воды, не могутъ на каждой день для 800 человѣкъ приготовить достаточнаго количества. Всѣ другія средства и изобрѣтенія, для производства ихъ на кораблѣ найдены вовсе не удобными, и не соотвѣтствующими своей цѣли, и посему-то недостатокъ свѣжей воды, есть главное неудобство морской жизни. Но перемѣняя часто воду и имѣя свѣжіе запасы, мы на корабляхъ не имѣемъ ни въ чемъ нужды. Благодаря крайнему старанію Главнокомандующаго о довольствѣ людей, во все продолженіе кампаніи, ни на одномъ кораблѣ не было тѣхъ заразительныхъ болѣзней, которыя происходятъ отъ гнилой пищи, и подобно крововой войнѣ, свирѣпствуютъ между морскими служителями.

Послѣ штиля, при тихомъ восточномъ вѣтрѣ 20-го Декабря ночью, у мыса *Гато* близъ Арміи встрѣтились мы съ Англинскимъ флотомъ изъ 15 кораблей подъ начальствомъ Вице-Адмирала Коллингвуда, отъ коего увѣдомились мы, что онъ идетъ въ Вестъ-Индію, искать Брестскую эскадру, на которой Іеронимъ братъ Наполеона находится. Въ Карѳагенѣ же, блокированной симъ флотомъ, стоятъ 8 кораблей, изъ коихъ три сто-пушечные. Принявъ всѣ мѣры осторожности и бывъ въ готовности къ сраженію съ свѣжимъ попутнымъ вѣтромъ прошли мы Карѳагену, 27 числа подошли къ Сардиніи, а 29 Декабря, лавируя при крѣпкомъ сѣверномъ вѣтрѣ, стали на якорь у Каліари.

Каліари.

Бѣдная столица Короля Сардинскаго лежитъ на крутой горѣ обнесенной двойною каменною стѣною, и окружена низкими мѣстами, солеными озерами и болотами. Въ низу города небольшая гавань. Высокія горы, пересѣкающія весь островъ, стоятъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Къ сѣверу видна длинная плотина, отдѣляющая большое озеро отъ рейды. Каліарскій заливъ, имѣющій направленіе отъ Юга на Сѣверъ, неудобенъ въ зимнее время, по причинѣ жестокихъ порывовъ, находящихъ изъ за горъ отъ сѣвера, съ моря же не будучи ни чѣмъ прикрытъ, подвер-

гаетъ корабли, на ономъ стоящіе, волненію отъ Юга. Ферпоингъ, должно становиться, кладя одинъ якорь на Сѣверо-западъ, другой на Сѣверо-востокъ. Хорошій иловатый грунтъ и глубина отъ 4 до 18 сажень, дѣлаютъ рейдъ въ другое время года довольно безопаснымъ.

Едва замѣтили въ городѣ наши большіе корабли, нѣсколько испачканыхъ лодокъ, или по крайней мѣрѣ не такъ чистыхъ, какія доселѣ мы привыкли видѣть, наполненныхъ музыкантами и нищими, пришли къ кораблямъ; и тѣ и другіе просили милостыни, одни за поздравленіе съ благополучнымъ прибытіемъ, другіе за труды, которые они приняли для умилостивленія насъ своимъ шутовскимъ крикомъ и вмѣстѣ смѣшными и жалкими кривляньями. Босыя ноги, всклокоченные, никогда нечесаные волосы, лахмотье, покрывающее закоптѣлое отъ нечистоты тѣло, словомъ вся наружность сихъ Сардинцовъ приводила въ сострадание. Мы должны были выдержать трехъ дневной карантинъ, въ которое время ѣздить на берегъ и сообщаться съ стоящими на рейдѣ судами строго было запрещено. Впрочемъ все нужное доставляли намъ на лодкахъ. Дешевизна плодовъ насъ удивляла: за десять апельсиновъ платили мы копейку, а за два пуда миндалю талеръ.

Карантинъ кончился, всякой спѣшилъ на берегъ. Выходимъ на пристань, толпа наро-

да, снявши свои красные колпаки съ почтительнымъ видомъ слѣдовали за нами. Куда ни оборотимся, чернь привѣтствовала поклономъ. Спрашиваемъ по Италіянски, гдѣ лучшій трактиръ? и множество голосовъ доселѣ позади въ полголоса говорившихъ, вдругъ отвѣчали; „вотъ самой лучшій! протянувъ каждый обѣ руки и показывая на домъ противу стоящій. Входимъ: въ темной комнатѣ стоялъ пошатнувшійся пыльный биліардъ, никого нѣтъ. Идемъ во второе жилье, хозяинъ въ засаленомъ фартукѣ, съ изумленнымъ видомъ, сорвавъ съ себя колпакъ, спрашиваетъ, что угодно? торопится, проситъ садиться, увѣряетъ, что у него трактиръ самой лучшій, и что всѣ иностранцы у него только были довольны. Заказавъ обѣдъ, пошли мы въ городъ прогуляться, нѣсколько маклеровъ предложили намъ, не угодно ли что покупать? Напередъ хотимъ видѣть городъ, сказалъ одинъ изъ насъ. Какъ прикажете ваше превосходительство! (такъ обыкновенно величаютъ здѣсь иностранцевъ) и тотчасъ одинъ изъ нихъ большими театральными шагами пошелъ впереди, а другіе въ почтительномъ отдаленіи слѣдовали позади насъ.

Прекрасно выстроенные домы съ плоскими крышками, обнесенные рѣшеткою уставленною вазами цвѣтовъ, составляютъ разительную противуположность съ нечистотою улицъ. При первомъ взглядѣ на Италіянской городъ, лѣность, нерадѣніе и подру-

га ихъ нищета повсюду представляются. На каждомъ шагу встрѣчали мы нищихъ, едва покрытыхъ изорваннымъ кускомъ холстины. Они окруживъ и преслѣдуя насъ неотступно просили милостыни, увѣряя, что уже нѣсколько дней ничего не ѣли; съ уничиженнымъ видомъ показывали на небо, говоря, что оно только служитъ имъ покровомъ, что они не имѣютъ никакого убѣжища отъ суровости погодъ. И такъ не благорастворенiе воздуха и плодородiе земли доставляютъ благоденствiе народу. Трудолюбивый Норвежецъ въ безплодной землѣ достаетъ себѣ лучшее содержанiе, нежели лѣнивый Италiянецъ, въ странѣ облагодѣтельствованной всѣми дарами природы. Нижнiе ярусы домовъ заняты лавками ремесленниковъ. Тамъ портной, тутъ рѣзчикъ, столяръ, кузнецъ, бочаръ сидятъ за работою при открытыхъ окнахъ и дверяхъ. Италiянецъ хочетъ видѣть людей и безпрестанно быть на открытомъ воздухѣ; отъ того-то кажется, они и не брегутъ о чистотѣ домовъ. Изъ узкихъ промежутковъ, отдѣляющихъ домъ отъ дома, исходитъ смердящiй запахъ; замаранныя стѣны, обвалившаяся штукатурка, красныя пятна по окнамъ и лѣстницамъ, помои выливаемые изъ верхнихъ ярусовъ, мертвыя кошки и собаки истлѣвшiя на улицахъ, все вмѣстѣ столько заражаетъ воздухъ, что мы, заткнувъ носъ платкомъ, спѣшили взойти на гору, въ надеждѣ найти тамъ лучшiй воздухъ. По ступенькамъ, высѣченнымъ въ горѣ,

вошли въ крѣпость, находящуюся на вершинѣ горы внутри города. Здѣсь показали намъ глубокій колодезь, изъ коего весь городъ довольствуется свѣжею водою. Колодезь находится внутри зданія, покрытаго столь толстымъ сводомъ, что, кажется, бомбою пробить его не можно. Крѣпостныя стѣны съ сухопутной стороны не исправны, съ моря же бастіоны вооружены тяжелою артиллеріею. Впрочемъ Каліари лежитъ на высотѣ, обороняющей окрестности, и посему долго можетъ сопротивляться.

Вошедъ въ соборъ мы удивились великолѣпію и богатству украшеній. Темные своды, хорошая живопись и огромные столпы, поддерживающіе тяжесть зданія, внушали благоговѣніе къ сему древнему храму. Монахи водили насъ по всѣмъ переходамъ церкви, и на одномъ олтарѣ, показали въ золотомъ ковчегѣ, голову святаго Сатурнина. Мы къ мощамъ симъ приложились съ благоговѣніемъ, и на блюдо, тутъ стоявшее, положили нѣсколько монетъ. Удивленные Францисканцы взглядывали другъ на друга, казалось, хотѣли что то сказать; но посмотрѣвъ на праздный народъ, за нами ходившій, смиренно опустили внизъ глаза; поклонились, и обратя умоляющій взоръ къ небу, не сказали ни слова.

Дурной запахъ въ комнатѣ, въ которой мы должны были обѣдать, отнималъ у насъ позывъ на пищу. По стѣнамъ и окнамъ вездѣ была пыль и паутины; кирпичной грязной

полъ не выметенъ, а только обрызганъ водою. Вмѣсто скатерти послана была толстая тряпка; кушанье, даже жаркое и пирожное, на деревянномъ маслѣ, и потому мы довольствовались только салатомъ, плодами и тѣмъ, что не было въ рукахъ повара. Едва ли можно себѣ представить что нибудь неопрятнѣе Италіянскихъ трактировъ; только въ лучшихъ городахъ можно найти хорошіе.

Послѣ обѣда привели насъ на шелковую фабрику. И здѣсь видѣнъ народный характеръ Италіянцевъ. Зала уставлена нѣсколькими десятками самопрялокъ, на коихъ сучатъ и разматываютъ шелкъ. Отгадайте, кто ихъ вертитъ такъ скоро? Индѣйки, пѣтухи и куры. Они развязаны между двухъ рычаговъ, вставленныхъ въ воротъ, которой помощію шестерни обращаетъ самопрялку. Индѣйка, опустя хвостъ, распустя крылья, съ крикомъ бѣгаетъ по поддону, такъ скоро и до тѣхъ поръ, пока закружась падаетъ вверхъ ногами. Мальчикъ и дѣвочка впрягаетъ другую, а загнанную отправляютъ въ трактиръ и говорятъ, что она отъ того бываетъ вкуснѣе убитой. Далѣе собаки, бѣлки, зайцы, сурки и множество маленькихъ животныхъ разинувъ рты, съ лаемъ, визгомъ, щолканьемъ, во всю силу скачутъ въ срединѣ колесъ; оныя вертятся и бѣдное животное, боясь упасть на спину, по неволѣ прибавляетъ бѣгу, а самопрялка работаетъ между тѣмъ наилучшимъ образомъ. Въ другой залѣ вывариваютъ шелкъ,

въ третьей основываютъ на станки. На сихъ стальныхъ станкахъ помощію механизма обращающаго челнокъ, одинъ работникъ отдѣлываетъ въ день двѣ дюжины чулокъ; не смотря на смѣтное движеніе самопрялокъ, работа успѣшна, прочна и дешева. Заведя машины, производство работъ и содержаніе, стоитъ весьма недорого.

Отъ фабрики прошли мы въ гавань, гдѣ стояла галера и двѣ полугалеры, составляющія всю морскую силу Короля. Доходы его столь малы, что онъ имѣетъ три или четыре тысячи солдатъ, и тѣ такъ бѣдно одѣты, что еслибы не знамя и шляпы пробитыя пулями, то ихъ узнать бы не льзя. Въ гавани нечего было смотрѣть; итакъ мы пошли за городъ. Проводникъ снявъ башмаки и накинувъ фуфайку на одно плечо, гордо выступалъ предъ нами. За городомъ ничего, кромѣ огородовъ и худыхъ хижинъ, взору не представлялось; песчаная земля, солончаки и болото скоро намъ наскучили, и мы дошедъ до одной развалившейся церкви воротились въ городъ. Узнавъ же, что послѣ зари ворота въ крѣпости запираются, и притомъ наслышась, что опасно оставаться въ городѣ, ибо нищія, за нѣсколько копеекъ иногда убиваютъ иностранцевъ, мы не медля поѣхали на корабль.

Не смотря на лѣность жителей, Сардинія весьма плодоносна. Кромѣ вина, масла, плодовъ, всякой хлѣбъ родится въ изобиліи. Въ

горахъ находятъ серебреныя, желѣзныя руды и мраморъ. Соль доставляетъ Королю важный доходъ. У береговъ ловятся кораллы. Торговля, кромѣ сихъ произведеній, состоитъ изъ шелковыхъ чулокъ и красныхъ шерстяныхъ колпаковъ, во всей Италіи употребляемыхъ чернью. Воздухъ на семъ островѣ отъ множества болотъ нездоровъ. Сардинія во времена Римлянъ, и при нынѣшнемъ Королѣ, когда онъ имѣлъ Піемонтъ, была мѣстомъ ссылки. Сардинцы говорятъ испорченнымъ нарѣчіемъ, изъ смѣси Италіанскаго съ Испанскимъ. Островъ сей, увѣряютъ, не имѣетъ ядовитыхъ пресмыкающихся гадовъ, и кромѣ лисицъ нѣтъ другихъ хищныхъ звѣрей. Небольшое животное, подобное лягушкѣ, называемое *маффоне*, принадлежитъ собственно Сардиніи.

Въ древнія времена Греки, по сходству острова съ башмакомъ или слѣдомъ ноги, называли Сардинію *Сандаліотисомъ* и *Ихнузою*. Нынѣшнее имя, какъ утверждаютъ нѣкоторые, произошло отъ Сарда, сына Геркулесова. Первые обитатели жили разсѣянно, скитаясь въ лѣсахъ. Греки поселившись въ Сардиніи, построили города, и съ тѣхъ поръ коренные жители были подвластны чужимъ владѣльцамъ. Кароагеняне чрезъ 400 лѣтъ господствуя на Средиземномъ морѣ, владѣли симъ островомъ до окончанія первой Пунической войны. Римляне во время мира, подъ предводительствомъ Гракха, разграбили Каліари, тогда извѣстный подъ именемъ *Кава-*

лиса, и скоро покоря сей островъ, обладали имъ до паденія западной Имперіи. Древніе жители Сардиніи слыли искусными пращниками. Въ первомъ столѣтіи по Рождествѣ Христовомъ, Каліари имѣлъ уже своихъ Епископовъ, изъ числа коихъ Люциферъ извѣстенъ противоборничествомъ противу Арія, и хотя его самаго обвиняли въ расколѣ, однакожъ онъ признанъ святымъ и покровителемъ острова. Около 800 лѣтъ по Р. Х. Сарацыны въ разныя времена приставая къ острову, наконецъ въ 852 году, покорили оный и выгнавъ жителей въ Италію, три ста лѣтъ спокойно онымъ владѣли. Въ сіе время Папа, въ знакъ благодарности за услуги, подарилъ Сардинію Пизанской Республикѣ, которая однако сама должна была отнять его у Срацыновъ. Послѣ ста лѣтъ, едва Пизаняне успѣли его покорить и въ немъ утвердиться, какъ другой Папа подарилъ его Іакову II, Королю Арагонскому, которой въ скоромъ времени онымъ овладѣлъ и оставилъ въ наслѣдство своимъ потомкамъ. Въ 1350 году, по пресѣченіи его колѣна, достался онъ Королямъ Испанскимъ. Въ 1708 году Англичане завладѣли островомъ; а въ 1717 году опять были выгнаны, наконецъ въ 1718 году по заключеніи Утрехтскаго мира, Австрійскій Императоръ, которому онъ былъ уступленъ Испаніею, помѣнялся имъ на островъ Сицилію съ Герцогомъ Савойскимъ, и съ сего времени Сардинія, подъ именемъ Королевства, принад-

лежала Савойскому Дому. Въ 1798 году Бонапарте, на походѣ въ Египетъ, покушался взять Каліари; но наскоро собравшіеся крестьяне разбили вышедшее на берегъ войско его. Покореніе Мальты вознаградило его за первую неудачу. Въ 1801 году по Аміенскому миру, Королю Сардинскому оставленъ одинъ только островъ, а Піемонтъ присоединенъ къ Франціи.

Король съ нѣкотораго времени живетъ въ Римѣ, а подъ именемъ Вице-Короля управляетъ братъ его Герцогъ Женевскій. Адмиралу нашему надлежало имѣть аудіенцію у Его Высочества, и какъ должно было ожидать его пріѣзда изъ загороднаго дома, то это и задержало насъ нѣсколько въ Каліари. По волѣ Государя Императора Адмиралъ предложилъ помощь для защиты Сардиніи, и сей новый опытъ дружбы принятъ Вице-Королемъ съ чувствительною благодарностію.

1806 годъ.

Плаваніе отъ Каліари до Мессины.

Въ полдень 7-го Генваря, оставя Каліари, мы обошли мысъ Карбонаро и миновали опасной камень, находящійся подъ водою, въ глубинѣ на 20 футовъ. Малыя суда въ тихое время проходятъ чрезъ него безопасно, но при

волненіи многія на немъ погибли. Переходъ до Мессины былъ самый пріятный, время стояло прекрасное, тихій вѣтръ едва двигалъ корабли и море чуть рябѣло. 8-го Генваря открылся островъ Сицилія; немного послѣ, показались острова Липарскіе. Сицилія представляетъ взору высокія горы, постепенно въ видѣ амфитеатра восходящія; лѣса покрываютъ ихъ отъ подошвы до вершины. Видъ Липарскихъ островов еще красивѣе. Хотя они волканическаго свойства, но покрытые зеленью и плодовитыми рощами, гордо возвышаются изъ волнъ моря. Тихо и близко плыли мы мимо сихъ Гесперидскихъ садовъ: „Гдѣ взоръ, различными красотами влекомый, недоумѣваетъ на которой изъ нихъ остановиться, а вкусъ, зрѣлымъ наливомъ плодовъ прельщаемый, не знаетъ которой изъ нихъ избрать.“ Небольшія селенія, на скалистомъ прибрежіи расположенныя, смотрятся въ свѣтлое зеркало водъ и лучи солнца, рисуя на немъ земные предметы, на каждомъ шагу представляютъ новыя картины. Острова сіи, одни изрыгаемые подземнымъ огнемъ возстаютъ со дна моря, другіе исчезаютъ и покрываясь водою, становятся подводными камнями. Нѣкоторые изъ нихъ, по причинѣ угасшихъ или еще курящихся сопокъ, какъ то Волкано и Волканелло, необитаемы. Волканической пеплъ дѣлаетъ почву ихъ столь плодоносною, что плоды достигаютъ здѣсь послѣдней степени совершенства. Малвазія де Липари споритъ

въ славѣ съ Lacrime Cristi (слезы Христовы). Кромѣ сего вина и множества всякаго рода плодовъ, особенно финиковъ, собирается на сихъ островахъ большое количество сѣры, купоросу, лавы и пемзы.

10-го Генваря приближились мы къ *Стромболи*. Благое Провидѣніе, поставивъ Волканъ сей на морѣ, посреди разстоянія и въ прямой линіи между Везувія и Этны, вѣчнымъ его изверженіемъ, продолжающимся отъ начала вѣковъ, облегчаетъ земную утробу отъ горючихъ веществъ, которыя, скопившись у послѣднихъ двухъ огнедышущихъ горъ и не будучи безпрерывно изрыгаемы первою, могли бы покрыть развалинами Сицилію и низпровергнуть всю Италію. Жерло Стромбола находится не на вершинѣ горы, какъ у прочихъ Волкановъ, но подобно какъ бы небольшая горка была приставлена къ большой, изъ боку которой выходитъ изверженіе. Днемъ гора казалась спокойною, одинъ дымъ покрывалъ ея вершину, море близъ берега также курилось; но ночью представилось глазамъ нашимъ наичудеснѣйшее и прекраснѣйшее зрѣлище, какого нѣтъ лучше въ природѣ. Море было тихо, небо покрыто мрачностію, тусклый мѣсяцъ чуть проглядывалъ. Волканъ открылся намъ, какъ превеликой горнъ, раздуваемый мѣхами и сыплющій вверхъ искры. Изверженія однакожъ умолкаютъ и возобновляются почти чрезъ каждыя 10 минутъ; они показываются въ видѣ яркихъ

молній, съ ужаснымъ стремленіемъ вырывающихся изъ жерла. Пламя, постепенно увеличиваясь, составляло огромный огненный столбъ, который расширяясь производилъ грохотъ, подобный приближающемуся грому или треску падающаго зданія. Блескъ Волкана, озаряя облака, изображалъ на нихъ разноцвѣтныя радуги: червлень, яркій пурпуръ, лазурь съ тончайшими оттѣнками, коими украшалось небо, представляло намъ корабли и близъ лежащіе острова горящими. Прекрасное зарево играло вдали на берегахъ Калабріи и Сициліи. Въ молчаніи взирали мы на сіе великолѣпное явленіе природы; шумъ, трескъ, клокотаніе, подземный громъ и раскаленные каменья, падающіе въ море и высоко вздымающіе брызги, вселяли въ насъ благоговѣніе къ величію Божію. При видѣ изверженія, кажется, и самый закоснѣлый безбожникъ долженствовалъ бы убѣдиться всемогуществомъ Творца. Островъ Стромболи имѣетъ въ окружности 10 Ит. миль, видъ его съ моря показывается крутою и необитаемою скалою, на южной сторонѣ видна особенная горка остывшей лавы, западная сторона отъ жерла до моря засыпана пепломъ весьма глубоко и потому совершенно не доступна. На сѣверной же, гдѣ есть нѣсколько хижинъ, родится виноградъ, дающій малвазію, вино и здѣсь очень дорогое. Коринка, винныя ягоды и финики почитаются превосходнѣйшими.

11-го Генваря при свѣжемъ утреннемъ вѣтеркѣ эскадра входила въ проливъ, *Фаро ди Мессина* называемый. Опасности *Скиллы* и *Харибды*, прославленныя Поэтами Греціи и Рима, столько устрашавшія древнихъ, были для насъ ни мало не страшны. При младенчествѣ мореплаванія, при несовершенствѣ строенія древнихъ кораблей, онѣ были ужасны, нынѣ же и для *Скопомаре* (*) незначущій водоворотъ. Мы прошли ихъ при довольно свѣжемъ вѣтрѣ, однакожъ когда были противу Фаро, ходъ кораблей примѣтно уменьшился. Пучины сіи происходятъ отъ двухъ сильныхъ теченій: первая, называемая Скилла, идетъ отъ юга на сѣверъ вдоль берега Калабріи; вторая, Харибда, жителями *Гарофало* именуемая, потому же направленію стремится вдоль берега Сициліи. Великое количество водъ, текущихъ отъ запада, сѣвера и юга, сходясь въ узкомъ проливѣ, шириною только $2\frac{1}{2}$ версты, отражаясь обоими берегами, не имѣя достаточнаго мѣста для распространенія, и съ великимъ усиліемъ входя въ проливъ, производятъ многія теченія и то круженіе воды, которое корабли, вошедшіе въ проливъ при нечаянно стихшемъ вѣтрѣ, по невозможности стать на якорь на большой глубинѣ, носитъ туда и сюда, и наконецъ бро-

(*) Лодки, употребляемыя въ Италіи, чрезвычайно скоро подъ парусами и на веслахъ плавающія.

сесть на Калабрскій берегъ или на песчаную косу, гдѣ стоитъ маякъ Фаро. Въ тихое время проливъ волнуется, поверхность воды въ самомъ узкомъ мѣстѣ канала кипитъ, и замѣтно у берега прибываетъ. Все пространство пролива отъ спорныхъ теченій пестрѣетъ остроконечными мѣлкими волнами; онѣ крутятся вокругъ и быстрыми струями несутся въ разныя стороны. Благоразуміе требуетъ, при входѣ въ проливъ брать лоцмановъ, которые, по долговременнымъ опытамъ, знаютъ направленія сихъ необычайныхъ теченій, и въ случаѣ нещастія, произшедшаго отъ ихъ неосторожности, отвѣчаютъ жизнію. Приливъ и отливъ не слѣдуетъ правильности, въ океанахъ бывающей. Оные перемѣняются здѣсь чрезъ каждыя 4 часа, между коими въ продолженіи 2 часовъ, теченія находятся въ безпорядкѣ и дѣйствуютъ по всѣмъ направленіямъ. Таковый безпорядокъ начинается часомъ прежде восхожденія и захожденія луны; въ продолженіе сего времени, когда посреди пролива бываетъ отливъ, близъ береговъ дѣйствуетъ еще приливъ и сіе необыкновенное явленіе называютъ il Bastardo (незаконорожденное). Настоящее теченіе воды находится посреди пролива. При новолуніи и въ равноденствія, пучины стремятся съ великимъ напряженіемъ, а въ осьмый день по новолуніи довольно тихи, такъ что держась ближе Фаро и берега Сициліи, безопасно можно проходить проливъ и безъ лоцмана. Въ случаѣ, если

вѣтръ начнетъ упадать, не медля должно бросить якорь и *отвартовать* (*) корабль кормою къ берегу, который хотя низокъ и песчанъ, однакожъ въ недальнемъ отъ себя разстояніи имѣетъ отъ 15 до 20 саженъ глубины. Не смотря на значительное возвышеніе и паденіе воды у Фаро, въ Мессинѣ, которая отъ сего маяка находится только въ 12 верстахъ, оныя почти не примѣтны.

Видъ Мессинскаго пролива очарователенъ! Корабль плыветъ между садовъ, и такъ близко, что кажется оныхъ касается; съ лѣвой стороны у Реджіо представляется низкій берегъ, отъ моря ровнымъ скатомъ примыкающій къ коническимъ, пирамидальнымъ, круглымъ и разныхъ видовъ горамъ, наваленнымъ одна на другую; снѣжные верхи ихъ бѣлѣются, а скаты и долины покрыты темнымъ лѣсомъ. Маленькой Гибралтаръ, крѣпость Скилла, прилѣпленная къ верхушкѣ дикой скалы, виситъ надъ самою пучиною, и кажется падающею. На сѣверъ отъ нея, отвѣсный берегъ являетъ взору гранитную стѣну. На правой сторонѣ на оконечности низкой песчаной косы стоитъ прекрасный съ колонадою маякъ Фаро, который кажется тонетъ, погибаетъ въ шумящей вокругъ него пучинѣ. Отъ фаро къ Мессинѣ по набережной, померанцовыя, апельсинныя и лимонныя аллеи

(*) Привязать корабль канатами къ берегу.

заключают бирюзовую зелень различных овощей, далѣе, внутрь острова, не высокія горы постепенно восходят лѣстничными уступами; верхи их остры, бока срѣзаны, и как бы нарочно обдѣланы искусною рукою. Горы сіи покрыты масличными, миндальными и миртовыми лѣсами. По берегам пролива, текущаго величественною рѣкою, постепенно расширяющагося и наконец сливающагося с морем, представляются при крѣпости и множество загородных домов, монастырей и селеній. Пристань Мессины, всегда наполненная стоящими в ней, входящими и уходящими к море кораблями, движеніем своим дополняют сію чудесную картину, как бы нарочно поставленную, посреди густой и вѣчной зелени. Вдали синѣет колоссальная Этна; лучи солнца, заимствуя новый блеск от снѣжной ея вершины, играют многоразличными огнями; от жерла ея прямой столп дыма взвивается выше облаков. Она теперь дремлет и отдыхает; а может быть, думал я в сіе время, собрав новыя силы, грянет, истребит окрестности и поглотит тысячи несчастных жертв.

Гром пушек возвѣстил наше приближеніе к Мессинѣ; не болѣе как в 30 саженях от берега на всѣх парусах летѣли корабли в слѣд за своим Адмиралом. Огромный оркестр духовой музыки, сопровождаемый нѣсколькими выстрѣлами с корабля Ярослава, отвѣчал на привѣтствія

кораблей эскадръ Грейга и Сорокина, возвращавшихся съ войсками изъ Неаполя. Бригъ Аргусъ, отставшій у Сантъ-Винцента, и который мы почитали потеряннымъ, ибо въ Гибралтарѣ были слухи, что Испанцы взяли его въ плѣнъ, сверхъ чаянія стоялъ въ гавани. Красной флагъ былъ причиною, что по немъ Испанскія канонерскія лодки сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ; но когда перемѣнили оный бѣлымъ, Испанскій Капитанъ извинился, что онъ третей дивизіи нашъ флагъ счелъ за Англинскій, и потомъ не позволивъ бригу зайти въ Гибралтаръ, выпроводилъ его изъ пролива. Лишь только вошли мы въ ворота гавани и бросили два якоря на сѣверъ и югъ, тотчасъ толстыми канатами привязали корабль къ самой набережной.

Мессина, 11 Генваря.

Узкая, песчаная коса даетъ Мессинскому порту подобіе круглаго бассейна, въ которомъ 500 кораблей стоятъ подлѣ самой набережной, въ безопасности отъ всѣхъ вѣтровъ. Харибда шумитъ по ту сторону самородной сей плотины, а чрезъ нее сто шаговъ въ портѣ, такъ тихо какъ въ копаномъ прудѣ. Тутъ природа, кажется, хотѣла доказать ничтожность и несовершенство произведеній искуства. Видъ гавани, наполненной кораблями всѣхъ торговыхъ Государствъ, кромѣ Францускихъ, чрезвычайно занимателенъ:

множество мачтъ уподоблялось выросшему изъ воды густому лѣсу, украшенному собраніемъ всѣхъ цвѣтовъ, пестрѣющихъ на флагахъ и вымпелахъ. Корабли военные и купеческіе, тѣсно помѣщенные, одинъ за одинъ спѣпившись реями и связавшись флагами, казалось, въ залогъ дружбы взаимно обнимались

Землетрясаніе, бывшее въ 1783 году, разрушило лучшую часть города вокругъ порта. Не смотря на сіе Мессинская набережная, имѣетъ нѣчто особенное,—и съ своими развалинами превосходитъ всѣ доселѣ мною видѣнныя. Не льзя не сожалѣть, что до сихъ поръ не возобновляютъ сей славной *Палацаты* или *ла Калата*, которая, огибая портъ въ видѣ полумѣсяца, составляла прекрасную широкую улицу длиною въ двѣ версты; и какъ по остаткамъ колоннъ, балконовъ и портиковъ судить можно, была изящнѣйшей архитектуры. Самый городъ, съ гаванью внизу, съ высокимъ надъ собою замкомъ, съ зубчатыми полуразвалившимися вокругъ стѣнами, подобно Іерусалиму, занимаетъ уступы нѣсколькихъ раздѣльныхъ горъ громадою зданій и храмовъ. Величавые куполы церквей готическаго зодчества, вмѣстѣ съ фасадою палацаты обращенной къ морю, представляютъ амфитеатръ строеній, стоящихъ одно на другомъ. Смотря на нихъ съ корабля, думаешь видѣть предъ собою театральную декорацію. — Красота положенія Мессины со-

ставляетъ такую перспективу, что взоръ невольно тутъ блуждаетъ съ предмета на предметъ.

Эскадрѣ назначенъ былъ 16 дневный карантинъ, но, по настоянію Главнокомандующаго, оный тотъ же день былъ уничтоженъ. Ввечеру, когда набережная наполнилась прогуливающимися, вышли мы на берегъ. Черное тафтяное платье, обыкновенный нарядъ здѣшнихъ дамъ; множество монаховъ, въ бѣлыхъ, черныхъ и кофейныхъ рясахъ; одежды Турокъ, Грековъ, Славянъ и Италіянцевъ, такую дѣлаютъ пестроту, какой рѣдко гдѣ видѣть можно. Красные мундиры Англинской пѣхоты, странная, одежда Шотландскихъ горскихъ стрѣлковъ, въ пестрыхъ юбочкахъ, мужественный видъ нашихъ гранадеръ, въ простреленныхъ каскахъ съ надписью: „*съ нами Богъ;*“ все сіе противуположностію своею занимаетъ зрителей пріятнымъ образомъ. Одушевленная веселость народа, забавляющагося кукольною комедіею и арлекиномъ, производитъ шумъ и необыкновенное движеніе. Мнѣ весьма пріятно было слышать, какъ усатые наши солдаты развязно и ласково разговаривали съ Италіянцами: таковая способность Рускаго, скоро пріобрѣтаетъ ему любовь во всѣхъ земляхъ. Вѣжливость и щедрость Рускихъ особенно нравится искательнымъ Италіянцамъ. Здѣсь предпочтительно Рускому готовы возможныя услуги. За деньги? Но гдѣ же что ни-

будь дѣлается безъ сего человѣческаго идола. Посмотрите на Италіянца, увидите, что при полученіи имъ нѣсколькихъ карантанъ восторгъ изображается на его лицѣ; онъ не столько радъ карантанѣ, какъ случаю, что могъ услужить Рускому. Французъ, Англичанинъ, если не обижаютъ бѣдняка, то по крайней мѣрѣ, хотятъ казаться существомъ гораздо его благороднѣйшимъ. Руской не ищетъ сего преимущества и желаетъ быть ему равнымъ. — Вотъ немаловажныя причины, отъ чего Италіянская чернь кричитъ намъ: e viva Moscov! да здравствуютъ Рускіе! Въ Италіи, чтобъ казаться обыкновеннымъ иностранцемъ, надобно не быть Рускимъ, и чтобъ быть покойнымъ, нужно скрываться. Потому, съѣзжаемъ мы на берегъ во фракахъ; въ мундирахъ же мы влекли бы за собою толпу народа.

Взявъ билеты для оперы, спросилъ я, когда начнется представленіе? въ два часа ночи. Хотя и поздно, прихожу въ назначенное время; но театръ былъ запертъ, и тогда только вспомнилъ, что въ Италіи часы ночи считаются отъ захожденія, а часы дня отъ восхожденія солнца.

Главная улица, идущая съ юга на сѣверъ сзади Палацаты, широка, обстроена четырехъ этажными, совершенно единообразными домами, вымощена плитой, а тротуары мраморомъ и лавою. Нѣкоторыя церкви, коихъ здѣсь очень много, не по наружности, а по внутреннимъ украшеніямъ, заслуживаютъ особое

вниманіе. Въ древнемъ зданіи собора, каѳедра и барельефы Сицилійскаго скулптора *Гажини* наилучшаго вкуса. Мозаика главнаго алтаря собрана изъ самоцвѣтныхъ камней; въ оной фигуры и тѣни, смотря изъ дали, не льзя отличить отъ живописныхъ. Образа и Алфреско кисти *Гальяти*, также родомъ Сициліанца, равняются съ Тинтореттовыми. Золотые и серебренные сосуды, хранящіеся въ сокровищахъ храма, показывали намъ съ гордостью и за большую рѣдкость; ибо онѣ работы *Гевари*, извѣстнаго Римскаго художника, который родился къ Мессинѣ, и вдохновеніемъ одного генія, не подражая ни кому, въ семъ родѣ достигъ совершенства. Вообще всѣ здѣшнія церкви слишкомъ обременены позолотой и мраморными издѣліями. Монастырь св. Григорія почитается богатѣйшимъ, а Іезуитская Коллегія, къ коей должно подыматься чрезъ нѣсколько лѣстницъ и террасъ, по справедливости можетъ гордиться прекраснымъ положеніемъ и живописью *Мессинеза*, Рафаеля Сициліи; въ сочиненіи, отдѣлкѣ и исправности рисунковъ коего соединены вкусъ и разительная пріятность. Изъ многихъ статуй, украшающихъ городъ, бѣлаго мрамора фонтанъ на набережной, представляющій Нептуна, налагающаго цѣпи на Скиллу и Харибду, изображенныхъ морскими чудовищами съ семью главами, какъ ихъ описали древніе поэты, школы Мишель-Анжела, работы превосходной. Послѣ сей группы, монументъ

Донъ Жуана Австрійскаго, стоящій подлѣ Губернаторскаго дома, кажется весьма посредственнымъ.

При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда вся Италія во власти Французовъ, Мессина сдѣлалась весьма важнымъ торговымъ городомъ и убѣжищемъ многихъ добровольныхъ изгнанниковъ. На фабрикахъ дѣлаютъ гарнитуры, шелковые чулки, ковры и тафту, извѣстную у насъ подъ именемъ Ноблесъ. Кромѣ плодовъ, особенно апельсиновъ, вина, масла и пшеницы, соль составляетъ главный торгъ.

Въ ночь 12-го Генваря фрегатъ Назаретъ съ 4 Англинскими транспортами бросило на мѣль у Фаро, а бригъ Летунъ на Мессинской маякъ. Къ счастію тишина продолжалась двое сутокъ; фрегатъ, бригъ и три транспорта, посланными съ эскадры людьми сняты съ мѣли безъ вреда; одинъ же транспортъ, у коего проломило дно, принуждены были оставить. 13 Егерьской полкъ, находившійся на сихъ судахъ, размѣстили по кораблямъ нашей эскадры, которая бывъ симъ задержана, оставила Мессину 16-го Генваря.

Плаваніе отъ Мессины до Корфы.

Когда мы обошли *Спартивенто*, южный мысъ Калабріи, сильный вѣтръ развелъ волненіе и корабли идучи бейдевиндъ (*), кача-

---

(*) Ближайшій путь къ вѣтру.

лись подобно легкимъ челнокамъ. Въ ночь съ 16-го на 17-е Генваря, послѣ кратковременной грозы, у корабля Уріила повредило форъ-стеньгу (*). Адмиралъ оставилъ при немъ Селафаилъ и бригъ Фениксъ, а съ остальными кораблями къ вечеру 18-го прибылъ къ южному проливу. Вѣтръ былъ свѣжъ, довольно крутъ, проливъ стѣсненъ отмѣлью и подводными каменьями. Адмиралъ удивилъ насъ своею рѣшительностію и искуствомъ пользоваться знаніемъ мѣстъ. При захожденіи солнца поднятъ былъ сигналъ сомкнуть линію и слѣдовать за его кораблемъ. Въ непроницаемой темнотѣ, мы прошли благополучно всѣ опасности и около полночи эскадра положила якорь подъ стѣнами Корфу, главной цѣли нашей Экспедиціи. Плаваніе отъ Кронштата до Корфу считая подъ парусами совершили мы въ 38 дней. Спустя два часа пришелъ на рейдъ изъ Неаполя командорской корабль Ратвизанъ.

Идучи отъ Мессины къ Корфу при южныхъ вѣтрахъ держать должно на островъ Санто-Мавро; а при сѣверныхъ на сѣверную оконечность Корфы для того, что въ Іоническомъ морѣ теченіе вмѣстѣ съ вѣтромъ стремится или въ Адріатическое море или къ югу вдоль береговъ Мореи. Вошедъ въ южной проливъ, должно держать ближе къ острову Паксо, ибо отъ мыса *Біанко*, отмѣль

(*) Среднее колѣно передней мачты.

простирается до половины пролива. Другая песчаная мѣль отъ *Пундо де Салине* идетъ къ сѣверо-востоку на половину мили; дабы обойти другія отмѣли, находящіяся по восточную сторону Корфы, держатъ близъ Албанскаго берега до тѣхъ поръ, пока придутъ напротивъ города. Отъ Пунто де Салине на 20 ти саженяхъ глубины въ десяти миляхъ разстояніемъ, Корфа открывается островомъ, но приближаясь къ оной увидишь на оконечности мыса крѣпость. Сѣверный проливъ шириною около 3-хъ верстъ, кромѣ одного камня равнаго съ водою, не имѣетъ другихъ опасностей. Рейдъ Корфы, находящійся между городомъ и островомъ Видо, имѣя глубину 8, 10, и 12 саженъ, грунтъ илъ, доставляетъ кораблямъ безопасное убѣжище. Преимущество сего порта есть то, что флотъ тѣмъ или другимъ проливомъ, при всякомъ вѣтрѣ можетъ выдти въ море. У *Лазаретто*, острова лежащаго къ западу отъ Видо, суда выдерживаютъ карантинъ. Мѣлкія военныя суда стоятъ въ *Мандраки* гавани, что у цитадели, тутъже и Адмиралтейство. Венеціанскіе доки и каналъ въ *Гуви* оставлены и строенія, стоившія нѣсколькихъ милліоновъ, представляютъ теперь однѣ развалины.

Корфа.

На восходѣ солнца, громъ пушекъ возвѣстилъ пришествіе новаго Главнокомандующаго

Видъ Цитадели въ Корфѣ.

эскадры Грейга и Сорокина отдали паруса, а старшій командорскій корабль Ретвизанъ привѣтствовалъ Вице-Адмирала 9-ю выстрѣлами, Республиканская крѣпость салютовала ему 15-ю, а разныхъ націй купеческія суда 3, 5 и 7 выстрѣлами. Всѣ военныя суда въ знакъ вступленія подъ начальство Сенявина, спустили бѣлый и подняли красный флагъ. Между тѣмъ, какъ К. Ярославъ отвѣчалъ на сіи поздравленія, Генералъ-Маіоръ Анрепъ съ Генералитетомъ, Командоръ Грейгъ съ Капитанами, на шлюпкахъ подъ флагами плыли со всѣхъ сторонъ къ Адмиральскому кораблю, на которомъ какъ во время прибытія, такъ и по отшествіи сихъ посѣтителей играла музыка, сопровождаемая громомъ литавровъ и барабановъ. Число сухопутныхъ войскъ, поступившихъ подъ команду Вице-Адмирала Сенявина, простиралось до 13 тысячь, состоящихъ изъ слѣдующихъ полковъ: Мушкатерскихъ, *Куринскаго, Козловскаго, Колыванскаго* и *Витебскаго;* изъ 13 и 14-го *Егерскихъ* полковъ и легкопѣхотнаго *Албанскаго легіона*, сформированнаго изъ Эпиротовъ. Сибирскій Гренадерскій полкъ, съ Генералъ-Аншефомъ Ласси прежнимъ Главнокомандующимъ, и Генералъ-Маіоромъ Анрепомъ, вскорѣ отправился въ Россію. Морскую силу, кромѣ 5 кораблей, фрегата и 2-хъ бриговъ, пришедшихъ изъ Кронштада, составляли слѣдующіе корабли:

1. *Ретвизанъ* о 64-хъ пушкахъ, Капитанъ Командоръ Грейгъ. 2, *Елена* о 74-хъ, Капи-

шанъ Иванъ Быченскій. 3, *Параскевія* о 74-хъ. Командоръ Сорокинъ и Капитанъ Салтановъ. 4, *Азія* о 74-хъ, Капитанъ Белли. 5, *Михаилъ* безъ пушекъ для перевозу войскъ, Капитанъ Лелли. Фрегаты: 1, *Венусъ* о 50 пушкахъ, Капитанъ Развозовъ. 2, *Михаилъ* о 44, Капитанъ Снаксаревъ. 3, *Автроиль* о 32, Капитанъ Бакманъ. 4, *Арменій* подъ Госпиталемъ. Корветы: 1, *Діомидъ* о 24, Капитанъ Палеолого. 2, *Херсонъ* о 24, Капитанъ Чаплинъ. 3, *Алциное* о 18, Лейтенантъ Титовъ. 4, *Днѣпръ* о 18, Лейтенантъ Бальзамъ. 5, *Григорій* большаго размѣра военный транспортъ 24. 6, *Павелъ*, о 18 пуш. Бриги: *Орелъ*, *Александръ*, *Бонапарте*, *Летунъ*, *Богоявленскъ*, шкуна *Експедиціонъ*, каждый о 16 пушкахъ. Весь флотъ состоялъ изъ 10-ти линейныхъ кораблей, 5 фрегатовъ, 6 корветъ, 6 бриговъ и 12 канонерскихъ лодокъ. На всѣхъ сихъ судахъ 7908 матрозовъ, морскихъ солдатъ и артиллеристовъ, и 1154 пушки. Сверхъ оныхъ взято отъ Французовъ: шебеки, *Азардъ* и *Забіяка* о 16 пушкахъ, да изъ призовыхъ судовъ передѣланы корветы: *Дерзкой* о 28 пуш. Кап. Салти, *Версона* о 22, Лейтен. Кричевскій.

Первый день пребыванія въ Корфѣ провели мы во взаимныхъ посѣщеніяхъ, шлюпки безпрестанно переѣзжали съ корабля на корабль; всякой спѣшилъ видѣть друга, товарища и брата. Вотъ названія, какія даютъ другъ другу товарищи-кадеты. Морскіе Офицеры, изключая немногихъ, воспитываясь въ Мор-

скомъ Корпусѣ, какъ въ единой колыбели, чрезъ привычку и одинакія нужды, съ младенческихъ лѣтъ, связуются узами дружбы. На скользкомъ пути жизни, на военномъ поприщѣ, гдѣ зависть часто разрываетъ твердѣйшія связи, друзья товарищи до глубокой старости пребываютъ вѣрными. Примѣры тому въ нашей службѣ не рѣдки, даже и въ такихъ случаяхъ, когда одинъ сдѣлался начальникомъ, а другой подчиненнымъ. Отъ сего-то Корпусъ Морскихъ и Артиллерійскихъ Офицеровъ составляетъ самое согласное общество. Выгода общественнаго воспитанія тутъ очевидна. На корабляхъ, въ арміи и вездѣ, гдѣ болѣе Офицеровъ изъ кадетъ, тамъ, какъ извѣстно, болѣе и единодушія.

На другой день я успѣлъ побывать въ Казино, на Спьянадо, обошелъ по валу кругомъ городъ, былъ въ театрѣ; но признаюсь по незнанію языка мало имѣлъ удовольствія. Для сего рѣшился какъ можно скорѣе научиться по Италіански и при первомъ удобномъ случаѣ осмотрѣть достопамятности Корфы со вниманіемъ. Въ оперѣ, речитативъ, до крайности мнѣ наскучилъ, а въ пѣніи странно показалось, что умирающій герой продолжалъ пѣть очень громко; балетъ же, составленный изъ лучшихъ Италіанскихъ танцоровъ, показался мнѣ превосходнымъ и я долженъ былъ согласиться, что до сего времени видѣлъ однихъ фигурантовъ. Здѣшніе прыгуны еще лучше, смѣлѣе, удивляютъ смертными скачками

(Salto mortale), а первый танцоръ и прекрасная танцовщица Гаетани, подлинно летали на сценѣ. Пантомима ихъ, также какъ и легкость, приличность и согласіе съ музыкою, совершенны.

Дабы показать читателю, сколько важно было въ отношеніи политическомъ пребываніе наше здѣсь, и какія выгоды Корфа представляла для торговли нашего отечества, я предлагаю краткое обозрѣніе.

Петръ Великій, построивъ флотъ, хотѣлъ поставить Россію въ число морскихъ державъ, обогатить подданныхъ своихъ распространеніемъ судоходства, которое, какъ извѣстно, прибыльнѣе нежели сухопутная торговля. Моря, принадлежавшія тогда Россіи, были тѣсны для обширныхъ намѣреній мудраго Просвѣтителя нашего: онъ искалъ пріобрѣсть въ отдаленной странѣ хотя малое владѣніе, дабы, имѣя тамъ флотъ, пріуготовить нужное число мореходцевъ. Эскадра, на сей предметъ посланная къ острову Мадагаскару, лежащему у южной оконечности Африки, поврежденная бурею возвратилась безъ успѣха. Екатерина II, слѣдуя по стопамъ Великаго изъ Царей, во время щастливой войны съ Турками 1770 года, желала отъ Венеціанской, тогда къ паденію клонившейся республики пріобрѣсть островъ Итаку; но смерть *Іосифа*, миръ заключенный *Леопольдомъ* съ Турками и недоброжелательство Англіи, Пруссіи и другихъ посредствовавшихъ въ мирѣ державъ,

воспрепятствовали и сіе привесть въ исполненіе. Наконецъ, когда чадъ Французской революціи, мечтанія о вольности, отверженіе самаго Бога, угрожали испровержeніемъ законныхъ властей, ужасомъ безначалія и прежнимъ невѣжествомъ готическихъ временъ, когда три сильныя державы соединились, когда Суворовъ освободилъ Италію, возстановилъ вѣру и Царей, тогда Адмиралъ Ушаковъ, начальствуя Россійскимъ и Турецкимъ флотомъ, покорилъ Корфу, выгналъ Французовъ изъ Неаполя и Рима, и въ 1801 году 21 Марта на Аміенскомъ Конгрессѣ Республика семи соединенныхъ Греческихъ островов признана подъ покровительствомъ Россіи и Турціи.

Іоническая Республика по Географическому положенію есть ключъ Италіи и врата древней Греціи. Корфа, имѣя одну дивизію пѣхоты и десять линейныхъ кораблей, не только безопасна отъ непріятельскаго вторженія, но становится важною точкою наблюденія между сѣверными и южными государствами. Народы Италіи угнетенные чуждымъ игомъ, отклоняя вліяніе другихъ соревнующихъ державъ, изъ Корфы ожидали своего освобожденія. Съ другой стороны Греки, обитающіе въ Мореи, Албаніи и Архипелагѣ, при незначущихъ нашихъ силахъ мечтали о вольности. Славяне, живущіе на восточномъ берегу Венеціанскаго залива, гордясь однимъ съ нами происхожденіемъ и вѣрою, считали Корфу своею столицею. Кротость правленія, бла-

тость и праводушіе нашего Монарха, соединяло въ пользу нашу различные народы, и мы будучи окружены тогда непріятелемъ, находили себя стольже безопасными, какъ бы и въ самой Москвѣ. Расположеніе Италіянцовъ, религія Грековъ, языкъ и одинакіе обычаи Славянъ, общая искренняя любовь и преданность народовъ, служили намъ щитомъ надежнымъ и самымъ лестнымъ.

Корфа для торговли Чернаго моря необходима. Находясь по среди Средиземнаго моря, она представляетъ безопасное убѣжище, надежную защиту и мѣсто для складки товаровъ. Какія выгоды пріобрѣтаетъ наше Отечество отъ сего порта, доказательствомъ служитъ то, что въ 1806 году и до половины 1807, число торговыхъ судовъ, исключая Бокезскихъ, увеличивалось болѣе нежели въ четверо. Въ Средиземномъ морѣ Россійскій флагъ преимуществовалъ надъ всѣми прочими. Въ другомъ отношеніи Корфа представляетъ важнѣйшія выгоды. Россія, почитаясь второю морскою державою, имѣетъ одно Черное море способное для плаванія круглой годъ, Балтійское же открыто бываетъ только пять мѣсяцовъ, имѣя же Корфу, Морскіе Офицеры и 10000 матрозовъ пріобрѣтаютъ познанія въ чужихъ моряхъ. Симъ помышленіе Петра, и желаніе Екатерины, было исполнено.

Новая Рагуза. 30 Генваря.

При общемъ размѣщеніи, съ горестію дол-

женъ я былъ разстаться съ Офицерами корабля св. Петра и перейти на фрегатъ Венусъ, тотъ славный Венусъ, который въ легкости хода не имѣлъ доселѣ себѣ равнаго, и не только въ нашемъ, но и въ Англинскомъ флотѣ извѣстенъ первымъ ходокомъ. Преимущество для морскихъ Офицеровъ столь важное, что служить на Венусѣ почиталося за особенную честь. Капитанъ Кроунъ, (нынѣ Вице-Адмиралъ) взялъ его въ 1789 году бригомъ Меркуріемъ, послѣ же Венусомъ взялъ корабль Ретвизанъ. Нужнымъ считаю при семъ замѣтить, что Англичане имѣютъ въ своемъ флотѣ 108 Француских кораблей, что составляетъ девятую часть всей ихъ морской силы; мы, по окончаніи Шведской войны въ 1794 году, имѣли 34 непріятельскихъ корабля, то есть пятую долю всего нашего флота. Честь и слава Рускому народу!

Адмиралъ, не имѣя никакихъ извѣстій о происшествіяхъ на матерой землѣ, далъ повелѣніе Капитану Венуса принять чиновниковъ Иностранной Коллегіи Статскаго Совѣтника Поцо ди Борго и Коллежскаго Ассессора Козена, высадить ихъ въ Рагузѣ, откуда послѣдній съ депешами долженствовалъ отправиться въ Россію. На пути же особенно стараться развѣдать о движеніяхъ непріятеля; по чему 24 Генваря, кромѣ сихъ Чиновниковъ, принявъ на фрегатъ Англинской службы Полковника Мекензи, сына извѣстнаго путешественника въ Сѣверо-Западную Америку, отправились въ море.

Штиль остановилъ насъ у *Фано*, почитаемаго Калипсинымъ островомъ. Гомеръ и Фенелонъ наполнили его прохладными померанцовыми, сосновыми и апельсинными рощами. Кто вопреки столь краснорѣчивыхъ писателей повѣритъ, что Фано пустой необитаемый камень, кромѣ бѣлованныхъ скалъ, ничего не представляющій. Страбонъ полагаетъ Калипсинъ островъ при Африканскихъ, ближайшихъ къ Мальтѣ берегахъ, и сіе гораздо вѣроятнѣе, ибо, слѣдуя Гомерову описанію, „Улиссъ отплылъ съ попутнымъ вѣтромъ и послѣ 18 дневнаго плаванія усмотрѣлъ берега Корциры (Корфы)„ которая, отстоя отъ Фано не болѣе 20 верстъ, доказываетъ, что Фано не Калипсинъ островъ.

Тихіе противные вѣтры задержали наше плаваніе. 30 Генваря, когда мы находились на высотѣ Новой Рагузы, сдѣлался штиль. По настоянію Статскаго Совѣтника Поцо ди Борго, который имѣлъ особыя важныя порученія, пушечнымъ выстрѣломъ при поднятіи купеческаго флага потребовали мы Консула, и Г. Фонтонъ не замедлилъ своимъ пріѣздомъ. Онъ немедленно возвратился въ городъ съ обоими Дипломатиками. Въ полночь фрегатъ вошелъ въ заливъ Санто Кроче, составляющій гавань Рагузы.

На другой день поутру Ректоръ (правитель Республики) прислалъ поздравить насъ съ благополучнымъ прибытіемъ и просилъ принять подарки, состоящіе въ зелени;

плодахъ и винѣ. Капитанъ, пригласивъ Офицеровъ, поѣхалъ въ городъ, для засвидѣтельствованія Ректору своего почтенія. Не заставъ дома, мы встрѣтили его на площади. Княжеская мантія и большой парикъ, оставляющій только часть лица видимымъ, придавалъ ему важный и вмѣстѣ странный видъ. Казалось, мы видимъ живую тѣнь Венеціанскихъ Дожевъ, уже съ лица земли изчезнувшихъ. Ректоръ съ достоинствомъ, сдѣлавъ на встрѣчу намъ нѣсколько мѣрныхъ шаговъ, началъ благосклонный разговоръ, о погодѣ, послѣ о славѣ Россіи, наконецъ о кротости нашего Монарха, повсюду столь любимаго, и въ заключеніи сказалъ: „*Какое счастіе быть Рускимъ.*" Низкимъ поклономъ поблагодаривъ за лестныя привѣтствія, мы раскланялись и пошли по городу; но онъ такъ не великъ, что двѣ, три улицы, и нѣсколько домовъ, составляютъ столицу Республики. Строеніе красиво и городъ очень чистъ. Четвероугольная стѣна съ бойницами только съ моря защищать можетъ; съ сухаго пути высокая гора Баргартъ представляетъ непріятелю выгодную позицію. Окрестности Рагузы, называемой Славянами *Дубровникъ*, украшаются садами и домиками въ Англинскомъ вкусѣ.

Рагузинцы, обитая на гористой безплодной землѣ, упражняются въ торговлѣ. Они тоже въ Средиземномъ морѣ, что Англичане во всемъ свѣтѣ. Будучи подъ покровительствомъ Оттоманской Порты и пользуясь не-

управлитеmом, въ послѣднія смутныя обстоятельства Европы, въ короткое время собрали великія богатства. Малая сія Республика, имѣющая 600 судовъ, на коихъ перевозя чужія съ малымъ количествомъ своихъ произведеній, наиболѣе торгуетъ контрабандами. Не имѣя собственной силы, будучи принуждены искать чужаго покровительства, Рагузинцы временно платили немалыя подати Султану, Неаполитанскому Королю, Папѣ и Австрійскому Императору. Иногда брали они отъ разныхъ націй, для одного корабля два и три патента на флагъ, почему въ упрекъ имъ и говорится „Raguseo di Sette Bandiere." Рагузинскія суда весьма красивы и удобны какъ для принятія большаго груза, такъ и для скораго и безопаснаго плаванія. Правленіе республики въ рукахъ дворянства, Ректоръ избирается ежемѣсячно; въ сіе время живетъ онъ во дворцѣ, по окончаніи же срока, выгоняютъ его изъ онаго не очень учтиво, и вообще Республиканцы сіи такъ ревнивы къ своей вольности, что опасаясь какого либо нападенія, при захожденіи солнца запираютъ крѣпостныя ворота. Республика спокойствіемъ своимъ обязана мудрости законовъ, подобныхъ тѣмъ, какими управлялась Венеціанская республика. Дворянство исповѣдуетъ Католическую вѣру, народъ, который есть Славяне, исповѣдаютъ Греческую. Первая степень граждан Республики, дворянство имѣетъ многія преимущества, вторая народъ, почти никакихъ. Отече-

ственный языкъ есть испорченный Славянскій, однакожъ Рускому понимать его можно. Италіянскій употребляется какъ природный.

Въ Рагузѣ получили мы достовѣрное извѣстіе, что Далмація занята Французскими войсками, почему курьеру не возможно было отправиться отсюда въ Россію, и какъ наши дипломатическіе чиновники окончили и другія свои порученія, то фрегатъ 1-го Февраля снялся съ якоря и на прежній салютъ Рагузинской крѣпости отвѣтствовалъ двумя выстрѣлами меньше.

Плаваніе Адріатическимъ моремъ.

Въ ночь на 2-е Февраля вѣтръ усилился и сдѣлался очень свѣжъ, волненіе было часто и безпокойно; не взирая на сіе, фрегатъ, идучи полнымъ вѣтромъ, шелъ весьма быстро, и какъ Капитанъ имѣлъ причины поспѣшать, то не смотря на дождь и пасмурность, всю ночь неслись мы между камней и мѣлкихъ острововъ, лежащихъ на пути нашемъ. Ночью миновали мы опасный островъ Агосто, и прошли между островами Иссою и Лезино. На разсвѣтѣ по правую руку открылась длинная гряда острововъ, составляющихъ Далматскій Архипелагъ. Наслаждаясь зрѣніемъ безпрестанно перемѣнявшихся видовъ, скоро прошли мы великое пространство и въ полдень тогоже 2 Февраля были уже противу Анконы. Къ вечеру усмотрѣли мы судно безъ мачтъ, оставленное безъ управленія, волны ходили черезъ палу-

бу, и оно, то показывалось, то скрывалось. Подойдя ближе увидѣли на немъ нѣсколько человѣкъ, махавшихъ платками и шляпами. Вѣтръ былъ силенъ, волненіе ужасно; но какъ отказать въ помощи утопающимъ. Фрегатъ, подошедъ ближе, легъ въ дрейфъ (*), спустили висѣвшій на бортѣ яликъ. Боцманъ съ шестью отважнѣйшими матрозами, бросившись въ него, отвалили и скрылись въ волнахъ. Не безъ удовольствія, происходящаго отъ соревнованія, смотрѣлъ я съ какимъ усиліемъ матрозы гребли, пристали, вышли на судно, и тонкою веревкою, взятою съ фрегата, притянувъ толстый канатъ, прикрѣпили его на носу, и тѣмъ судно спасли. На немъ находилось 7 человѣкъ Венеціанъ, подданныхъ Француских. Они отъ страху и холоду едва говорили, да къ томужъ трое сутокъ не пили и не ѣли, ихъ взяли на фрегатъ и отдали на руки лѣкарю. По осмотрѣ судна, которое здѣсь называется Требакула, нашли его въ хорошемъ состояніи; почему Капитанъ приказалъ отлить изъ онаго воду, исправить мачты и паруса, и въ слѣдствіе закона, въ которомъ сказано: „Естли неріятельскій корабль станетъ на мѣль, или претерпѣвая какое либо бѣдствіе въ морѣ, будетъ просить помощи, то подать ему оную, и отпустить." Посему, когда Требакула была исправлена, и вѣтръ утихъ, Капитанъ прика-

---

(*) Лечь въ дрейфъ, значитъ помощію противоположныхъ вѣтру парусовъ, остановить корабль на мѣстѣ.

залъ объявить шхиперу Бартоломео Пицони, что онъ можетъ итти куда ему угодно. Италіанцы не хотѣли вѣрить, но когда на Требакулу перевезли нужное количество воды и провизіи, то они съ крайнею признательностію пошли благодарить Капитана и Офицеровъ. Шхиперъ, тронутый сею неожиданною милостію, при прощаньи сказалъ. „За чѣмъ отпускаете меня, я охотнобы остался вашимъ плѣннымъ, увѣренъ будучи, что въ отечествѣ моемъ, едвали найду друзей столько великодушныхъ, какъ васъ, къ несчастію моихъ непріятелей." Должно вѣрить, что доброе дѣло никогда не остается безъ награжденія, и я свѣдалъ послѣ, что сей же Бартоломео, будучи въ Анконѣ, предложилъ свои услуги плѣннымъ Рускимъ солдатамъ, принужденно служившимъ во Француском полку; онъ подвергая себя опасности, жертвуя своею жизнію, успѣлъ нѣсколько освободить изъ плѣна и на своей Требакулѣ доставить ихъ въ Корфу.

Поелику надлежало намъ обезпокоивать непріятеля, который безопасно перевозилъ войска изъ Венеціи въ Далмацію, то отъ *Анконы* пошли мы къ *Сенегаліи*, оттуда къ *Истріи*, наконецъ остановились на главномъ его сообщеніи у острова *Санъ-Пьетро ди Нембо*, и дабы обмануть непріятеля числомъ кораблей, вездѣ подымали разные флаги, то свой, то Англинской и Шведской. Потому ли, что непріятель взялъ осторожности, или по

какимъ другимъ причинамъ, въ продолженіи двухъ сутокъ видѣли только одно судно подъ Австрійскомъ флагомъ, которому пушечнымъ выстрѣломъ хотя и сдѣлали сигналъ приблизиться, но оно, отдѣляясь отъ насъ грядою каменьевъ, скрылось за островъ Моса.

5-го Февраля приближась къ островамъ, закрывающимъ входъ въ Фіуме, узнали мы, что такое вѣтръ, называемый здѣсь *Борою*, столь сильный, что можно сравнить его съ ужаснымъ ураганомъ. Дымъ, покрывающій вершины горъ, есть вѣрный признакъ начала Боры. Вѣтръ съ стремленіемъ, съ силою необыкновенною вырываясь изъ за горъ, подымаетъ на землѣ облака пыли, вырываетъ съ корнемъ деревья и сноситъ крыши съ домовъ. Море близъ берега кипитъ, а не волнуется; вѣтръ, срывая воду съ поверхности моря, несетъ ее въ видѣ прозрачнаго тумана, и часто брызги воды достигаютъ въ высоту на пять саженъ. *Бора* дуетъ всегда отъ сѣверо-востока, и продолжается иногда двѣ и три недѣли сряду. Малыя суда приноситъ она отъ Далмаціи къ Италіи, гдѣ къ нещастію почти всѣ порты открыты сему вѣтру, почему въ продолженіи зимняго времени, когда дуетъ *Бора*, много погибаетъ судовъ и плаваніе въ Адріатикѣ въ сіи мѣсяцы весьма затруднительно. Близъ берега сила вѣтра неимовѣрна, у кораблей, стоящихъ на якорѣ, не рѣдко ломаетъ мачты, далѣе въ морѣ вѣтръ смягчается, почему въ осторожность здѣшніе мореходцы

удаляюшся ошъ береговъ; но и въ морѣ ни одного паруса несши не можно.

Не взирая на предсшавленіе опышнаго лоцмана, кошорый, показывая на горы, покрышыя легкими колеблющимися облаками, увѣрялъ, что Бора еще продолжаешся и что мы подвергнемъ себя опасносши, если пойдемъ далѣе, Капишанъ, имѣя повелѣніе высадишь въ Фіумѣ или Тріесшѣ чиновниковъ Иносшранной Коллегіи, оширавленныхъ съ важными депешами къ Государю Императору, и положась на шо, что вѣшръ въ морѣ даже былъ шихъ и небо ясно, приказалъ взяшь у марселей рифы (*) и ишши въ Фіумъ. За осшровомъ *Оссеро*, въ проливѣ прошиву горы Кальдаро, нашелъ столь сильный шквалъ (**), что фрегашъ привело къ вѣшру, положило на бокъ, и осшановя, шакъ сказашь, придавило его къ водѣ. Трескъ мачшъ, паденіе сшоловъ и мебелей въ каюшъ-компаніи, лешящіе клочки изорванныхъ парусовъ, ошчаянный голосъ Лейшенанша: право на боршъ! люди на верхъ! перепугалъ до смерши нашихъ пассажировъ, и съ самомъ дѣлѣ, пока уклонили фрегашъ ошъ вѣшра, мы были въ опасносши и могли пошеряшь мачшы; но новая, гораздо

(*) Значишъ уменьшишь парусъ, подвязавъ его веревочками, называемыми сезни.

(**) Сильный порывъ вѣтра.

очевиднѣйшая бѣда намъ угрожала. Плоскій подводный камень, покрытый водою только на 4 фута, лежалъ посреди пролива, карта была невѣрна, а лоцманъ не зналъ точнаго его положенія, поверхность моря была бѣла какъ снѣгъ и потому боя воды вокругъ камня нельзя было видѣть. Охриплый, удушенный крикъ командующаго Лейтенанта, смущенный видъ Капитана, приведеннаго въ недоумѣніе куда править фрегатъ, суета Офицеровъ, глазами и въ зрительныя трубы тщетно ищущихъ подводнаго камня и сличающихъ показанное мѣсто его на картѣ съ настоящимъ положеніемъ пролива, котораго несходство заставляло каждаго блѣднѣть, вопль лоцмана и пасмурныя лица пассажировъ, представляли, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, зрѣлище самаго отчаяннаго положенія. Между тѣмъ фрегатъ безъ парусовъ по вѣтру, невѣдомо куда, летѣлъ близъ крутаго берега; висящія скалы, казалось, грозили раздавить его, подводный камень многимъ казался уже подъ носомъ; но „*Богъ, безъ воли коего и власъ главы нашей не падетъ*" вывелъ насъ благополучно въ открытое море.

Къ ночи, для исправленія поврежденій, остановились мы на якорѣ у острова *Сансего*. Вѣтръ сильно дулъ вверху, а внизу только временемъ набѣгалъ порывами, волненіе доходило до насъ съ обоихъ сторонъ острова по отраженію, что производило неправильную качку, для облегченія коей спустили на

низъ верхнія мачты и нижнія реи. Пустой необитаемый островъ *Сансего*, на южной сторонѣ имѣетъ ключъ прѣсной воды; это кладъ для мореходцовъ. Множество морскихъ птицъ покрывали его берега, охотники не имѣли надобности тратить заряды; птицы были такъ смѣлы и садились такъ близко, что ихъ можно было бить палками, а молодыхъ ловить руками. Тутъ же нашли мы множество *черепахъ.* Сіи земноводныя чрезвычайно живущи; безъ пищи, только однимъ поливаніемъ морской воды, онѣ могутъ прожить довольно долгое время; впрочемъ онѣ ѣдятъ всякую свѣжую траву и размоченные сухари. Яица свои кладутъ въ ямы, вырываемыя ими въ такомъ разстояніи отъ моря, чтобы волны не доходили до нихъ. Въ такихъ ямахъ находили мы по пятидесяти и болѣе черепахиныхъ яицъ, величиною не много менѣе куринаго, они тщательно засыпаны были пескомъ. Мясо черепахъ бѣло, жирно и, какъ извѣстно, весьма полезно въ цынготныхъ болѣзняхъ.

6-го Февраля, при тихомъ вѣтрѣ снявшись съ якоря, въ дали, у острова Санъ Пьетро, увидѣли судно, тихо движущееся. Хотя вѣтръ наполнялъ только верхніе паруса, но фрегатъ шелъ по 7 миль въ часъ и скоро мы разсмотрѣли большую галеру, подобную древнимъ. По причинѣ совершенной тишины близъ берега, она шла на веслахъ, а фрегатъ подъ парусами быстро къ ней приближался; уже

ядра наши начали доставать; одно попало въ мачту, другое въ корму, но перешедъ полосу вѣтра и вошедъ въ тишину, фрегатъ сталъ на мѣстѣ неподвиженъ. Галера, отойдя тогда на разстояніе, гдѣ ядра наши болѣе ее не достигали, съ пушечнымъ выстрѣломъ распустила парусы и подняла флагъ новаго Королевства Италіянскаго. Обогнувъ мысъ, галера вошла въ заливъ, гдѣ по причинѣ мѣлководія не могли мы атаковать ее, а по причинѣ батарей, защищающихъ гавань, не возможно было взять ее шлюпками и абордажемъ.

6-го и 7-го Февраля, когда въ морѣ было тихо, у горы Калдаро свирѣпствовала бора; по сему-то проливъ, ведущій къ Фіумѣ, называютъ *Чертовъ ротъ*. Всякой разъ обманывались мы и всякую ночь принуждены были возвращаться къ *Сансего*, который, имѣя вокругъ якорныя мѣста, доставлялъ отъ всѣхъ вѣтровъ безопасное убѣжище. 8-го Февраля, стоя на якорѣ по западную сторону острова на глубинѣ 30 саженъ, грунтъ илъ, и имѣя стеньги и реи спущенными, въ 8 часовъ утра увидѣли къ югу большое трехъ-мачтовое судно. Въ полчаса стеньги и реи подняты и фрегатъ уже былъ подъ всѣми парусами; въ три часа, судно, которое начало скрываться за горизонтъ, догнали; оно было подъ Австрійскимъ флагомъ и шло изъ Одессы въ Тріестъ съ пшеницею. Шхиперъ увѣрилъ насъ, что ни одно судно во время боры не осмѣливается приближаться къ Чертову рту; почему Капитанъ рѣшил-

ся высадить курьера въ Тріестѣ: но подошедъ къ *Истріи* ужасная бора опять прогнала насъ къ Сансего, гдѣ къ удивленію было тихо.

9-го Февраля, Шхиперъ Турецкаго судна, вышедшаго изъ Тріеста, объявилъ, что весь Австрійскій Литоралъ отъ Тріеста до Фіуме занятъ Французскими войсками, и что въ Венеціи готова эскадра, которая, по окончаніи боры, повезетъ войска въ Далмацію. Такимъ образомъ узнавъ о намѣреніи непріятеля, и будучи не въ силахъ сдѣлать ему много вреда, Капитанъ приказалъ спуститься на фордевиндъ и идти въ Корфу. Къ ночи вѣтръ такъ усилился, что идучи 12 румбами отъ вѣтра фрегатъ довольно наклонился. 10-го Февраля на разсвѣтѣ принуждены были убрать верхніе паруса. Ясное небо, грозное море и плывущій фрегатъ представлялъ картину, достойную кисти Вернета; но какъ изобразить сіи золотые лучи солнца, отражавшіеся и смѣшивавшіеся съ бѣлизною валовъ, шедшихъ въ слѣдъ намъ глубокими браздами? Какъ соединить лазурный спокойный видъ небеснаго свода, съ ужаснымъ видомъ моря? Какую должно избрать краску, дабы живо написать сіи клубящіяся, разсѣкаемыя и подавляемыя носомъ фрегата волны, кои подобно разрушительному наводненію на него взливаются; и какъ наконецъ представить сей водоворотъ, крутящійся за его кормою?

13-го Февраля, при стихшемъ вѣтрѣ, у острова Фано, встрѣтились съ кораблемъ

Азіею и шкуною Экспедиціонъ; съ перваго сигналомъ требованъ былъ нашъ Командующій, по возвращеніи коего узнали, что Капитанъ Белли имѣетъ тайное порученіе и что нашъ фрегатъ назначенъ въ его эскадру; но какъ Дипломатическіе Чиновники имѣли доставить Адмиралу важнѣйшія свѣденія, то Капитанъ Белли приказалъ намъ слѣдовать въ Корфу, и поспѣшить соединиться съ нимъ у Новой Рагузы. Штиль и перемѣнный вѣтръ не позволилъ намъ ночью войти въ сѣверный проливъ. 14-го Февраля, проходя оный, встрѣтились съ фрегатомъ Михаиломъ, который также принадлежалъ къ эскадрѣ Белли. Лавируя весь день къ вечеру пришли въ Корфу.

Плаваніе отъ Корфы до Катаро.

Для того кажется простояли мы въ Корфѣ 15-го Февраля, что бы видѣть прекраснѣйшее утро и ужаснѣйшую грозу. Густой утренній туманъ, сопрождаемый мѣлкимъ дождемъ, при появленіи солнца, какъ легкій паръ изчезъ, и ясный день заступилъ мѣсто пасмурности. Но послѣ полудня, горы покрылись мракомъ и море при тишинѣ пришло въ необыкновенное колебаніе. Гора Салвадоръ, самая высокая, лежащая на сѣверной сторонѣ острова, вдругъ освѣтилась молніями, кои одна за другою, раздирая небо, разбивались на ея вершинѣ. Сіи молніи распро-

странялись на право и на лѣво, и скоро весь горизонтъ показался въ пламени. Въ отдаленіи громъ подобенъ былъ треску ружейной перестрѣлки. Сіяніе безпрерывно увеличивалось, и я не безъ страха смотрѣлъ на сіи потоки свѣта, которые разливаясь по мрачному небу, пестрили оное огненными змѣеобразными струями. Но когда тучи сомкнулись вокругъ насъ и гроза приближилась, ужаснѣйшій громъ, подобный залпамъ сражающихся флотовъ, при легкомъ землетрясеніи, бывшемъ въ городѣ, потрясъ воздухъ, и фрегатъ нашъ дрожалъ и колебался. Удары безпрерывно увеличивались, вся небесная твердь обратилась въ синій сводъ, блестящій огнемъ различныхъ радужныхъ цвѣтовъ. Молніи, привлеченныя Франклиновымъ отводомъ, спускались въ море и разсыпали по палубамъ нашимъ электрическія искры; пожарныя трубы не утушали ихъ: отъ морской воды, имѣющей множество горькихъ солей, горючихъ частицъ и потому самой электрической матеріи, они еще болѣе возгарались. Хотя пороховой погребъ, находится на самомъ днѣ, и отъ внѣшняго воздуха тщательно бываетъ закрытъ, но не менѣе того сіи скачущія у ногъ искры, озабочивали каждаго. Сія гроза стоила эскадрѣ нѣсколькихъ человѣкъ, убитыхъ и оглушенныхъ. Наконецъ молніи угасли, облака сгустились и день обратился въ ночь. Вскорѣ полился такой дождь, что вода не успѣвала стекать за бортъ. Спустя часъ все умолкло,

черныя облака подувшимъ восточнымъ вѣтромъ, подобно завѣсѣ поднялись и окрестности открылись въ прелестной перспективѣ. Солнце явилось въ полномъ блескѣ, все приняло спокойный видъ и облеклось новою пріятностію

16-го Февраля, Капитанъ получа секретное повелѣніе, которое должно было распечатать по прибытіи въ Рагузу, приказалъ сниматься съ якоря. Тѣже чиновники Иностранной Коллегіи отправились съ нами. Во весь день не могли мы пройти бѣлой дороги (Strada Bianca), такъ называемой по причинѣ кривой бѣлой полосы, видной по скату горы. Замѣчено, что у сего мѣста, почти всегда бываетъ штиль и отсюда Бора къ Корфѣ не существуетъ: конечно положеніе и высота горъ служатъ преградою сильному сему вѣтру. Часто, когда въ морѣ дуетъ свѣжій вѣтръ, у Страды Біанки бываетъ штиль, когда же вѣтръ дуетъ съ берега, то хотя море кажется и тихо, но корабли, по причинѣ крѣпкихъ порывовъ, не рѣдко теряютъ мачты.

17-го Февраля бурный юго-западный вѣтръ принесъ насъ на высоту Катарскаго залива, но путъ, не доходя до Рагузы, началась ужасная Бора, продолжавшаяся трои сутки. Едва ли самый жестокій штромъ можетъ быть такъ силенъ. Лоцманъ первый, замѣтивъ круглое облако пыли на горахъ, съ великою заботливостію и страхомъ кричалъ: „скорѣй убирайте всѣ паруса." Лишь успѣли

люди разойтись по реямъ, форъ-марсель, въ половину закрѣпленной изорвало въ клочки, гротъ-марсель закинувшись за рей сбросилъ трехъ матрозовъ, изъ нихъ одного убило до смерти, другому переломило руку, а третій чуднымъ образомъ легко ушибся. Не взирая на сію прискорбную потерю, мы почитали себя еще щастливыми, что успѣли убрать прочіе паруса, въ противномъ случаѣ непремѣнно, сломало бы мачты. Одинъ по одному подымали мы шторъмовые стаксели, ихъ рвало какъ листъ бумаги и уносило на воздухъ. Итакъ принуждены были остаться безъ парусовъ; насъ несло по волѣ вѣтра, ревущаго такъ сильно, что и въ 3 саженяхъ не слышно было громкаго голоса. Вечеромъ, когда бора нѣсколько уменьшилась, и позволила намъ подъ бизань-стакселемъ лечь въ дрейфъ, я сошелъ на низъ. Гробъ и тихое пѣніе псалмовъ остановили меня. Смертный одръ, покрытый флагомъ, печаль изображенная на лицахъ людей окружавшихъ тѣло умершаго, тусклый свѣтъ лампады и слабый голосъ сѣдовласаго Монаха, поющаго „со святыми упокой", вливали въ душу благоговѣйный трепетъ. Я также въ сокрушеніи сердца забылъ о бурѣ, забылъ о самомъ себѣ, и молился какъ говорится: „*кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался.*" Мореходцу кажется нельзя быть вольнодумцемъ: встрѣчая на каждомъ шагу гибельныя опасности, и стоя предъ ли-

цемъ смерти, всякія безбожныя мудрствованія исчезаютъ, и вся развращающая нравы мнимая философія, при возженной предъ иконою свѣчѣ, умолкаетъ и прекращается въ душевную молитву.

20-го Февраля, когда вѣтръ стихъ, курьеръ Козенъ на присланной отъ Консула лодкѣ уѣхалъ въ Рагузу; чрезъ четыре часа Козенъ возвратился, и Капитанъ распечатавъ пакетъ, приказалъ поставить всѣ паруса и итти на югъ. Слабый вѣтръ не соотвѣтствовалъ нашему нетерпѣнію. Невѣрная карта и не знающій лоцманъ, вмѣсто Катаро привели насъ къ Антивари; почему принуждены будучи возвратиться къ сѣверу, уже къ вечеру увидѣли мы покрытыя сумрачными облаками высокія горы, закрывавшія отъ насъ заливъ Боко ди Катаро. Не смотря на противный съ порывами дувшій вѣтръ, во всю ночь въ глубокой темнотѣ подъ рифленными марселями лавировали мы въ устьѣ залива между крутыхъ скалъ, мѣлкихъ острововъ и подводныхъ камней, при входѣ разсыпанныхъ. 21-го Февраля, еще до разсвѣту въ густомъ туманѣ, при утихшемъ вѣтрѣ, положили якорь на рейдѣ Кастель-Ново. Тутъ нашли мы корабль Азію, фрегатъ Михаилъ, Шхуну Экспедиціонъ, и шебеку Азардъ. Послѣдняя взята отъ Французовъ слѣдующимъ образомъ: 16-го Февраля Капитанъ Белли, прибывъ въ Карто, нашелъ сію шебеку стоящею подъ крѣпостью. Не смотря на покровитель-

ство Австрійцевъ, народъ принудилъ ее удалиться отъ крѣпости. Лейтенантъ Сытинъ съ пятью гребными судами подъ прикрытіемъ шхуны Экспедиціонъ, ночью во время проливнаго дождя взялъ ее абордажемъ и столь нечаянно, что Французы не успѣли сдѣлать и одного выстрѣла. Она вооружена 16-ю пушками разнаго калибра и имѣла 60 человѣкъ экипажа.

Занятіе Провинціи Боко ди Катаро, 21 Февраля.

Тайна нашего сюда прихода открылась и мы съ радостію узнали, что предпріятіе Адмирала увѣнчалось щастливѣйшимъ успѣхомъ. Для лучшаго объясненія происшествій сего дня, надобно обратить вниманіе на связь политическихъ событій.

Когда въ Корфѣ подтвердился слухъ, что Императоръ Римскій заключилъ въ Презбургѣ миръ съ Бонапарте и уступилъ Франціи Венецію и Далмацію; когда извѣстно стало, что Французское Правительство имѣетъ сношенія съ Али-Пашею, дабы сего непокорнаго подданнаго Султана преклонить къ принятію его войска; то достовѣрность сего извѣстія привело Вице-Адмирала въ затруднительное положеніе и оно же подало ему щастливую мысль воспользоваться слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ прежнее служеніе свое на Средиземномъ морѣ, ему извѣстна была преданность Славянскихъ народовъ, особенно

Катарцовъ и Черногорцевъ, изъ коихъ послѣдніе находились подъ покровительствомъ Россіи; и потому принявъ главное начальство, хотя не имѣлъ никакихъ наставленій и увѣдомленія въ какомъ отношеніи, по возвращеніи нашихъ войскъ изъ Австріи въ свои границы, находились мы съ Французскимъ Правительствомъ, основываясь на непріязненныхъ поступкахъ, которыя со стороны онаго продолжались, рѣшился занятіемъ Катаро утвердить за собою господство на Адріатическомъ морѣ, симъ отклонить близкое сосѣдство Французовъ отъ Корфы и воспрепятствовать имъ склонить на свою сторону Грековъ, всегда съ жадностію ищущихъ случая свергнуть съ себя Турецкое иго. Главнокомандующій, утвердившись на сей мѣрѣ, дабы не потерять удобнаго случая и не упустить время, положилъ приступить къ немедленному исполненію; но встрѣтилъ новое важнѣйшее препятствіе. Бывшій Главноначальствующій Генералъ-Аншефъ Ласси имѣлъ повелѣніе оставить для защиты Іонической Республики только нужные гарнизоны въ крѣпостяхъ, а съ остальными войсками возвратиться въ порты Чернаго моря. Сенявинъ отнесся къ нему съ прозьбою, старался убѣдить его сколь полезно и важно для отечества не допустить Французовъ утвердиться въ Далмаціи и Албаніи, и сколь затруднительно будетъ тогда удержать Іоническую Республику противу превосходныхъ силъ, а

болѣе отъ коварствъ предпріимчиваго завоевателя; и посему случаю имѣлъ съ нимъ продолжительную переписку. Наконецъ по настоятельному домогательству, Ласси согласился оставить большую часть войскъ и отправился въ Россію съ однимъ Сибирскимъ гранадерскимъ полкомъ.

9-го Февраля Капитанъ 1 ранга Белли съ кораблемъ, 2 фрегатами и шхуной получилъ повелѣніе показаться на высотѣ Катарскаго залива, снестись съ Г. Санковскимъ, довѣренною особою при Черногоріи, подать Катарцамъ надежду въ нашемъ покровительствѣ и пособіи, потомъ учредя блокаду въ каналѣ Каламота и между островами Меледо и Агастою, не допускать Французовъ въ Катаро; за симъ ожидать слѣдствій и если народъ пожелаетъ освободиться отъ непріятеля, то принять дѣятельныя мѣры для занятія ихъ области. Капитанъ Белли заслуживалъ такое важное порученіе прежнимъ своимъ служеніемъ. Онъ извѣстенъ былъ какъ искусный и предпріимчивый Морской Офицеръ, и въ войну 1799 года особенно отличился. Будучи тогда высаженъ со флота Адмирала Ушакова въ Бриндизи, Белли съ 500 матрозовъ неожиданно явился предъ Неаполемъ, въ виду 10,000 Французовъ, сорвалъ передовой постъ, взялъ на мосту двѣ пушки и отважно напалъ на авангардъ. Въ сіе время Кардиналъ Руфо вооружилъ чернь, непріятель отступилъ, заключился въ крѣпость, и чрезъ нѣсколько дней

положилъ ружье предъ горстію матрозовъ. Императоръ Павелъ I, получивъ о семъ донесеніе, сказалъ: „Белли меня удивилъ, да и я его удивлю“ Онъ, будучи тогда Капитанъ-Лейтенантомъ, получилъ орденъ св. Анны 1 степени.

Жители Боко ди Катаро, въ древнія времена, составляли независимую Республику, добровольно признавъ покровительство Венеціанъ, по седьмой статьѣ условія съ ними, въ которой сказано: „если Республика не въ силахъ будетъ защищать область, то народъ властенъ тогда остаться независимымъ“, не хотѣли признать власти Римскаго Императора, которому несправедливо провинція сія отдана Кампо-Формійскимъ трактатомъ. Вѣнскій Дворъ принужденъ былъ, утвердивъ прежнія права народа, принять область на тѣхъ же условіяхъ, на коихъ она принадлежала Венеціи. Бокезцы узнавъ, что нынѣ вопреки правъ, они уступлены Франціи, которой владычество лишаетъ ихъ торговли, свободы и благосостоянія, погружены были въ мрачное уныніе. Австрійское Правительство, по одному сомнѣнію въ приверженности къ Россіи, притѣсняло знатнѣйшихъ граждан. Одинъ изъ нихъ рѣшился возвысить голосъ и въ воскресный день сказалъ народу: „Пробудитесь отъ бездѣйствія, уныніе не прилично вамъ, братія мои! мы стоимъ на краю погибели; бездна подъ ногами нашими; Отечество въ опасности, одна стезя остается намъ къ свободѣ, мечъ и храбрость ваша покажутъ

вамъ ее."—Всѣ бывшіе въ церквѣ, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, съ чувствомъ жаркой любви къ отчизнѣ, поклялись умереть или избавиться отъ власти Французовъ. Клики, кто есть Витязь! къ оружію братія! мгновенно ободрили упадшій духъ. Въ нѣсколько часовъ, подобно быстротекущему пламени, всѣ вооружились, даже въ самой крѣпости Катаро въ присутствіи Австрійскаго Губернатора ударили въ набатъ и объявили ему, что весь народъ единодушно готовъ защищать вольность свою до послѣдней капли крови. Не одна преданность къ Россіи, но польза общая и частная были причиною сего удивительнаго единодушія; нужно было только показаться Россійскому флагу, и весь народъ вооружился, не было ни одного, который бы остался покойнымъ, или былъ противнаго мнѣнія, и никто не сомнѣвался въ покровительствѣ Россійскаго Императора. Многіе Бокезцы, служившіе въ нашей службѣ, болѣе другихъ желали сей перемѣны. Начальники же Комунитатовъ Ризанскаго и Кастель-новскаго Графъ Савва Ивеличъ и Гр. Георгій Воиновичъ, наиболѣе оказали усердія и готовности къ освобожденію своего Отечества. Отставной Генералъ-Лейтенантъ Графъ Марко Ивеличъ, уроженецъ Ризанскій, жившій въ домѣ своемъ какъ частный человѣкъ, по прежнимъ порученіямъ въ званіи довѣренной особы при Черногоріи, имѣя уваженія, и не дѣйствуя лично, вѣроятно, могъ также при-

нимать участие въ столь смѣломъ предприятии своихъ сограждан.

Старѣйшины народа, Капитаны Комунитатовъ (округовъ) собравшись, безъ всякаго посторонняго внушения, положили: не только искать покровительства; но безусловно дать присягу въ вѣрноподданствѣ православному Августѣйшему Монарху России. Въ слѣдствие сего народъ отправилъ депутатовъ къ Г. Санковскому и Митрополиту Черногорскому. Первый, увѣренный въ намѣрении Вице-Адмирала, подать помощь для защиты области, не отвергъ ихъ прозьбы, дѣлавшей ихъ по преданности и любви къ намъ того достойными. Митрополитъ Петръ Петровичъ Негутъ, глава Черногорскаго народа, уже 97 лѣтъ признающаго себя подданнымъ России, 15-го Февраля на Генеральномъ сеймѣ въ Цетинѣ, по согласию Князей и Главарей, рѣшился не только сражаться противу Французовъ; но еще и выслать Австрийския войска. Онъ, принявъ начальство надъ соединенными силами Черногорцевъ и Приморцевъ, облегъ вопервыхъ Кастель — Ново. Благовременное прибытие эскадры Белли на рейдъ, 16-го Февраля удержало народъ отъ ужаснаго мщения Цесарцамъ. Начались переговоры, въ слѣдствие коихъ 21-го Февраля, Митрополитъ объявилъ Коменданту: Если не хочетъ онъ отдать крѣпость народу, то возметъ ее штурмомъ. Белли, котораго Австрийский Губернаторъ просилъ выпалить одну

только пушку и тогда онъ сдастся, съ своей стороны предложилъ ему ключи крѣпостей сдать Капитанамъ отъ Комунитатовъ, отъ которыхъ мѣстное начальство во время прикрытія Боко ди Катаро получило, съ такимъ притомъ замѣчаніемъ, что Австрійскія войска защищаютъ теперь непріятельскія земли; ибо по миру срокъ сдачи области Французамъ 29-го Генваря уже прошелъ. На предложенія сіи уполномоченный Коммиссаръ Императора Римскаго Маркизъ де Гизильери согласился. Такимъ образомъ мужественный народъ возвратилъ вольность и во всѣхъ 8 крѣпостяхъ смѣнилъ Австрійской гарнизонъ безъ кровопролитія.

Въ девятомъ часу утра, Митрополитъ съ старѣйшинами прибылъ на корабль Азію, откуда вмѣстѣ съ Капитаномъ Белли и ротою морскихъ солдатъ, возвратился на берегъ, гдѣ духовенство со крестомъ, благословеніемъ, хлѣбомъ и солью, встрѣтило насъ; народъ радостно восклицалъ да здравствуетъ АЛЕКСАНДРЪ! У монастыря Савино, гдѣ собралось болѣе 10.000 народа, духовенство соборомъ служило молебенъ, по окончаніи коего Митрополитъ освятивъ знамена, назначенныя для крѣпостей, и вручая ихъ Капитанамъ округовъ, сказалъ краткую въ сихъ сильныхъ выраженіяхъ рѣчь: „свершилось желаніе ваше храбрые Славяне! вы видите посреди васъ давно ожидаемыхъ вами по роду, вѣрѣ, храбрости и славѣ братій вашихъ. Могущественный Монархъ Россійской пріемлетъ васъ

въ число чадъ своихъ.. О! да будетъ благословенъ Промыслъ Господа! да будетъ вамъ памятенъ сей радостный и щастливый день! но прежде, нежели вручу вамъ сіи священныя знамена, вы должны дать клятву защищать ихъ до послѣднихъ силъ." Клянемся, отвѣтствовалъ народъ единогласно, и по древнему обычаю Славянъ, потрясая обнаженными мечами, заклинались прахомъ предковъ быть вѣрными по гробъ. Въ шествіи до города, восторгъ народа былъ для насъ умилительнымъ зрѣлищемъ. Мальчики въ праздничномъ нарядѣ осыпали солдатъ цвѣтами; народъ, одни цѣловали полу платья, другіе съ почтеніемъ прикасались къ рукамъ нашимъ. При громкихъ восклицаніяхъ: да здравствуетъ Царь нашъ бѣлый, да вѣки поживетъ нашъ АЛЕКСАНДРЪ, въ Кастель-Ново и Еспаньолѣ подняли Россійское знамя. Корабли эскадры, всѣ купеческія суда разцвѣтились флагами, и вмѣстѣ съ крѣпостями выпалили по 101 пушкѣ. Съ сего времени до самой глубокой ночи, во всей области ружейная и пушечная стрѣльба не умолкала, не только купеческія суда, но домы и шлюпки украсились бѣлымъ съ голубымъ Андреевскимъ крестомъ флагомъ. Жители не знали мѣры своей радости, угощали солдатъ всѣмъ лучшимъ, обнимали ихъ, отъ избытка сердечныхъ чувствъ плакали, восторгъ, искренность, видны были на всѣхъ лицахъ и день сей представлялъ восхитительнѣйшее торжество.

Катарская область вмѣстѣ съ Черногоріею, будучи сопредѣльна съ Славянскими народами, преданными Россіи, отдѣляясь отъ Далмаціи независимою Рагузинскою республикою, и чрезъ Герцоговину примыкая къ Сербіи, составляла для войскъ нашихъ превосходную военную позицію, и по тогдашнимъ политическимъ отношеніямъ учинилась важнымъ пріобрѣтеніемъ. Герцоговины и храбрый Георгій Чорный, предводитель Сербовъ, облегчая полученіе изъ Россіи помощи, въ случаѣ нужды могли соединенно съ нами затруднить всѣ предпріятія Бонапарта, и тѣмъ сохранить цѣлость союзной намъ Оттоманской Порты. Имѣя въ Катаро безопасную пристань, находящуюся посреди Адріатическаго моря, Сенявинъ умноживъ силу свою 12.000 храбрыхъ приморскихъ и Черногорскихъ оруженосцевъ, перенесъ театръ войны отъ Корфы къ Далмаціи, тѣсною блокадою отрѣзалъ сообщеніе ея моремъ съ Италіею, и принудилъ доставлять войска и съѣстные припасы, чрезъ Австрійскія владѣнія, по непроходимымъ горамъ, гдѣ нѣтъ дорогъ, что при недоброжелательствѣ жителей, поставило Французскихъ Генераловъ въ затруднительное положеніе, и Наполеонъ, поспѣшившій объявить притязанія свои на нѣкоторые города Албаніи (*), принад-

(*) Бутринто, Парга, Санти-кваранти, Антивари, изъ коихъ первые три находятся противу Корфы.

надлежавшие Венеціанской республикѣ, увидѣлъ замыслы свои, устремленные на Грецію, особенно на Корфу, уничтоженными при самомъ началѣ. Честолюбивый и вмѣстѣ корыстолюбивый Али Паша, узнавъ о занятіи Каттаро и о мѣрахъ, принятыхъ для удержанія его въ предѣлахъ неуправляемаго, послѣ нѣкоторыхъ опытовъ нерасположенія своего къ намъ, самъ сталъ искать знакомства Сенявина, а узнавъ его, скоро сдѣлался добрымъ сосѣдомъ и пріятелемъ, чѣмъ Бонапарте лишился послѣдней надежды испровергнуть Турецкую Имперію. Занятіе Рагузской республики, бывшей подъ покровительствомъ Султана, усилія хитростію политики и силою оружія покорить Каттарскую область, ясно доказываютъ, сколь важный пунктъ сія сама по себѣ неважная провинція составляла для будущихъ плановъ завоевателя. По симъ причинамъ занятіе Каттаро надѣлало много шуму. Сближеніе Франціи съ Портою Оттоманскою отклонено, привлеченіе на свою сторону Грековъ и Славянъ уничтожено, и сей первый подвигъ, первый шагъ начальствованія Сенявина, оправдалъ мудрый выборъ Монарха. Всѣ мѣры и распоряженія, служащія къ наивящему защищенію провинціи, были одобрены, и Адмиралъ удостоился Монаршаго благоволенія, изъявленнаго ему въ лестномъ рескриптѣ.

Какъ достовѣрно было извѣстно, что Рагузскій Сенатъ по безсилію, а частію по собственному расположенію, согласился чрезъ

свои владѣнія пропустить Французскія войска, снабдить ихъ провизіею и лодками для перевозу изъ Спаньо въ Рагузу; то, дабы принудить Сенатъ соблюдать совершенный неутралитетъ, Митрополитъ послалъ отрядъ Черногорцевъ показаться на ихъ границѣ, а Капитанъ Белли, для недопущенія непріятеля переправиться моремъ въ Рагузу, послалъ нашъ фрегатъ въ Каналъ Каламоту. Графъ Воиновичь, Кастель-новской округи Начальникъ отправился вмѣстѣ съ нами, дабы побудить Сенатъ къ устраненію себя отъ оказанія помощи Французамъ; и сія мѣра произвела желанное дѣйствіе. Въ ночь на 22 Февраля, мы снялись съ якоря, и въ тожъ время шхуна Экспедиціонъ отправилась съ донесеніями къ Адміралу въ Корфу.

Каналъ Каламото.

При свѣжемъ вѣтрѣ въ пять часовъ, перешли мы отъ Кастель-Ново къ Новой Рагузѣ и стали посреди канала Каламото на 15 саженяхъ глубины. Какъ фрегатъ при тихихъ вѣтрахъ не могъ преслѣдовать малыя суда, то Капитанъ отправилъ меня къ ближнимъ островамъ, откуда удобнѣе было наблюдать суда, проходящія какъ моремъ, такъ и каналомъ. Принявъ на четыре дня провіантъ, отправился я къ ближнему островку, и обошедъ его съ сѣверной стороны, присталъ въ небольшой заливъ, съ обѣихъ сторонъ защищае-

мый высокими мысами; въ семъ мѣстѣ мы были хорошо закрыты съ моря и ни одна лодка, идущая въ Рагузу, не могла миновать насъ. Я вышелъ на берегъ осмотрѣть мѣстоположеніе: при всякомъ шагѣ впередъ, надлежало пробираться по неровнымъ каменьямъ; иногда взлѣзая на крутизну, удерживался я за колючій терновникъ или за вѣтьви сваленныхъ бурею деревъ. Около полуверсты подымались мы такимъ образомъ, пока достигли вершины; тамъ вынувъ зрительную трубу, искалъ я по горизонту и подъ берегами судовъ; но кромѣ великаго буруна и немалаго волненія ничего не открылъ. Озирая же ближе вокругъ себя увидѣлъ я, что каналъ Каламото составляется длинною грядою островов, идущихъ по направленію берега въ двухъ и трехъ миляхъ отъ него разстояніемъ. Глубина между сими островами, какъ увѣрялъ меня лоцманъ, непомѣрна; но по узкости проливовъ, ихъ раздѣляющихъ, только три удобны для проходу военныхъ кораблей. Вдали, къ сѣверу синѣлись острова Курцало и Меледо, къ югу Катарскіе Гиганты, покрытые снѣгомъ.

Поставя на возвышеніи караулъ, спустился съ горы и пошелъ, какъ мнѣ казалось, къ срединѣ острова. Холодный вѣтръ принудилъ меня надѣть капотъ, и еслибъ сего не сдѣлалъ, то мундиръ мой, отъ терновника, сквозь кусты котораго мы продирались, весь бы изорвался. Наконецъ напали мы на лож-

бину, которая привела насъ къ лужѣ, окруженной деревьями; дождевая вода, стекая съ горъ, наполнила неглубокую рытвину. Водохранилище сіе для странниковъ, намъ подобныхъ и конечно рѣдко сюда приходящихъ, покажется немаловажною находкою. Островъ сей, коему имя никто еще не давалъ, хотя можетъ быть до меня приставало къ нему милліоны людей, состоитъ изъ твердаго плитника, горизонтально лежащаго, и только на нѣсколько вершковъ покрытаго землею. На семъ тонкомъ пластѣ растутъ кривыя можжевеловыя деревья, большіе кустарники шалфею, шиповника и хотя я небольшой ботаникъ, однакожъ замѣтилъ множество розмарина, родъ дикаго лавра, увядшія стебли лилей, и другихъ цвѣтовъ, которые произрастаютъ у насъ только въ оранжереяхъ. Большія трещины, видныя по всему острову, заставляютъ думать, что и тутъ были землетрясенія и можетъ быть всѣ острова сіи, суть не иное что, какъ оторванныя скалы отъ берега. Не нашедъ селенія, не видавъ ничего кромѣ дикихъословъ и стада барановъ на свободѣ гуляющихъ, изорвавъ сапоги, перецарапавъ руки и ноги, воротился назадъ къ берегу. Идучи, слышу ружейный выстрѣлъ, взглядываю на гору, гдѣ поставленъ былъ караулъ, вижу сигналъ, извѣщающій о появленіи судна, прибавляю шаги, бѣгу, скатываюсь съ горы, не медля отваливаю и пускаюсь въ открытое море.

Небо было мрачно, море покрыто пѣною. На веслахъ вышедъ за оконечность острова, показалась большая тартана, идущая отъ сѣвера на фордевиндъ. Поставя паруса шли мы въ бейдевиндъ; барказъ начало заливать волнами, два матроза безпрестанно отливали воду. Когда мы довольно сблизились, я приказалъ выстрѣлить изъ фальконета, тартана тотчасъ поворотила отъ берега въ море и прибавила парусовъ, я также отдалъ рифы и нѣсколько спустившись отъ вѣтра примѣтно сталъ догонять. Между тѣмъ уже начинало вечерѣть, пошелъ небольшой дождикъ, небо то выяснивалось, то покрывалось облаками; опытный Лоцманъ, увѣряя меня, что ночью будетъ Burasca (буря), представлялъ, что на столь бренномъ суднѣ и въ такую погоду подвергну опасности жизнь 30 человѣкъ. Въ надеждѣ, что скорѣе настигну тартану, нежели успѣю за свѣтло пристать къ берегу, я не послушалъ его и продолжалъ погоню. Послѣ жаркаго спора, когда Лоцманъ принужденъ былъ уступить и замолчать, чрезъ нѣсколько минутъ предположеніе мое исполнилось. Шхиперъ, испуганный другимъ выстрѣломъ съ ядромъ, привелъ къ вѣтру, поднялъ Рагузскій флагъ и легъ въ дрейфъ. Пристать къ борту и войти въ каюту, было дѣло одной минуты и нѣсколькихъ шаговъ. Тамъ въ чистой каютѣ, увидѣвъ себя въ лучшемъ убѣжищѣ отъ бури, нежели на барказѣ, я ободрился, однакожъ внутренно

упрекалъ себя въ неблагоразуміи пуститься на ночь въ море; но когда по поданнымъ мнѣ пашпортамъ, увидѣлъ что Шхиперъ изъ Анконы въ Рагузу везетъ богатый грузъ, принадлежащій Францускому купцу, то совершенно успокоился и съ веселымъ духомъ и новою бодростію, немедленно распредѣлилъ своихъ людей по мѣстамъ, привязалъ барказъ на бакштовъ (*) и въ полвѣтра, на всѣхъ парусахъ пустился прямо къ Санто-Кроче. Предвѣщаніе Лоцмана сбылось: по захожденіи солнца, ночь наступила самая темная, и пошелъ проливной дождь; не смотря на усилившійся вѣтръ, я держалъ всѣ верхніе паруса, отъ чего тартана легла совсѣмъ на бокъ, мачты трещали, а Шхиперъ въ отчаянномъ страхѣ читалъ ave maria! и Padre nostro! однакожъ по щастію я благополучно прошелъ между каменьями (*петини* называемыми), миновалъ всѣ опасности и въ 10 часовъ ночи бросилъ якорь возлѣ фрегата.

На разсвѣтѣ каперъ привелъ Далматскую требаку; но Капитанъ во уваженіе преданности къ намъ жителей, не задерживая отпустилъ. Отъ Шхипера увѣдомились мы, что вся Далмація занята непріятелемъ, почему намъ должно было увеличить осторожность. Капитанъ, отправляя меня вторично

(*) Толстая веревка, выпущенная за корму корабля, къ которой привязываются гребныя суда.

къ тѣмъ же островамъ, приказалъ не слишкомъ удаляться отъ фрегата. Пробравшись весьма узкимъ и совершенно дикимъ протокомъ, раздѣляющимъ два высокіе, крутые острова, выбралъ я пристанище у третьяго, считая отъ того, на которомъ провелъ вчерашній день. Обошедъ кругомъ, не нашли на немъ ни селенія, и ни капли воды; весь островъ поросъ мѣлкимъ кустарникомъ разнаго рода, изъ коихъ на одномъ были засохшія ягоды, похожія на нашу землянику и довольно пріятнаго кисловатаго вкуса. Славяне называютъ ягоду сію *глогиня*, она имѣетъ видъ земляники темнокраснаго цвѣта, въ срединѣ 4 косточки, а сверху, гдѣ бываетъ цвѣтокъ, кругловатую и твердую чашечку. Поставя караулъ на возвышеніи, сдѣлавъ изъ парусовъ палатку, расположился я провесть туть ночь. Къ захожденію солнца, небо покрылось мрачностію, пошелъ проливной дождь, не оставившій на насъ сухой нитки, въ продолженіи 2 часовъ громъ гремѣлъ прямо надъ головами, а послѣ грозы заревѣлъ вѣтръ, наначалась буря, огонь нашъ погасило и всѣ матрозы стѣснившись въ малой палаткѣ пѣли пѣсни! на другой день узналъ я отъ чего они были такъ веселы, порція вина за четыре дни была ими выпита до дна.

24 го Февраля утромъ, хотѣлъ попытаться, не добьюсь ли до фрегата, но едва съ крайнимъ усиліемъ обогнулъ мысъ и на 300 саженъ подвинулся впередъ, какъ вѣтромъ и

теченіемъ понесло насъ назадъ и я принужденъ былъ пристать по восточную сторону того же острова. Мѣсто, гдѣ мы пристали, было открыто, волны, разбиваясь о каменья, производили сильной бурунъ, почему приказалъ я вытащить суда на берегъ, и близъ ихъ подъ навѣсомъ скалы построить шалашъ. Сей день мы еще не унывали, и хотя въ охотѣ не было удачи, ибо видѣли только мѣста, гдѣ лежали козы, но провели время весело, довольствовались сырою солониною и сухарями и къ вечеру уставши и оборвавшись о колючіе кустарники, вобрались въ шалашъ и развели огонь. Ночью опять была гроза и временемъ шелъ дождь.

Солнце, котораго восхожденія мы ожидали подобно Перуанцамъ, кои по сему свѣтилу заключаютъ добрыя и худыя предзнаменованія, взошло и лучами своими не могло проницать густыя облака, обложившія со всѣхъ сторонъ небо. Море, гонимое южнымъ вѣтромъ, съ ужаснымъ шумомъ сильно волновалось; вдали было такъ темно, что мы едва по бѣлымъ валамъ могли различать воздухъ отъ моря; не было никакой возможности возвратиться на фрегатъ. Тутъ невольное неудовольствіе возмутило духъ мой, скудная провизія наша кончилась за завтракомъ, съ охоты, какъ и вчерась, пришли съ пустыми руками, на острову, кромѣ сказанныхъ ягодъ, не было никакого растенія которое можно бы употребить въ пищу; нѣ-

которые, не пивши два дни, мучились отъ жажды, я приходилъ въ отчаяніе, думая, что судьба опредѣлила намъ умереть здѣсь отъ голода. Къ вечеру, когда собрались въ свой бивакъ, было уже не до шутокъ; матрозы не имѣли желанія пѣть, вокругъ огня сидѣли смирно, часто выходили смотрѣть на облака, и по всѣмъ признакамъ видя, что буря, должна продолжиться, съ горемъ легли спать на морскую землю. Всю ночь я не смыкалъ глазъ, не смотря на дождь ходилъ возлѣ шлюпокъ по морскому берегу, и въ сильномъ волненіи чувствъ, почиталъ себя какъ бы низверженнымъ изъ свѣта, душа моя изнемогала подъ тысячею мыслей, и слабый лучъ надежды не облегчалъ печальнаго моего расположенія. По нѣскольку минутъ стоялъ я какъ оцѣпенѣлый, смотря, то на небо, то на море. Отъ сильнаго желанія, при шумѣ волнъ и свистѣ вѣтра, представлялся мнѣ иногда штиль, и до того одинъ разъ забылся, что сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ шалашу, въ намѣреніи разбудить покойно спавшихъ людей, но опомнившись ломалъ въ отчаяніи у себя руки, и видѣлъ предъ собою весь ужасъ голодной смерти.

Не имѣвъ терпѣнія дождаться утра я разбудилъ матрозовъ и лишь начало разсвѣтать, приказалъ спускать на воду суда; нѣкоторые изумились такому предпріятію, но по свойственной одному Рускому солдату строгой во всякихъ случаяхъ подчиненности,

безмолвно повиновались и не смотря на ужасный бурунъ шлюпки были на водѣ. Рѣшившись, во что бы ни стало, не оставаться долѣе въ столь дикомъ мѣстѣ и терпѣливо ожидать перемѣны погоды, я намѣревался переправиться на ту сторону канала, гдѣ виденъ былъ домикъ. Мы отвалили, поставили рифленный парусъ въ половину сверхъ того уменьшенный, но лишь оный былъ поднятъ, барказъ всѣмъ бортомъ зачерпнулъ воду, катеръ непремѣнно бы опрокинуло, если бы въ сіе время не изорвало у него парусъ. Тогда спустившись по вѣтру, оставалось одно средство, привесть на другой галсъ и стараться пристать къ другому острову, по виду столь же дикому и необитаемому какъ и первый. Принуждены будучи оставить парусъ съ крайнею опасностію перешли мы не болѣе 200 саженъ къ берегу, какъ и увидѣли предъ собою, небольшой заливъ очень хорошо прикрытый отъ южнаго вѣтра. Вошедъ въ него, я очень радовался, что гребныя суда можно было оставить на дрекахъ, и не нужно было вытаскивать ихъ на берегъ.

Оставя караулъ при судахъ и положивъ тяжелый мушкетонъ на плечо, съ 30 вооруженными матрозами, въ надеждѣ найти какое нибудь жилище, пошелъ искать онаго. Мѣрными шагами и въ молчаніи взошли мы на небольшое возвышеніе и что же увидѣли? Большое селеніе, въ прекрасной долинѣ, осѣ-

ненной деревьями, и окруженной виноградниками. Нѣтъ словъ изобразить наше восхищеніе, отъ радости мы всѣ перекрестились и сказали: слава Богу! прибавили шаговъ или лучше побѣжали. Приближаясь къ первому дому, я вспомнилъ, что бы быть сыту нужны деньги, смотрю по карманамъ, нѣтъ ни копейки, спрашиваю у матрозовъ ни у кого ни гроша, это обстоятельство уменшило нашу радость, мы остановились и съ смѣхомъ обыскивали пустые свои карманы. Въ первомъ домѣ нашли мы старика, отъ котораго узнали, что находимся на островѣ *Жупано*, что есть здѣсь Канцлеръ, Губернаторъ, Сенаторъ и помѣщикъ, и, сколько могъ я понять, всѣ сіи четыре званія принадлежатъ одному лицу. Я послалъ къ нему Гардемарина, просить позволенія запастись провизіею, думая, по праву военныхъ дать ему послѣ одну росписку. Сенаторъ прислалъ просить къ себѣ, встрѣтилъ меня за воротами, и весьма ласково взявши за руку ввелъ въ домъ. На первый разъ, въ длинномъ, для голоднаго моего желудка разговорѣ, началъ онъ изъяснять затруднительное между двумя сильными державами положеніе Республики. Къ щастію моему, скоро вошла его жена, и въ утреннемъ нарядѣ, прекраснаая собою, она, когда подали мнѣ весьма маленькую чашку кофе и безъ сухаря, сказала разговорчивому супругу своему, что чрезъ служанку она узнала, что надобно скорѣе накормить людей моихъ. Мужъ вышелъ. Я

всталъ, и проходя зеркало, увидѣвъ изорванные свои сапоги, закоптѣлое отъ бивачнаго дыма лицо, съ крайнимъ замѣшательствомъ засвидѣтельствовалъ ей мою признательность за вниманіе. Я представлялъ собою рыцаря плачевнаго образа, сидѣлъ предъ нею на высокомъ узенькомъ стулѣ въ неловкомъ положеніи, то скрывая сапоги, то поправляя галстукъ, то застегивая мундиръ, и отъ сострадательныхъ ея взглядовъ, еще болѣе робѣя; но не смотря на то однакожъ разговоръ нашъ, съ помощію нѣсколькихъ Италіанскихъ словъ, написанныхъ у меня на листкѣ, который принужденъ я былъ держать въ рукахъ, и реченій, изъ Священнаго писанія заимствованныхъ, оживился. Мало по малу я ободрился, и уже смѣялся, какъ вошелъ Сенаторъ. Политика бѣдной его Республики снова перемѣнила лицо мое, и мнѣ конечно сдѣлалось бы дурно, еслибъ прекрасная, умная, воспитанная жена его не поспѣшила подать завтракъ.

Люди мои также были накормлены. Гостепріимство Славянъ, обрадованныхъ гостями, которыхъ могли они понимать, предупредило попеченія Губернатора, и тѣ изъ моихъ людей, которые приходили съ радостнымъ лицемъ увѣдомлять меня, что вѣтръ начинаетъ утихать и уже перемѣнился, были кажется довольно веселы. Въ полдень, когда я успѣлъ послѣ сытаго завтрака еще пообѣдать, вѣтръ къ фрегату сдѣлался попутный и мы прибыли на оный благополучно.

Въ послѣдніе дни сего мѣсяца, погода установилась прекрасная и поиски мои были удачнѣе; три шребаки съ полнымъ грузомъ цѣною на 100.000 рублей достались намъ въ добычу. Таршану, какъ принадлежащую Рагузскому купцу, отпустили, товары ея размѣстили на другія, а какъ къ тому времени Графъ Воиновичъ успѣшно окончилъ свое порученіе въ Рагузѣ, отправили ихъ въ Катаро. 3-го Марта, когда фрегатъ Михаилъ смѣнилъ насъ на семъ постѣ, при маловѣтріи вышли мы въ море, при чемъ взяли еще богатый призъ. При благопріятномъ плаваніи, преслѣдовали мы всѣ суда, которыя показывались на нашъ видъ; но всѣ онѣ были Австрійскія, почему опросивъ отпускали. 6-го Марта, ночью, при туманѣ вошедъ въ Фіумскую бухту, на глубинѣ 35 сажень положили якорь.

Фіуме.

Туманъ и дождь никому не помѣшали съѣхать на берегъ. Мореходцы спѣшатъ наслаждаться удовольствіями городскихъ жителей, которымъ въ дурную погоду не придетъ на мысль бродить по улицамъ, осматривать зданія и замѣчать положеніе окрестностей. Сыскавъ домъ Россійскаго Консула Фонтона, вмѣстѣ съ нимъ посѣтили мы Австрійскаго Губернатора, который совѣтовалъ остерегаться Французовъ, проходящихъ теперь въ Далмацію. Проводивъ Спанскаго Совѣтника

Поццо ди Борго и Коллежскаго Ассесора Козена, отправившихся съ депешами въ Россію, по приглашенію пассажира Мекензи, мы пошли въ лучшую ресторацію обѣдать. Хозяинъ встрѣтилъ на лѣстницѣ, поблѣднѣлъ и сказалъ: „у меня всѣ покои заняты!“ Но осмотрѣвшись и увѣрившись, что мы не Французы, за которыхъ онъ насъ принялъ, съ радостію отворилъ три прекрасныя комнаты; вошедъ туда, по тихоньку въ полголоса продолжалъ по Славянски: „какое для меня счастіе принять въ домѣ моемъ Рускихъ! я никогда ихъ не видалъ, но слышалъ, что они добрые господа, милостивы и бѣдныхъ трактирщиковъ не обижаютъ. Если вы въ самомъ дѣлѣ Руские, то не льзя ли избавить меня отъ гостей, которыхъ конечно вы видѣли внизу?“ Совѣтъ Губернатора и сіи слова побудили насъ занять самыя отдаленныя комнаты, но лишь подали завтракъ, насъ увѣдомили, что на пристани какой то шумъ. Какъ бы предчувствуя мы пошли туда, со всѣхъ сторонъ бѣжалъ народъ къ набережной, спросили сему причину и намъ отвѣчали: “Руские прибили Француза.“ Протолкавшись сквозь толпу къ катерамъ нашимъ, успокоены были Офицеромъ Венгерскихъ гусаръ, который увѣрилъ, что матрозы наши были правы. Вотъ причина драки: трое нашихъ гребцовъ шли по тротуару. Французской Сержантъ-мажоръ, желая пройти впередъ ихъ, столкнулъ одного

въ грязь, толкнулъ и другаго, но сей остерегшись свалилъ его съ ногъ такъ, что Французъ упалъ въ грязь ничкомъ и въ запальчивости обнажилъ тесакъ; матрозы, не имѣя при себѣ никакого оружія, вырвали тесакъ и изрядно наглеца поколотили. На крикъ его сбѣжалось человѣкъ 30 Французскихъ солдатъ, и если бы не подоспѣли гусары, то пустая ссора сія, могла бы кончиться непріятнымъ для насъ образомъ. Возвратившись въ трактиръ, въ сѣняхъ встрѣтили двухъ Французскихъ Генераловъ, которые бранили за что-то дрожащаго отъ страха хозяина и приказывали людямъ своимъ скорѣе запрягать лошадей; они грознымъ спесивымъ взоромъ окинули насъ съ ногъ до головы,

Фіуме лежитъ на ровномъ мѣстѣ; голый хребетъ горъ въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи смыкается въ видѣ полукружія; съ нихъ-то дуетъ *бора*, которая сбиваетъ съ ногъ людей, опрокидываетъ экипажи и срываетъ съ домовъ крыши; почему рейдъ въ зимніе мѣсяцы совершенно неудобенъ, и суда обыкновенно укрываются въ Букари и Порто-Ре, въ 8 и 15 верстахъ отсюда находящихся. Городъ выстроенъ правильно, широкими улицами; домы всѣ одинакой и самой пріятной наружности. По недоконченнымъ строеніямъ можно судить, что городъ будетъ обширенъ. Пребываніе Французовъ весьма здѣсь ощутительно; магазины пусты, лавки большею частію заперты; они оставили, какъ гово-

рятъ жители, однѣ только стѣны, а денегъ ни копѣйки. На южной сторонѣ, гдѣ впадаетъ рѣчка (*), набережная застроена огромными магазейнами. Суда, подходя къ оной, нагружаются скоро и удобно. Устье рѣки составляетъ безопасную гавань для малыхъ судовъ. Фіуме, какъ вольный портъ, могъ бы скоро сравняться съ лучшими торговыми городами; но близость богатаго Тріеста и дурной рейдъ лишаютъ его многихъ выгодъ; однакожъ, какъ всѣ произведенія Венгріи не имѣютъ другаго выхода въ Средиземное море кромѣ Фіуме, то сношенія съ Мальтою, Сициліею и украдкою съ блокированными гаванями Италіи, довольно значительны.

Когда пересталъ дождь, мы переправились на другую сторону рѣки. Тамъ, прошедъ версты двѣ, по дорогѣ, всѣченной въ каменную гору остановились у водопада, котораго шумъ слышенъ и въ городѣ. Рѣчка, стѣсненная двумя отвѣсными скалами, падаетъ нѣсколькими порогами съ высоты пяти или семи саженъ въ оврагъ, по крутымъ сторонамъ коего построены мѣльницы, такъ сказать, одна на другой. Ниже пороговъ, понижающихся уступами, стоятъ на якоряхъ мѣльницы пловучія. Видъ на нихъ съ горы очаро-

---

(*) Называемая Фіуме, отъ которой и городъ получилъ свое названіе. На Италіянскомъ языкѣ Фіуме значитъ рѣчка.

вателенъ. Вода, падая съ верхнихъ колесъ на нижнія и разбиваясь о каменья, мѣлкимъ дождемъ кропитъ крыши мѣльницъ и въ брызгахъ поднимается вверхъ наподобіе небольшаго сифона. Скрипъ и стукъ колесъ, громъ воды, крутящейся въ сребристыхъ переливахъ, множество лодокъ, идущихъ бичевою противу ужаснаго коловращенія воды къ пловучимъ мѣльницамъ, и нѣсколько вьючныхъ муловъ, спускающихся по крутой тропинкѣ отъ верхнихъ мѣльницъ, представляли пріятное, величественное и вмѣстѣ грозное зрѣлище. Отсюда начинается та славная дорога, которая потомству передаетъ имена Императора Франца II и Генерала Вукасовича, построившаго ее. Она просѣчена сквозь цѣпь доселѣ непроходимыхъ Кроатскихъ горъ, и, какъ меня увѣряли, не уступаетъ въ прочности и искуствѣ древнимъ дорогамъ Римлянъ. Прежде сего перевозили товары на вьючныхъ лошадяхъ, и то съ крайнимъ затрудненіемъ и опасностію; теперь же большія брички, поднимающія 500 пудовъ клажи, проѣзжаютъ прямо изъ Венгріи въ Фіуме удобно и спокойно.

9-го Марта, по прибытіи изъ Петербурга Титулярнаго Совѣтника Ласкари съ депешами къ Адмиралу, въ тотъ же часъ ночью снялись мы съ якоря. Съ курьеромъ на одной шлюпкѣ, Консулъ прислалъ трехъ Россійскихъ солдатъ, принужденно служившихъ въ Австрійскомъ полку, который недавно пришелъ въ Фіуме.

Плаваніе отъ Фіуме до Катаро.— Портъ Карбони.—Ночная высадка.

По причинѣ штиля и мрачности, ночью принуждены мы были стать на якорь; на разсвѣтѣ же, 10-го Марта, снявшись и находясь при входѣ въ заливъ, взяли два Италіянскихъ судна, идущихъ изъ Фіуме въ Анкону и Сенегалію. Тихіе вѣтры замедляли наше плаваніе, и какъ фрегатъ держался ближе къ Далматскимъ островамъ, то вооруженный барказъ былъ готовъ для нападенія на непріятельскія суда, которыя могли скрываться въ малыхъ и мѣлкихъ бухтахъ. Въ каналѣ между островомъ Меледо и Рагузскимъ берегомъ, крѣпкій противный вѣтръ, и гряда каменьевъ, находящихся на сѣверѣ острова Агосты, подвергали насъ въ ночное время опасности, что и принудило Капитана выйти въ море; но какъ тутъ вѣтръ еще болѣе усилился и фрегатъ ничего не выигрывалъ впередъ, то 15-го Марта пришедъ въ бухту *малую Карбони* на глубинѣ 35 саженъ, грунтъ илъ, стали на якорь. Здѣсь нашли мы одну таршану. Шхиперъ по обыкновенію пріѣхалъ на фрегатъ съ своими бумагами, и какъ онъ былъ Бокезецъ, то Капитанъ, возвращая ему Австрійскіе патенты, сказалъ: твои бумаги не годятся, тебѣ надобно перемѣнить ихъ на Русскіе. Шхиперъ не понявъ, и подумавъ, что берутъ

его въ плѣнъ, поблѣднѣлъ. Но когда ему объявили, что въ Катаро развѣваетъ Россійскій флагъ, что его Отечество свободно, то всякой удобно можетъ себѣ представить его изумленіе, радость и восторгъ. Онъ тотчасъ поѣхалъ на свое судно, перемѣнилъ флагъ, возвратился на фрегатъ, и просилъ привесть его съ людьми къ присягѣ. Послѣ оной, забывъ о своей торговлѣ, предложилъ Капитану взять Французскіе магазейны, находящіеся въ деревнѣ. Къ вечеру остановилась возлѣ насъ другая Бокезская требака, шхиперъ оной также предложилъ свои услуги и вызвался быть проводникомъ.

Солнце уже зашло, когда мы положили якорь. Ночь наступила самая темная, къ тому жъ пошелъ проливной дождь. Пять гребныхъ судовъ, изъ коихъ два вооружены были фалконетами, съ 80-ю человѣками матрозовъ, солдатъ и Бокезцовъ поручены были мнѣ. Въ 9 часовъ отправились мы съ фрегата. Вышедъ на берегъ, шхиперъ повелъ насъ близъ набережной. Дошедъ сею дорогою до пристани поставили тутъ гребныя суда, и при нихъ нѣсколько людей, а съ остальными тихо вошли въ улицу. Бокезцы въ темнотѣ не могли сыскать дома, въ которомъ стоялъ Французской Капитанъ, почему, принуждены были войти въ одинъ ближайшій, гдѣ свѣтился огонь. Сквозь неплотно притворенную дверь увидѣли въ немъ 4 пирующихъ стариковъ;

они сидѣли у потухающаго огня на очагѣ; на покачнувшемся столикѣ, предъ ними стоявшемъ, видѣнъ былъ сыръ, хлѣбъ и каштаны, одинъ изъ нихъ держалъ кувшинъ въ рукахъ, другіе куря сигары чему-то смѣялись „Богъ помочь добрые люди", сказалъ я входя, они оглянулись, и увидя блестящіе штыки и солдатъ испугались. Не бойтесь, мы вамъ ничего дурнаго не желаемъ.... но они кажется меня не понимали, и стояли не говоря ни слова какъ оцѣпенѣлые. Когдаже Бокезскій шхиперъ сказалъ имъ: *„Не страшитесь братико то су наши мошкови"*, то одно сіе слово какъ волшебнымъ жезломъ перемѣнило страхъ ихъ на радость, они ободрились, бросились цѣловать меня и солдатъ. Одинъ хотѣлъ, чтобъ я непремѣнно пилъ вино, другой, позвавъ жену и дѣтей, приказалъ подать все что у нихъ есть, но когда сказали, что мы пришли взять Французовъ, сынъ хозяина схватя ружье, вызвался показать домъ Капитана и магазейны, старики же пошли предупредить жителей о нашемъ приходѣ и, во избѣжаніе безпорядка, сказать, чтобы никто не выходилъ изъ домовъ.

Идучи деревнею слышу выстрѣлъ, другой, бѣгу и нахожу, что матрозы, оставленные съ Гардемариномъ Баскаковымъ, уже были въ домѣ, однакожъ никого не схватили въ немъ; Французы, тутъ бывшіе выскочили съ другой стороны въ окна. Жители увѣряли

меня, что они бѣжали въ крѣпость, находящуюся отсюда въ 6 часахъ хода. По чрезмѣрной темнотѣ не могли мы ихъ преслѣдовать, и потому занялись истребленіемъ магазейновъ; матрозы съ помощію жителей, нагрузили на двѣ требаки, принадлежащія непріятелю, нѣсколько бочекъ вина, водки, сухарей и муки. Остальное, чего не успѣли взять, отдали жителямъ, а бочки съ краснымъ виномъ ведръ въ 300 и болѣе, стоящія всегда на одномъ мѣстѣ, разбили, и на разсвѣтѣ съ хорошею добычею и веселыми пѣснями возвратились на фрегатъ.

16-го Марта, когда снимались съ якоря, еще взято было судно съ богатымъ грузомъ. 17-го, сильное противное теченіе, тихой также противный вѣтръ, принудилъ насъ спуститься и стать на якорь на 19 саженяхъ глубины, грунтъ илъ, въ бухтѣ *большой Карбони*. Гавань сія находится между тремя островами Карбони и западною стороною острова Курцола, она закрыта отъ всѣхъ вѣтровъ, входы чисты и удобны даже для стопушечныхъ кораблей. 18-го Марта вышедъ въ море, 20-го, по тѣмъ же причинамъ возвратились назадъ и нашли въ портѣ Датской купеческой бригъ и корсеръ подъ нашимъ флагомъ изъ Каттаро, которой увѣдомилъ насъ, что Адмиралъ находится въ Кастель-Ново. 21-го Марта Капитанъ приказалъ мнѣ отвесть 4 призовыя судна въ Каттаро. Снявшись съ якоря фрегатъ

пошелъ мористѣе, а я съ своею эскадрою пустился каналомъ между островомъ Меледо и матерымъ берегомъ.

Сѣверо-восточный вѣтерокъ служилъ намъ только нѣсколько часовъ, предъ полуднемъ сталъ штиль и прежнимъ отъ юга волненіемъ немилосердо насъ качало. Требака, изнемогла подъ тяжестію, ибо слишкомъ была перегружена, и еслибы къ вечеру море не успокоилось, принужденъ бы былъ разрубить бочки съ деревяннымъ масломъ, стоявшія на палубѣ. Солнце закатилось такъ пріятно, какъ среди лѣта, море сдѣлалось гладко какъ зеркало, небесный сводъ представлялъ кристальный куполъ, усыпанный блестящими звѣздами, ночь была ясна какъ день и мы стояли на мѣстѣ точно такъ какъ будто на берегу. Природа была въ совершенномъ спокойствіи, всѣ спали кромѣ меня и матроза Италіанца на рулѣ, страннымъ голосомъ пѣвшаго свою національную пѣсню. Приказавъ ему какъ держать и при какомъ вѣтрѣ, я завернулся въ капотъ, легъ на палубѣ, и проснулся когда уже разсвѣло. Требака моя была очень близко берега, такъ что при легкомъ сѣверномъ вѣтрѣ, чтобы войти въ каналъ, трудно было обойти мысъ Меледы. Сдѣлавъ выговоръ Рулевому, который забывъ меня увѣдомить, рѣшился приближиться къ берегу, я приказалъ спустить барказъ и буксиромъ скоро вошелъ въ каналъ. Другая требака, бывшая въ томъ же положеніи, также на

греблѣ обошла, и вся моя эскадра спокойно плыла возлѣ восточнаго берега Меледо.

Не могу умолчать о добромъ Бокезцѣ Спиридаро, котораго дали мнѣ вмѣсто лоцмана съ судна, стоявшаго съ фрегатомъ въ портѣ Карбони. Онъ старался показывать себя свѣтскимъ человѣкомъ, зналъ грамотѣ и хотя не читалъ книгъ, но въ Венеціи часто посѣщая театръ, декламировалъ мнѣ Метастазіевы стихи. Я учился тогда Италіянскому языку, и онъ съ гордостію толковалъ мнѣ значеніе словъ. Услужливость его и наблюденіе приличій строгой подчиненности, утомляли меня, и сколько я ни старался обходиться съ нимъ ласково, и безъ церемоніи, онъ всякое мое слово, стоя всегда по лѣвую руку съ почтительнымъ приклоненіемъ и въ отдаленіи отъ меня, принималъ за приказанія; насилу могъ я убѣдить его, чтобъ онъ не цѣловалъ моей руки или полы у платья; но отъ пренизкихъ, весьма смѣшныхъ поклоновъ онъ никакъ не хотѣлъ отказаться. Гаетани, хозяинъ требаки, когда я увѣрялъ его, что онъ будетъ отпущенъ и за провозъ груза будетъ ему заплачено, былъ спокоенъ, ласкался ко мнѣ, но не безпокоилъ излишними учтивостями. Съ сими людьми я долженъ былъ проводить время, и можетъ быть нескучалъ бы, еслибъ не былъ слишкомъ озабоченъ дурнымъ состояніемъ всѣхъ четырехъ призовъ. По причинѣ малыхъ свѣденій мореплаванія моихъ товарищей, которые кромѣ

компаса весьма невѣрнаго не имѣли и карты, недовѣрчивость бременила меня: я находился безпрестанно на палубѣ, и если когда отъ утомленія смыкалъ глаза, то каждую минуту пробуждался, и даже спавши слышалъ все что вокругъ меня дѣлали и говорили. Желудокъ мой также лишенъ былъ доброй пищи, но за то имѣлъ самую питательную, бобы въ лампадномъ маслѣ съ горькимъ уксусомъ, чорной сухарь и сладкіе рожки, вотъ дорогія блюда, которыми со всею роскошію меня подчивали.

Во весь день слабый вѣтерокъ служилъ намъ какъ не льзя лучше. Вода струилась возлѣ борта, а воздухъ и море были совершенно покойны. Я сидѣлъ на опрокинутой бочкѣ, прикрывавшей входъ въ каюту, въ которой было только мѣста, что двѣ постели, и въ веселомъ расположеніи разговаривалъ съ Спиридаромъ, какъ вдругъ ядро пролетѣло у насъ за спиною. Никакой живописецъ не могъ бы выразить удивленія нашихъ лицъ. Я вскочилъ, схватилъ зрительную трубу, осматривалъ вокругъ, матрозы глядѣли одинъ на другаго и оставались въ томъ же положеніи. Другое ядро пролетѣло надъ головами, пробило парусъ, Италіанцы вскрикнули, пали ницъ, мои шесть матрозовъ бросились къ ружьямъ и стали заряжать два фалконета. Тогда я увидѣлъ маленькую лодку съ косыми парусами, которая вышла изъ за камней, прикрывающихъ портъ Паоло на Меледѣ и шла

на встрѣчу мнѣ прямо съ носу. Флагъ ея за парусами не былъ видѣнъ, три другія требаки, находившіяся близко, по сдѣланному отъ меня знаку, начали со мной соединяться. Желая заставить корсера думать, что мы мирные купцы, я приказалъ поднять Австрійской флагъ и на яликѣ послалъ Спиридаро, увѣрить непріятеля, что мы изъ Тріеста идемъ въ Рагузу, между тѣмъ приближась рѣшился, окружить и взять его абордажемъ. Лоцманъ, не доѣхавши еще до лодки, воротился и издали кричалъ намъ: „будьте спокойны Г-нъ Начальникъ, наши! наши!" Я не зная вѣрить ли тому, продолжалъ итти. Конониры размахивали фитилями, матрозы лежали на палубѣ съ готовыми ружьями и тронбонами. Наконецъ отъ лодки отвалилъ барказъ съ толпою вооруженныхъ, которые, не приставая къ моему судну, спрашивали точно ли я Руской: я отвѣчалъ по Руски, что въ томъ нѣтъ никакаго сомнѣнія, сказалъ имя фрегата, откуда иду и прочее. Они казалось еще не довѣряли; по нарѣчію я увѣрился, что то были Бокезцы; матрозы мои начали говорить съ ними, и они тотчасъ пристали. Капитанъ Корсера отличался богатымъ оружіемъ, онъ поцѣловалъ мою руку, другіе прикасались къ поламъ короткаго моего мундира, и подобно Спиридару, кланялись весьма уничиженно. Капитанъ приносилъ тысячу извиненій, оправдываясь, что не видя нашего флага, почелъ насъ вышедшими изъ Курцало и потому непріятельскими.

Онъ увѣдомилъ меня, что у Станьо и въ портѣ Зуліяно есть Французскіе корсеры; чтобы распросить его о другихъ обстоятельствахъ, я приказалъ поднесть всѣмъ по стакану вина, и предложилъ Капитану проводить меня до Рагузы, онъ просилъ отъ меня письменнаго повелѣнія, я написалъ ему на лоскуткѣ выдранномъ изъ записной книжки, маленькую записочку, и приказалъ держаться ко мнѣ ближе, а ночью подымать на мачтѣ фонарь. Мы разстались со взаимными учтивостями. Бокезцы отвалили и салютовали мнѣ изъ всѣхъ своихъ ружей, и прокричали e viva Nostri! (да здравствуютъ наши), я приказалъ выпалить изъ фалконета и прокричать ура!

Въ полдень вѣтръ сдѣлался противный и довольно свѣжій, мы лавировали успѣшно во всю ночь. 23-го Марта утромъ вѣтру не стало и теченіемъ потащило насъ назадъ. Эскадра моя находилась близъ юго-восточной оконечности Меледо; не болѣе какъ въ верстѣ видна была небольшая бухта, окруженная низкимъ берегомъ. Пріятность положенія сего убѣжища прельстила меня, и какъ безполезно было держаться въ морѣ, а изъ залива при всякомъ вѣтрѣ можно безъ затрудненія выйти, я поворотилъ въ нее и пушечнымъ выстрѣломъ далъ знать, чтобы другія требаки слѣдовали за мною. Всѣ 5 судовъ скоро остановились вокругъ меня и люди сошли на берегъ. Воды не сыскали, но каштановая роща доставила большое удовольствіе

моимъ матрозамъ, они набрали десять мѣшковъ большею частію упавшихъ и согнившихъ каштановъ, находили ихъ вкусомъ похожими на горохъ, и одинъ замѣтилъ, что по середамъ и пятницамъ можно ихъ ѣсть безъ грѣха. Бокезцы застрѣлили двѣ козы и одного барана, принесли нѣсколько дичи, а другіе поймали неводомъ множество рыбы; тотчасъ развели огни, но вѣтерокъ подулъ, должно было отказаться отъ роскошнаго обѣда и сниматься съ якоря. Съ веселымъ шумомъ вступили мы подъ паруса, сѣверо-западный вѣтръ установился и мы поплыли на фордевиндъ очень скоро. Прошедъ Зуліано, корсеръ подошелъ подъ корму и салютовалъ мнѣ изъ всѣхъ своихъ ружей и пушекъ, и до тѣхъ поръ возглашалъ да здравствуетъ АЛЕКСАНДРЪ! пока мы не могли слышать ихъ громкихъ голосовъ; онъ пошелъ на свой постъ. Вѣтръ служилъ мнѣ до Старой Рагузы, куда по причинѣ тишины и недостатка воды принужденъ я былъ зайти 26-го Марта.

Старая Рагуза.

Портъ старой Рагузы лежитъ отъ новой къ югу моремъ верстахъ въ 20. Единственный входъ въ него закрытъ двумя грядами голыхъ камней, *петине* (гребень) называемыхъ. Глубина въ заливѣ достаточна и для военныхъ кораблей, но какъ оный очень не великъ и сѣверный вѣтръ, дующій прямо со

входа, препятствуетъ выходить, то здѣсь укрываются только требаки и малыя лодки. Городъ состоитъ изъ двухъ улицъ, расположенныхъ на восточномъ мысѣ гавани. Стѣна, построенная на узкомъ перешейкѣ съ 4 пушками, защищаетъ его съ сухаго пути, съ моря же нѣтъ никакихъ укрѣпленій. Въ недальнемъ разстояніи отъ онаго, полагаютъ мѣсто древняго *Епидавра*, славнаго Ескулапіевымъ капищемъ. Градоначальникъ пріѣзжалъ ко мнѣ съ почтеніемъ, и пригласилъ на берегъ. Я вошелъ съ нимъ въ бѣдной кофейной домъ, гдѣ подали мнѣ маленькую чашку кофе, трубку табаку и рюмку розоли; меня подчивали и многіе другіе; будучи принужденъ пить и ѣсть противъ воли, не мало я удивился, когда каждый заплатилъ за себя, разумѣется съ меня, какъ съ Рускаго, взяли вдвое; не должно однакожъ порицать сего; вездѣ, свой обычай. Я сказываю сіе въ осторожность другимъ. Гостепріимство, святая добродѣтель нашего Отечества, здѣсь не извѣстна; каждый ѣстъ свой кусокъ въ углу. На другой день Градоначальникъ приказалъ своимъ лодкамъ вывесть требаки мои въ море. Пользуясь тихимъ сѣвернымъ вѣтромъ 27-го Марта пришелъ я въ Кастель-Ново, гдѣ порученныя мнѣ бумаги отдалъ для разбирательства въ учрежденную призовую Коммиссію.

Прибытіе Главнокомандующаго въ Катаро.

Хотя положеніе дѣлъ на матеромъ берегу и система, которой Высочайшій нашъ Дворъ намѣренъ былъ слѣдовать, еще не были извѣстны Адмиралу; но какъ приверженность народа подавала надежду не только удержать за собою Катаро, но и обезпокоить Французовъ въ самой Далмаціи; то на первый случай 2 баталіона Витебскаго полку съ 4 орудіями, подъ командою Генералъ-Маіора Пушкина, отправлены для занятія крѣпостей Катаро и Кастель-Ново. Для учрежденія же всего лично, Адмиралъ на кораблѣ Селафаилѣ прибылъ въ Кастель-Ново 13-го Марта, а на другой день на шлюбкахъ отправился въ Катаро. Шествіе сіе было настоящій тріумфъ; народъ стрѣляя изъ ружей бѣжалъ по морскому берегу, купеческія суда безпрестанно палили изъ пушекъ. Духовенство со крестомъ, Гражданскіе чиновники съ ключами города, встрѣтили Адмирала на пристани. Г. Санковскій, отъ имени народа, изъявилъ рѣчью преданность ихъ Государю, щастіе быть его подданными, и благодарность за избавленіе ихъ отъ Французовъ. Въ трое сутокъ Дмитрій Николаичь можно сказать очаровалъ народъ. Доступность, ласковость, удивительное снисхожденіе восхищали каждаго. Домъ его окруженъ былъ толпами людей; Черногорцы нарочно приходили съ горъ, чтобы

удостоиться поцѣловать полу его платья, прихожая всегда была полна ими, никому не запрещался входъ; казалось они забыли Митрополита, и повелѣніе Сенявина исполняли съ ревностію, готовностію удивительною.

Адмиралъ, лично удостовѣрясь въ искренной преданности жителей, освободилъ ихъ отъ всякой повинности, обезпечилъ сообщеніе съ Герцоговиною, а для покровительства торговли учредилъ конвой до Тріеста и Константинополя. Къ таковымъ милостямъ и попеченіямъ, Бокезцы не остались неблагодарными. Старѣйшины отъ лица народа поднесли Адмиралу благодарственный листъ и предложили жизнь и имущество въ полное его распоряженіе. Въ нѣсколько дней снаряжено на собственной щетъ жителей, и вышло въ море для поисковъ 30 судовъ вооруженныхъ отъ 8 до 20 пушекъ, что по малоимѣнію малыхъ военныхъ судовъ при флотѣ, было великою помощію. Распоряженіе сіе принесло болѣе пользы, нежели моглибы доставить налоги. Милосердіе и кротость нашего правленія было въ совершенной противуположности съ правленіемъ сосѣда нашего Наполеона.

Адмиралъ, узнавъ о приверженности къ намъ жителей Далмаціи, занятой 6000 Француских войскъ, предпринялъ и сей народъ освободить отъ угнетавшаго ихъ ига. Капитанъ Белли съ 3 кораблями, 2 фрегатами и 4 бригами, получилъ повелѣніе овладѣть

островами, противу Далмаціи лежащими (*). Митрополитъ, вмѣсто просимой тысячи, обѣщалъ собрать 6000 воиновъ, и вызвался самъ ими предводительствовать, почему Адмиралъ 25-го Марта отправился въ Корфу, дабы и тамъ сдѣлать нужныя распоряженія на случай замысловъ непріятеля, взять съ собой 3 баталіона Егерей и соединившись съ Белли, совокупно съ Далматами, выгнать Французовъ; но прибывъ въ Корфу, получилъ именное повелѣніе отъ 14-го Декабря прошедшаго 1805 года со всѣми морскими и сухопутными силами возвратиться въ Черное море, отъ чего предпріятіе сіе, въ успѣхѣ котораго не льзя было сомнѣваться, содѣлалось тщетнымъ. Главнокомандующій началъ дѣлать пріуготовленіе къ отплытію, а повелѣніе, скрылъ въ тайнѣ, дабы преждевременнымъ объявленіемъ не встревожить напрасно жителей. Когда Графъ Моцениго увѣдомилъ его, что по его депешамъ Генералъ Ласси командовать долженъ морскими и сухопутными силами, то Адмиралъ, чтобъ развязать свое недоумѣніе, рѣшился вскрыть бумаги на имя Генерала Ласси надписанныя, гдѣ къ удовольствію своему нашелъ, что всѣ силы должны остаться въ Средиземномъ морѣ. Адмиралъ послалъ бригъ возвратить войска съ Генераломъ Ласси, но

(*) Смотри вторую часть, взятіе острова Курцало и пр.

его уже не застали въ Константинополѣ, а самъ 19-го Апрѣля съ 2 кораблями и фрегатомъ, посадивъ на оные 6 ротъ егерей, прибылъ въ Катаро, гдѣ узналъ, что число Французскихъ войскъ въ Далмаціи уже гораздо умножилось, а какъ къ тому же не получено никакихъ повелѣній отъ Государя, то и рѣшился поступать токмо оборонительно и защищать Боко ди Катаро и взятой островъ Курцало. Наконецъ отъ 15-го Маія Государь Императоръ, изъявилъ Монаршее благоволеніе Адмиралу за всѣ новыя распоряженія по занятіи Катаро, равно и за рѣшимость открыть предписанія на имя Генерала Ласси, съ таковымъ повелѣніемъ, что онъ утверждается во власти Главнокомандующаго, и можетъ дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію, соображаясь съ прежними наставленіями столько, сколько положеніе дѣлъ и настоящія обстоятельства дозволятъ.

Радость и клики народа не умолкаютъ, имя АЛЕКСАНДРА безпрестанно повторяется и кажется самое эхо въ здѣшнихъ пустынныхъ горахъ произноситъ его съ восторгомъ. Въ церквахъ, едва священникъ начинаетъ *Благочестивѣйшаго* и всѣ отъ стараго до малаго съ умиленіемъ кладутъ земные поклоны. Въ школѣ, въ которую мнѣ случилось войти, ученики встали, всѣ въ одинъ голосъ сказали привѣтствіе, и на вопросъ учителя, кому должно поклоняться? Отвѣчали Единому Богу. Кому служить до послѣдней капли крови?

единому **АЛЕКСАНДРУ.** Кого ненавидѣть и...? Вотъ катихизисъ, достойный храбраго народа. Дѣти, едва начинающія говорить, твердятъ имя **АЛЕКСАНДРА**, и повторяютъ его каждому съ кѣмъ они встрѣтятся. Мальчики безпрестанно стрѣляютъ изъ пистолетъ и восклицаютъ, *„Да здравб буди нашб Царь АЛЕКСАНДРЪ, да погибнетб пасья вира.“*

Мои прогулки въ окрестностяхъ Кастель-Ново.

Сдавъ призовыя суда къ Коммиссію, въ ожиданіи прибытія фрегата изъ Корфы, не имѣя никакого дѣла, съ ружьемъ въ рукахъ, бродилъ я въ окрестностяхъ и занимаясь охотою, наслаждался прекрасными, мѣстоположеніями, какія рѣдко встрѣчаются и въ самой Швейцаріи. Хребты высокихъ обнаженныхъ горъ, окружающіе заливъ, имѣютъ дикой и унылой видъ. Большіе камни, оторванные отъ кремнистыхъ вершинъ, видны по скатамъ; но у морскаго берега взоръ наслаждается пріятною зеленью садовъ, въ тѣни коихъ, тамъ и здѣсь, встрѣчаешь прекрасные домики съ хозяйственными строеніями. Бѣлыя стѣны, красныя черепичныя крыши и зелень садовъ составляютъ пріятное смѣшеніе цвѣтовъ. Здѣсь уже весна, и время прекрасное. Всякой день перемѣнялъ я мѣсто прогулки и такимъ образомъ познавъ сіи мѣста всякой день распространялъ свои

свѣденія и замѣчалъ что нибудь новое. Съ помощію Италіянскаго языка и нѣсколькихъ Славянскихъ словъ, я не былъ нѣмымъ. Гостепріимство одного добраго Славянина, предъ домомъ котораго стояли порученныя мнѣ призовыя суда, доставило мнѣ много пріятныхъ минутъ. Въ короткое время сдѣлался я у него почти домашнимъ. Видъ маленькой церкви Иліи Пророка, стоящей на вершинѣ горы, покрытой въ то время облаками, чрезмѣрно мнѣ понравился, и внимательный мой хозяинъ въ первое Воскресенье предложилъ итти туда съ дѣтьми его къ обѣднѣ. Старшая дочь его съ одною родственницею и съ двумя мальчиками 8 и 9 лѣтъ, пошли со мною вскорѣ по восхожденіи солнца. Дорога часъ отъ часу становилась круче, мѣста страшнѣе, скаты ужаснѣе По прошествіи нѣсколькихъ долинъ и пріятныхъ мѣстъ, узкая тропинка повела насъ вдоль каменной стѣны, то надъ глубокою пропастью, то подъ навѣсомъ скалы. Переходя съ горы на гору, поднимались мы выше и выше; а взошедъ на нѣкоторую высоту, услышали вдали шумъ паденія воды. Я прибавилъ шаги и скоро увидѣлъ прекраснѣйшую картину. Не большая горная рѣчка (не далеко отъ устья которой построена мѣльница съ каменною плотиною), стѣсненная утесами, низвергается, и падая съ камня на камень, крутится, разсыпается въ бѣлую тончайшую пыль и проходя чрезъ скалы разливается, особенно же

въ дождливое время, смываетъ сады, и сноситъ внизъ деревья и тяжелые камни. Двѣ зыбкія доски, положенныя надъ страшною пропастью, на днѣ коей кипѣла рѣка, предлагали намъ опасный путь. Я пошелъ впередъ, а за мной, взявшись рука за руку, слѣдовали другіе. Съ трудомъ достигли мы наконецъ, вершины горы; но обѣдня уже отошла и церковь была заперта. Положеніе ея на такой высотѣ, почти подъ облаками, кажется лучшимъ и приличнѣйшимъ мѣстомъ для храма сего Пророка, почитаемаго простымъ народомъ покровителемъ громовъ и бурь. Холодный вѣтръ принудилъ насъ не медля оставить гору; мы пошли домой другою дорогою. Не доходя Монастыря *Савина*, пришли къ другому источнику, образующему прекрасный водопадъ. Падая съ высоты двухъ или трехъ саженъ, разбиваясь объ черные мшистые каменья, кропитъ онъ густой, осѣняющій его лѣсъ, а далѣе изгибаясь между вѣковыхъ дубовъ, орѣшинъ и шелковицъ, тихо и плавно течетъ по зеленому лугу, и многими изгибами напоивъ сады и огороды, впадаетъ близъ карантина въ море. Сюда чаще всего приходилъ я стрѣлять горлицъ. Иногда, прогуливаясь одинъ, восходилъ на высокія и острыя скалы, висящія тамъ надъ пропастью, и предаваясь пріятнымъ мечтаніямъ, созидалъ себѣ новый міръ, странствовалъ въ странахъ его на солнечномъ лучѣ, и въ сіи краткія минуты мечтанія, почиталъ себя участникомъ небеснаго блаженства.

Праздникъ Пасхи.

Извѣстно, что въ Католическихъ земляхъ Христiане другихъ исповѣданiй терпятъ унизительное притѣсненiе. По сему, когда присутствiе наше въ провинцiи Катарской сдѣлало Греческую вѣру свободною, то первый праздникъ Пасхи отправленъ былъ съ великимъ торжествомъ. Въ субботу ввечеру народъ собрался къ двумъ Монастырямъ: *Савину* и *Топла*. Въ первомъ полковой Священникъ съ Игумномъ отправляли службу, а полковые пѣвчiе пѣли на другомъ крылосѣ. Народъ съ великимъ вниманiемъ вслушивался въ рѣчи Рускаго Священника, согласное же пѣнiе полковыхъ пѣвчихъ приводило Славянъ въ восторгъ. По окончанiи заутрени, когда безъ различiя состоянiй и чиновъ начали цѣловаться, то „*Христосъ воскресе, во истину воскресе*" произносились съ такимъ усердiемъ и радостiю, что сiи объятiя Рускихъ и Бокезцовъ, соединяя ихъ въ одинъ народъ, изображали истинное торжество Вѣры. Послѣ обѣдни сѣдой Игуменъ, какъ бы вдохновенный восхищенiемъ своихъ соотечественниковъ, произнесъ краткую рѣчь, простую, но весьма приличную, и въ концѣ оной повергшись на колѣни и воздѣвъ руки къ Небу, со слезящими очами молилъ о здравiи Императора и войскъ Его. Онъ умолялъ Всемилосердаго Творца, да владычество Россiянъ въ сей области продлится до скончанiя вѣковъ.

Слабый, дрожащій голосъ, глубокое чувство, выражавшееся на лицѣ его, тронули бы и самое холодное сердце. Многіе пали ницъ и нѣсколько минутъ, уже по окончаніи рѣчи, остались въ томъ же положеніи. Повсюду слышны были рыданія. Не льзя описать нашихъ чувствованій при семъ столь искреннемъ изъявленіи любви народа. Крестный ходъ, сопровождаемый стройными рядами Рускихъ воиновъ, особенно когда Католическое Духовенство вышло на встрѣчу процессіи, доставилъ нашимъ единовѣрцамъ полное торжество. Всѣ прежнія обиды и ограниченія свободы богослуженія были забыты и всѣ разошлись по домамъ совершенно довольными.

На другой день Пасхи, рано поутру, звонъ колоколовъ и пальба изъ пушекъ возвѣстили о крестномъ ходѣ. Толпы поселянъ показались на высотахъ; одни поднимались выше въ горы, другіе спускались въ долины. Одинъ приходъ дѣлалъ посѣщенія другому по очереди. Мальчики въ бѣлыхъ одеждахъ, украшенныхъ цвѣточными вѣнками, отъ каждаго прихода несли крестъ на длинномъ древкѣ, также увитомъ цвѣтами. Подъ крестомъ привязанъ былъ Россійской флагъ первой дивизіи; но кромѣ сего другихъ образовъ не было. Когда процессія переходила отъ одной церкви къ другой, и останавливалась при каждомъ домѣ, съ пѣніемъ *Христосъ воскресе*, то стрѣльба изъ ружей всякой разъ возобновлялась. Наконецъ всѣ знамена собра-

лись къ главному Монастырю *Савину*. Жители города встрѣчали каждый приходъ стрѣльбою изъ пушекъ и ружей. Монастырь, стоящій посреди лѣсу, подъ навѣсомъ скалъ и на берегу моря, усѣяннаго множествомъ купеческихъ судовъ, которыя для сего случая нарочно къ нему приближились, представлялъ прекрасное зрѣлище. Послѣ обѣдни, Игуменъ благословилъ пасхи, и всѣ разошлись по лѣсу. Каждое семейство сѣло въ кружокъ, посреди коего на коврѣ положена была пасха, холодное, жаркое, вино и плоды. Всѣ безъ исключенія переходили отъ одного кружка къ другому, говорили *Христосъ воскресе*, цѣловались, садились, отвѣдывали всего по немногу и шли далѣе. Солдатъ нашихъ съ трудностію уступали и всякое семейство старалось удержать ихъ за своимъ столомъ. Женщины, большею частію старухи, занимаясь угощеніемъ, оставались на мѣстѣ. Послѣ обѣда начались игры. На высокомъ дубу, снявъ кружкомъ кору, сдѣлали мишень; въ другую сторону, на условленномъ разстояніи, положили связаннаго пѣтуха. Избранные судьями старики сѣли по сторонамъ цѣли, подали знакъ, и молодые люди по два вдругъ выходили, скоро прикладывались и стрѣляли одинъ въ мишень, другой въ пѣтуха. Если пуля попадала въ цѣль, зрители поздравляли молодца громкимъ крикомъ, если же пролетала мимо, то смѣялись, а старики принимали отъ него два гроша пеи сверхъи,

одного, которой всякой стрѣляющій обязанъ заплатить. Кто въ нѣсколько выстрѣловъ не сдѣлалъ ни одного промаха, получалъ небольшое награжденіе; остальныя деньги раздѣляли бѣднымъ и платили за убитыхъ птицъ. Искуснѣйшіе стрѣлки разбивали пулею брошенное на воздухъ яйцо или яблоко. Свинцовые или деревянные кружки, *Плоке* ими называемые, и шары *(Буче)* составляли другія игры. Бѣганіемъ и стрѣляніемъ изъ пистолета занимались мальчики. Старики, что мнѣ болѣе всего понравилось, на распѣвъ расказывали славные подвиги своихъ предковъ. Исторія о Королевичѣ *Маркѣ* и храбромъ *Юро Кастріотичѣ* съ большимъ вниманіемъ были выслушиваемы. Качели, которыя поставили солдаты, очень понравились Бокезцамъ. Цѣлую недѣлю продолжалось празднество; однѣ толпы уходили, а другія заступали ихъ мѣсто.

Путешествіе на горы.

По разсмотрѣніи призовою коммиссіею бумагъ и патентовъ взятыхъ Венусомъ судовъ, не имѣя никакаго занятія и будучи свободенъ отъ должности, предпріялъ я объѣхать Каттарскую область и Черногорію. Прибывъ вопервыхъ въ Каттаро, ѣздилъ оттуда въ Добротту, Перасто, Ризано, Персано и Теодо, и возвратившись въ Кастель-Ново, провелъ страстную недѣлю въ Мона-

стырѣ Савино, въ постѣ, молитвѣ и христіанскомъ смиреніи. На третій день Пасхи съ семействомъ Белодиновича вторично отправился въ Каттаро, и какъ въ сей областной столицѣ не было ни одного трактира гдѣ бы можно ночевать, то присталъ я у вдовы Протопопа Петровича, который рекомендованъ былъ Белодиновичемъ. Не могу не похвалиться гостепріимствомъ, усердіемъ и доброжелательствомъ сей почтенной старушки. Принадлежа къ фамиліи Петровичей, она пользуется уваженіемъ, имѣетъ состояніе и свой домъ и за всѣмъ тѣмъ живетъ весьма умѣренно и уединенно. У ней нѣтъ ни слугъ, ни служанокъ; дочь ея Марія, съ которою познакомился я еще прежде въ домѣ Кастель-Новскаго моего знакомца, отправляла всѣ должности и расторопностію своею удивляла меня болѣе, нежели слуги въ Англинскихъ трактирахъ: она прибирала комнаты, стряпала на кухнѣ, подавала кофе, успѣвала къ обѣду какъ можно лучше нарядиться и будучи очень пригожа, находила время удѣлять мнѣ часть своего вниманія. Старушка отмѣнно полюбила меня по одному случаю. Она получила письмо отъ сына изъ Смирны и съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидала другаго утра, когда на одинъ часъ приходилъ работникъ, для услугъ, дабы послать его за попомъ для прочтенія ей письма. Возвратясь изъ замка къ обѣду, хозяйка моя, по обыкновенію матерей, выхваляла мнѣ рѣдкія достоинства сво-

его сына и въ доказательство, что онъ очень ученъ, подала мнѣ его письмо. Я прочелъ адресъ, старушка сплеснувъ руками, съ радостію спросила, не уже ли я грамотной? и когда научился читать по Славянски? Я не противурѣча въ первомъ, развернувъ прочелъ ей письмо, въ которомъ, кромѣ нѣсколькихъ словъ почти ничего не понялъ. На другой день, пригласила она на скромный ужинъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и со слезами на глазахъ представляла меня каждому, увѣряя, что я великой человѣкъ и даже знаю грамотѣ!

Добрая моя хозяйка доставила мнѣ случай побывать въ Черной горѣ. Отецъ Спиридоній, прихода ея Священникъ, сыскалъ мнѣ проводника, и я по даннымъ мнѣ наставленіямъ спѣшилъ сдѣлать маленькія пріуготовленія. Взялъ съ собой фунтовъ десять пороху, купилъ кремней, бисеру, стакановъ и рюмокъ, синяго стекла, и нѣсколько кусковъ сахару положилъ въ карманъ, дабы сими бездѣлушками, дарить въ знакъ памяти, тѣхъ хозяевъ, у коихъ буду ночевать. Въ продолженіи моихъ сборовъ Митрополитъ пріѣхалъ въ городъ, я за долгъ почелъ просить его соизволенія. Его Высокопреосвященство охотно согласился на мое желаніе, убѣждалъ имѣть снисхожденіе къ обычаямъ народа, всѣмъ сердцемъ и душою любящихъ Рускихъ. (Собственныя его слова). Приказалъ одному витязю изъ своей гвардіи, ростомъ почти въ сажень, провожать меня всюду, куда бы я ни поже-

лалъ, и отпуская меня, увѣрилъ, что я буду принятъ съ усердіемъ и должнымъ уваженіемъ. Первый проводникъ мой не хотѣлъ уступить чести охранять меня Митрополитскому; они долго спорили, сердились и не знаю какъ успѣлъ помирить ихъ отецъ Спиридоній.

Чтобы казаться болѣе военнымъ, взялъ я съ собою одну шинель, препоясалъ длинную саблю, которою могъ бы отрубить носъ въ сажени отъ себя разстояніемъ, а кортикъ, вмѣсто кинжала, заткнулъ за поясъ. Въ четвергъ святой недѣли къ вечеру, пѣшкомъ и съ посохомъ въ рукахъ отправился я въ путь съ однимъ матрозомъ, весьма смышленымъ, проворнымъ, и на храбрость коего при случаѣ могъ совершенно положиться; я говорю сіе послѣднее по тому, что Черногорцы дорогихъ гостей своихъ любятъ встрѣчать и провожать ружейными выстрѣлами, такъ что пули свистятъ мимо самыхъ ушей. Въ *Скальяри* деревнѣ, лежащей въ прекраснѣйшей долинѣ близъ Катаро, дали мнѣ лошака и мы начали подниматься на гору, которой вершина упиралась въ облака. По тропинкѣ, извивающейся улиткою, достигли мы до крѣпости *Тринита* (Святая троица или лучше до четвероугольной башни, стоящей на границѣ Черногоріи и защищающей дорогу отъ Катаро въ Будуа. Гора, на которую отсюда намъ должно было всходить, стояла еще выше первой, вершина ея терялась въ облакахъ. Солнце заходило,

становилось темно; до Цетина, гдѣ располагалъ ночевать, оставалось еще верстъ 18; дорога шла на такую крутизну и мимо такихъ ужасовъ, что я прилегши на шею лошака, качался надъ краемъ бездонной пропасти, голова у меня закружилась и я просилъ остановиться въ первой деревнѣ. Проводникъ увѣрялъ, что нѣтъ никакой опасности, и что я непремѣнно долженъ ночевать у него въ Цетинѣ, какъ вдругъ услушали пронзительные дикіе крики; со мною бывшіе отвѣчали такими же голосами; невольный страхъ овладѣлъ мною и еще болѣе увеличился, когда догнали мы у ключа *Кровавацъ* называемаго, партію Черногорцовъ, возвращавшихся съ торгу изъ Катаро; они обступили меня, одинъ спрашивалъ точно ли я Руской? другой, Христіанинъ ли я? а третій подозрѣвалъ не Католикъ ли я? однакожъ, удовольствовавшись моими отвѣтами и увѣреніями Митрополитскаго витязя, хотѣли, чтобъ я пересѣлъ на ихъ осла, цѣловали руки мои и полу платья, а между тѣмъ тащили меня долой; начался между ими жаркой споръ; я боялся, что начнется драка; наконецъ посадивъ матроза на осла, меня оставили на лошакѣ и мы спокойно продолжали путь. Около 10 часовъ провожатые мои сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ и вдругъ всѣ закричали, потомъ тѣлохранители мои увѣдомили меня, что мы скоро остановимся въ селеній *Мирацъ*. Подъѣзжая къ оному, услышали мы смятенные кри-

ки, ночь была довольно темна, и я обрадовался, увидѣвъ близко нѣсколько зажженныхъ свѣточей, это была толпа мальчиковъ съ пуками горящей соломы; при въѣздѣ въ деревню, меня стѣснили, остановили лошака. Первый, который подошелъ ко мнѣ, былъ Князь (титло принадлежащее сельскимъ начальникамъ), онъ рѣшительно объявилъ мнѣ, что я долженъ ночевать у него.

Мнѣ нечего было тутъ разсуждать, и я, повинуясь приказанію, пошелъ за нимъ. Князь остановилъ меня предъ воротами, вошелъ въ домъ, скоро возвратился, взялъ меня за руку и ввелъ въ избу. Представить должно мое изумленіе, расположеніе очень похоже на наши крестьянскія свѣтлицы. Меня посадили въ уголъ подъ образа, возлѣ меня матроза, который безпрестанно вставалъ съ лавки, я насилу увѣрилъ его, что здѣсь онъ долженъ дѣлать что намъ прикажутъ. Вошла молодая женщина (младшая въ домѣ невѣстка), поставила на полъ къ ногамъ моимъ деревянную чашу воды, съ робостію поклонилась, поцѣловала у меня полу мундира, у матроза руку, онъ вскочилъ и чуть не засмѣялся, потомъ стала на колѣни, сняла съ меня сапоги, посмотрѣла ихъ съ любопытствомъ, сняла чулки, словомъ, мнѣ и матрозу вымыли ноги. Послѣ сего Князь предложилъ мнѣ Пасху, которая стояла на накрытомъ столѣ, и все его семейство христосовалось со мною равно и съ товарищемъ моимъ. Подали умыть

руки, зажгли свѣчку предъ образами, принесли вареную курицу, и копченую баранину, помолились и одинъ хозяинъ сѣлъ между нами за столъ, дѣти служили, а пришедшіе смотрѣли на насъ и говорили между собою. Послѣ ужина тотчасъ положили насъ спать въ особомъ чуланѣ, на доски покрытыя ковромъ, Князь легъ возлѣ насъ, а сынъ съ оружіемъ и не раздѣвался повалился у дверей, и сей часъ оба захрапѣли. Я долго не могъ заснуть и смотрѣлъ на кровлю, сквозь которую свистѣлъ вѣтръ. Всякое движеніе моихъ хозяевъ, не знаю по чему, приводили меня въ страхъ: я подвинулъ къ себѣ длинную мою саблю, и хотя въ воображеніи моемъ не находилъ причины опасаться, однакожъ былъ готовъ къ оборонѣ; но утомленіе сомкнуло глаза и я часа три спалъ очень крѣпко.

Рано съ солнцемъ, громкій голосъ моего Князя, разбудилъ меня. Вопросъ его, хорошо ли я отдыхалъ? считалъ я приказаніемъ, почему всталъ и пошелъ за нимъ, располагая немедленно отправиться въ дальнѣйшій путь; но я ошибся и скоро удостовѣрился, что не могу ничѣмъ располагать. Нѣсколько старѣйшинъ изъ семействъ ожидали уже меня на дворѣ и лишь я показался, просили удостоить ихъ посѣщеніемъ, и такъ я пошелъ за первымъ, который подошелъ ко мнѣ, потомъ пошелъ за другимъ. Насилу избавили меня отъ омовенія ногъ, подали яичницу и пшеничной только что испеченый и весьма вкусной хлѣбъ.

Представьте мое удивленіе, я долженъ былъ обойти 20 дворовъ и вездѣ непремѣнно ѣсть или по крайней мѣрѣ всего отвѣдать. При входѣ и выходѣ изъ дому я долженъ былъ перецѣловать все семейство, а если я дарилъ ребенка кусочкомъ сахара, то всѣ цѣловали меня. Наконецъ перецѣловавъ по нѣскольку разъ всю деревню, мнѣ подвели лошака, посадили, пожелали добраго пути и начали стрѣлять; матрозъ мой напился такъ, что его принуждены были положить поперегъ на спину осла. Я позабылъ сказать, что когда переходилъ изъ дому въ домъ, меня сдавали съ рукъ на руки, точно такъ какъ бы какую вещь, и напоминали хранить меня, какъ зѣницу ока!

Дорога до Цетина, шла мимо ужасныхъ пропастей и глубокихъ овраговъ, кое гдѣ, видны были виноградники, маленькіе сады, и площадки хлѣба, уже съ четверть вышиною, съ права и съ лѣва были Коложунъ и Ловчинъ высочайшія изъ горъ, коихъ кремнистая цѣпь съ висящими скалами на каждомъ шагу представляли трудныя дефилеи и такъ сказать непреодолимыя твердыни вольности Черногорцевъ. Въ монастырь Цетино, мѣстопребываніе Митрополита, прибылъ я въ полдень, и остановился въ домѣ перваго моего провожатаго. Не смотря на убѣдительное приглашеніе монаховъ, я не прежде могъ посѣтить ихъ, какъ начали звонить къ вечернѣ. Цетино лежитъ въ глубокомъ долу, покры-

томъ зеленью и садами. Монастырь, окруженной зубчатыми стѣнами съ башнями и пятиглавая церьковь, напомнили мнѣ окрестности Москвы; я забылъ, что нахожусь такъ далеко отъ оной. Тутъ показывали мнѣ грамоты Императоровъ нашихъ отъ Петра, и подарки, состоящіе въ богатыхъ ризахъ, сосудахъ, образъ Божіей Матери, принесенный въ даръ Екатериною Великою, обложенъ жемчугомъ и бриліантами дорогой цѣны.

Не стану входить въ подробности гостепріимства Черногорцевъ; оно должно удивить и Рускаго, но скажу, что наиболѣе сдѣлало на меня впечатлѣніе. Я видѣлъ Спарту, видѣлъ въ полномъ смыслѣ слова Республику, отечество равенства и истиной свободы, гдѣ обычаи замѣняютъ законъ, мужество стоитъ на стражѣ вольности, несправедливость удерживается мечемъ мщенія, удивлялся возвышенности духа, горделивости и смѣлости того народа, котораго имя наводитъ страхъ всѣмъ ихъ сосѣдямъ. Образъ же ихъ жизни, неиспорченность нравовъ и отчужденіе всякой роскоши, истинно достойны всякой похвалы. Три дни проведенные мною между ими, я такъ сказать перенесенъ былъ въ новый міръ и познакомился къ предками моими 9-го и 10-го столѣтія, видѣлъ предъ собою простоту Патріаршескихъ временъ, бесѣдовалъ съ Ильею Муромцомъ, Добрынею и другими богатырями нашей древности. Дикость характера, жестокость противу

непріятелей, побуждаетъ ихъ вести безпрерывную войну противу всѣхъ сосѣдей, ибо довольствуясь своими произведеніями, и не имѣя въ нихъ надобности находятъ для себя оную полезнымъ упражненіемъ. Сей обычай, проистекающій отъ необразованности, перевѣшивается чистотою нравовъ, повиновеніемъ къ родителямъ и семейственнымъ щастіемъ. Собравъ подробныя свѣденія о Черногоріи и Катарской области, я постараюсь съ точностію изобразить свойства народа, по происхожденію и вѣрѣ, столь къ намъ близкаго, а по преданности, любви и усердію къ Россіи, тѣмъ болѣе достойнаго вниманія моихъ соотечественниковъ, что страна сія еще ни однимъ путешественникомъ не была описана.

Вмѣсто того, чтобы ночевать въ Станевичахъ, меня отпустили изъ Цетине, на другой день послѣ обѣда, гораздо уже за полдень. Боясь темной ночи остановился ночевать, не доѣзжая перваго Монастыря, въ *Бѣлоши*, большемъ селеніи и уже на пятый день, проѣхавъ не болѣе 70 верстъ, чрезъ Станевичь, Будуа, возвратился въ Порто Розе, а оттуда въ Кастель-Ново, гдѣ стояла моя требака. Такимъ образомъ объѣхалъ я Катарскую область, и въ продолженіи времени собралъ достаточныя свѣденія для вѣрнѣйшаго ея описанія; за всѣмъ тѣмъ, оныя были бы несовершенны и поверхностны, если

бы не старался я, собственныя мои сужденія повѣрить съ показаніями многихъ знающихъ особъ; наиболѣе же обязанъ К. В. Р. . . . . у, который доставилъ мнѣ самое подробное описаніе одного Австрійскаго Инженера, сочинившаго и карту (*). Но какъ сей Офицеръ, увлекаясь духомъ Католицизма, представилъ характеръ народа совершенно въ искаженномъ видѣ, то я заимствовалъ отъ него только статистическое и частію историческое описаніе.

Не могу умолчать о двухъ случаяхъ, которые могутъ показать до какой степени Черногорцы набожны и преданы Государю. Въ Бѣлоши приходской Священникъ принесъ святцы, дабы сказалъ я ему, Кіевской ли онѣ печати? Я развернулъ и сталъ читать. Всѣ бывшіе въ избѣ встали, и когда я пересталъ, просили, чтобъ еще прочелъ нѣсколько молитвъ. Я обратился тогда къ образамъ, всѣ начали молиться, сдѣлалась тишина и слышны были вздохи, которые до того растрогали меня, что едва могъ удерживать слезы. По окончаніи чтенія, умиленіе изображено было на лицахъ каждаго, разговоръ кончился сожалѣніемъ, что они такъ далеко живутъ отъ Россіи, и не могутъ видѣть великолѣпія

(*) Смотри въ концѣ книги.

нашихъ храмовъ и молиться въ нихъ Богу. Другой случай доставилъ мнѣ удовольствіе столь же великое. Первому моему провожатому подарилъ я портретъ Государя. Узнавъ чье изображеніе держитъ въ своихъ рукахъ, затрепеталъ онъ отъ радости, обнялъ меня съ восхищеніемъ, цѣловалъ руки, благодарилъ несвязными словами, приложилъ портретъ къ груди, потомъ перекрестился, поцѣловалъ оный съ благоговѣніемъ, далъ приложиться своимъ домочадцамъ, показывалъ каждому и наконецъ прилѣпя къ дощечкѣ поставилъ къ образамъ.

Описаніе Провинціи Боко ди Катаро (*).

Провинція сія составляла часть *Венеціанской Далмаціи* и лежитъ вокругъ залива, который въ древнія времена извѣстенъ былъ подъ именемъ: Sinus Rissonicus. Нынѣ называютъ его *Боко ди Катаро* т. е. *входъ въ Катаро*, или *устье Катарское*, отъ чего и жители именуются *Бокезцами*. Заливъ простирается отъ запада къ востоку на 40 верстъ. Устье его

(*) Нѣкоторые называли ее *Венеціанскою Албаніею* и подъ симъ именемъ разумѣли Славянъ Греческаго исповѣданія; но сіе несправедливо, ибо *Албанцы* суть Греки.

образуется мысомъ *Остро* отъ сѣвера и мысомъ *Яница* отъ юга; посреди находится голый островокъ *Яница*, а ближе къ южному мысу, еще меньшій, называемый *Мадона ди Яница*. Сіи два острова составляютъ три входа. Корабли должны держать ближе къ *Остро*, идти прямо на *Кастель-Ново*, и на 15 и 18 саженяхъ глубины, гдѣ грунтъ илъ, бросать якорь. Купеческія суда останавливаются у карантина на 7 и 8 саженяхъ глубины и въ *Порто-Розе*, что противъ города, гдѣ прикрѣпляются къ берегу канатомъ. Глубина во всемъ заливѣ достаточна и для военныхъ кораблей. У самыхъ стѣнъ *Катаро* 7 саженъ, грунтъ вездѣ илъ. Широта *Кастель-Ново* 42°, 21ʹ сѣверная.

Пространство, число жителей и границы.

Область лежитъ вокругъ залива (почему жители также называются *приморцами*) и имѣетъ видъ треугольника, котораго самая большая сторона 120, а меньшая 70 верстъ. Населеніе ея полагаютъ одни до 40.000, другіе около 60.000. Граничитъ къ сѣверу съ *Герцоговиною*, къ востоку съ *Черногоріею* и *Албаніею*, а къ югу и западу съ *Адріатическимъ моремъ*. *Рагузинская Республика*, боясь болѣе *Венеціанъ*, нежели *Турокъ*, купила у первыхъ

съ одной и другой стороны полосу земли въ двѣ мили шириною, дабы тѣмъ удалить границы свои отъ *Катаро* и *Далмаціи*.

Раздѣленіе.

Область раздѣляется на слѣдующіе восемь *коммунитатовъ* или округовъ: 1) *Кастель-Ново*, 2) *Катаро*, къ коему причисляются *Персано, Столиво и Теодо* 3) *Доброта*, 4) *Перасто*, 5) *Ризано*, 6) *Картоли и Лустица*, 7) *Зупа*, 8) три округа и *Пастровичи*. Первые четыре не имѣютъ большаго населенія; въ нихъ живутъ Католическаго и Греческаго исповѣданія Славяне; послѣдніе же округи гораздо многолюднѣе первыхъ и жители оныхъ вообще Греческой вѣры.

Кастель-Ново.

Нѣсколько полуразвалившихся домовъ составляютъ строеніе въ *Кастель-Ново*; въ немъ нѣтъ ни одной лавки, и кромѣ бѣднаго трактира съ изорваннымъ билліардомъ, нѣтъ никакой приманки Офицерамъ. Католическая церковь и Капуцинскій монастырь служатъ только для 400 городскихъ жителей; для Славянъ же Греческаго исповѣданія, составляющихъ большую часть населенія сего округа, монастыри *Савино* и *Топла*, недалеко отъ города находящіеся. Предмѣстіе имѣетъ лучшія

зданія. Окрестности, особенно долина *Кути*, представляютъ живописныя мѣста. *Кастельновцы* отправляютъ значительную торговлю.

Король Босніи *Гварлео* построилъ сей городъ въ 1373 году, и съ того времени сохранилъ онъ названіе *новой крѣпости*. Онъ претерпѣлъ многія несчастія отъ осадъ и землетрясенія. Испанцы съ помощію Венеціянъ взяли оный въ 1538 году. Въ слѣдующемъ году, едва Испанцы окончили крѣпость *Еспаньолу* славный Турецкій Адмиралъ *Барбаросса*, прибывъ съ 200 галеръ и 30.000 человѣкъ войска, взялъ ее штурмомъ. Безъ успѣха покушались возвратить ее Венеціане и крѣпость находилась во власти Турокъ 46 лѣтъ. Наконецъ въ 1584 году Венеціане, соединенно съ Мальтійскими Кавалерами, подъ предводительствомъ Генерала *Корнера*, принудили крѣпость сдаться на капитуляцію.

Крѣпость составляетъ неправильный четвероугольникъ съ высокими по угламъ башнями. Верхняя часть, называемая *сухопутный замокъ* (castel di terra), находится на горѣ, имѣетъ круглую башню *Санъ-Кьяро* съ двумя ярусами пушекъ и съ казематомъ, безопаснымъ отъ бомбъ, но стѣны между башенъ, служащія только для ружейной обороны, такъ высоки, что когда непріятель приближится, вредить ему не можно. Нижняя часть крѣпости или *морской замокъ* (castel di mare) отъ землетря-

сенія совсѣмъ почти разрушенъ. Подземные ходы, сообщенія по стѣнамъ и казематы большею частію упали. Крѣпость *Еспаньола*, лежащая на высотѣ, господствующей надъ окрестностями, составляетъ лучшую защиту *Кастель-Ново*. *Еспаньола* крадратное укрѣпленіе съ 4-мя по угламъ башнями, со рвомъ и полумѣсяцомъ съ сѣверной только стороны. Каждая сторона въ 30 саженъ длины; высота стѣнъ, которыя очень тонки и сдѣланы для ружейной обороны, 23 фута. Однѣ только башни вооружены пушками въ два яруса; казематы въ нихъ безопасны отъ бомбъ. Внутри крѣпости пороховый магазинъ, *чистерна* (*) и развалившаяся часовня. По трудности дорогъ, которыми не возможно почти доставлять Артиллеріи, осада *Кастель-Ново* останется безуспѣшною, если только непріятель не будетъ имѣть во власти своей море. Впрочемъ безъ защиты флота составляетъ она весьма неважное укрѣпленіе. Адмиралъ *Сенявинъ* укрѣпилъ *Еспаньолу* наилучшимъ образомъ.

Заливъ отъ *Кастель-Ново* до *Катаро* называется *каналомъ*. Оставя большую *Кастельновскую* рейду и обогнувъ мысъ *Кумбуръ*, увидишь обширный плёсъ *Теодо*, котораго

(*) Высѣченный въ камнѣ колодезь, въ которой наливается вода.

раго лѣвый берегъ украшенъ прекрасными домами, мелькающими въ густотѣ плодоносныхъ садовъ, и виноградниковъ; правый низокъ, и также усѣянъ загородными домами; а къ сѣверу возвышаются крутые, голые утесы. Вдали на южной сторонѣ плеса, на не большомъ островѣ *Страдіоти*, видна древняя готическая церковь *Св. Марка*, окруженная полуразвалившимися стѣнами. Далѣе заливъ составляетъ узкій протокъ воды, называемый *Ле Катене* (*); ширина его мѣстами не болѣе версты; горы, стоящія по обѣимъ сторонамъ, кажется, сходятся между собою и представляютъ огромныя ворота; теченіе отъ востока тутъ очень сильно. Проходя симъ каналомъ шлюпка кажется упавшею съ неба. Съ сего мѣста заливъ поворачивается къ югу; въ самомъ углу его показывается *Катаро*. Я не видалъ ужаснѣе и прелестнѣе сего мѣста. Огромные, кремнистые красноватаго цвѣта горы въ безпорядкѣ навалены одна на другую; *черная гора и Ловчинъ*, самыя высочайшія изъ нихъ, выказываютъ изъ облаковъ свои снѣжныя вершины. Продолговатый морской заливъ представляетъ озеро, лежащее на днѣ глубокаго и темнаго оврага, котораго берега почти сплошь усѣяны крѣпостями, городами и селами. Пре-

---

(*) По Славянски *верига*, т. е. *цѣпь* и названъ такъ потому, что нѣкогда запирался цѣпью.

красныя строенія, множество кораблей и зелень плодоносныхъ садовъ, въ узкихъ долинахъ скрывающихся, украшая сіе истинно романическое мѣсто, составляютъ очаровательную противоположность съ унылымъ видомъ безплодныхъ горъ.

Катаро.

Не видя еще укрѣпленій, одинъ взглядъ на *Катаро* наводитъ ужасъ. Высокая, почти падающая скала, обнесена каменными стѣнами, по оврагамъ и чрезмѣрной крутизнѣ неподражаемымъ образомъ улѣпленными. Крѣпость какъ будто опущена въ котелъ, надъ которымъ голыя горы стоятъ наклонившись. На вершинѣ виденъ замокъ; что бы взглянуть на него, надобно нагнуть назадъ голову, и устремить глаза вверхъ. Тамъ подъ облаками развѣваетъ Императорскій флагъ, а лучи солнца играютъ на Рускихъ штыкахъ.

Городъ построенъ при подошвѣ горы у моря; двѣ узкія улицы и небольшая площадь составляютъ лучшую его часть. Тутъ находятся хорошія и огромныя строенія. Домы очень темны, ибо съ одной стороны заслоняетъ ихъ гора, а съ другой высокая крѣпостная стѣна. Прочіе домы разбросаны по косогору и стоятъ одинъ надъ другимъ. Что бы перейти изъ дома въ домъ, надобно лазить внизъ и вверхъ по дурнымъ лѣстницамъ, высѣченнымъ въ горѣ. Нѣкоторые домы половиною

прислонены къ горѣ, а другіе стоятъ надъ горою такъ, что съ верхней улицы имѣютъ одинъ этажъ, а съ нижней три и четыре. Во время дождя опасно ходить, ибо вода по симъ лѣстницамъ течетъ очень быстро, но сіе неудобство доставляетъ ту выгоду, что дворы и улицы становятся послѣ дождя чисты и грязи въ городѣ никогда не бываетъ. Въ *Катаро* считается три женскихъ монастыря, одинъ Францисканской и одинъ страннопріимной, всего 17 церквей и одна Греческая церковь Евангелиста *Луки*. Въ соборной католической церкви *Св. Трифона* хранятся части мощей. Въ день сего святаго Венеціанское правительство, въ память мужественной защиты города гражданами, угощало ихъ публичнымъ столомъ и на этотъ день вручало имъ ключи и караулы крѣпости въ полное распоряженіе. Жителей, большею частію поселившихся здѣсь Италіянскихъ семействъ, считается до 4.000. Хотя дамы и стыдятся явно имѣть у себя кавалеровъ *сервенте*: но строгая нравственность Славянъ много уже испортилась; однакожъ все еще далеко до разврата большихъ городовъ. Дворянство вѣжливо и гостепріимно; въ *Казино* (*) собирается лучшее общество. Тутъ бываютъ и балы. Разумѣется, ихъ даютъ Руські Офицеры; *Бокезцы* не любятъ танцовать, а еще менѣе тратить

(*) Кофейный домъ.

деньги только для того, какъ говорятъ они, что бы *вспотѣть*. Увеселительныя поѣздки на лодкахъ въ *Доброту*, *Мулу* и *Перцаньо* ими предпочитаются. Вообще жить здѣсь скучно; кромѣ прогулки на валу и къ деревнѣ *Скальяри*, лежащей въ прекрасной долинѣ, нѣтъ другаго мѣста къ защитѣ себя отъ солнца. Лѣтомъ въ полдень камни такъ раскаляются, что зной въ городѣ бываетъ несносенъ; зимою же, отъ высоты горъ, солнце показывается только на нѣсколько часовъ, и когда на горахъ еще день, въ городѣ уже вечеръ. Каждую субботу и воскресенье у воротъ Фьюмьеры собирается на базаръ множество Черногорцевъ. Удивляться надобно, какія тяжелыя ноши по ужаснымъ горамъ носятъ бѣдныя женщины, а еще болѣе тому, что дюжіе и сильные мужья ихъ идутъ за ними, съ однимъ только ружьемъ на плечѣ.

Что бы избавиться жару, пошелъ я еще до разсвѣта на гору, гдѣ находится замокъ *Санъ Жуани*. Дорога, высѣченная уступами, шла самыми крутыми излучинами. Скала сія гораздо круче *Гибралтарской*. Я началъ болѣе тысячи ступенекъ, усталъ, наскучилъ считать и не былъ еще на половинѣ горы. Усилія мои, взойти до восхожденія солнца на вершину горы, такъ утомили меня, что мнѣ сдѣлалось бы дурно, еслибы стаканъ холодной какъ ледъ воды, который подалъ мнѣ караульный унтеръ-офицеръ, не оживилъ меня. Ключь, біющій изъ камня на самой вершинѣ скалы,

составляетъ величайшую удобность для крѣпости, лежащей подъ облаками. Укрѣпленія тутъ удивительны и лежатъ выше горизонта воды на 600 футовъ. Между замкомъ и крѣпостью, по положенію горы, сдѣланы стѣнки или брустверы такимъ образомъ, что защищая одна другую, отдѣляютъ городъ отъ замка. За сими брустверами, два укрѣпленія *каземата* и *Пьяца-Сарацо* построены такъ, что защищаясь сами собою и взаимно помогая другъ другу, способствуютъ и нижней городской крѣпости. Въ каждомъ сдѣлана чистерна и казематы; для защиты довольно 8 пушекъ и 100 солдатъ. Отсюда можно скатывать въ городъ большіе каменья. Замокъ же, лежащій на самой вершинѣ, по высотѣ своей, мало способствовать можетъ крѣпости. Стѣны его тонки и удивительнымъ образомъ улѣплены по оврагамъ и пропастямъ; въ нихъ сдѣланы прорѣзы для ружейной обороны. Пушки большею частію мѣдныя, длинныя и малаго калибра. Нѣкоторыя изъ нихъ утверждены въ стѣнахъ на вертлюгахъ, какъ фалконеты, и въ казенной части имѣютъ длинные четвероугольные прорѣзы. Здѣсь есть нѣсколько такихъ пушекъ, какія употреблялись въ самомъ началѣ изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія, то есть, кованыя изъ желѣзныхъ прутьевъ. Большія пушки 48 фунтоваго калибра и мортиры поставлены къ сторонѣ *Доброты* и тутъ стѣны гораздо толще. Удивленія достойно какою силою Венеціане втащили ихъ сюда.

Пороховый погребъ и арсеналъ покрыты толстымъ сводомъ и безопасны отъ бомбъ. Въ последнемъ показывали мнѣ длинныя ружья (*тромбоны*) на вертлюгахъ; они заряжаются фунтовымъ ядромъ и весьма удобны для гребныхъ судовъ, также на корабляхъ во время *абордажа*. Съ южной стороны замка возвышается крутая скала, на которую одни только Черногорцы могутъ взбираться. Иногда они забавлялись, стрѣляя въ Австрійскихъ часовыхъ; но выстрѣлы по чрезмѣрной высотѣ не дѣйствительны. Если и городъ будетъ взятъ, то замокъ не иначе можно принудить къ сдачѣ, какъ однимъ только изнуреніемъ.

Съ одной стороны, опираясь о стѣну, съ другой удерживаясь за низкія перила, по лѣстницѣ узкой и крутой, взошелъ я на самую верхнюю часть замка, и лишь ступилъ последній шагъ, то отъ невольнаго страха закрылъ глаза. Представьте себя на такой высотѣ, куда не смѣетъ всползать змѣя, а развѣ взлетать можетъ только орелъ, прямо надъ глубокою, никогда не освѣщаемою солнцемъ пропастью, на днѣ которой съ ужаснымъ ревомъ, съ камня на камень падаетъ рѣка (Fiumiera называемая), подмывающая подошву горы и впадающая по сѣверную сторону города въ море. Надъ головою, подымается другая скала столь высокая, что не скинувши шляпы, не можно видѣть ея вершины. Безплодныя горы, въ безпорядкѣ набросанныя одна на другую, одна другую превышающія, бурный шумъ па,

дающей рѣки, представляли природу во всей ея дикости и ужасѣ; но опустя глаза внизъ, видишь ее во всемъ величіи и красотѣ: зелень, сады, строенія и корабли, представляющіеся въ углубленіяхъ между горъ и въ заливахъ, оживляя унылое мѣстоположеніе, заставляли удивляться столь близкому сосѣдству плодородія и безплодія. Городъ лежалъ у меня прямо подъ ногами, въ немъ не видно было улицъ, а все казалось домиками. Скатъ горы, на вершинѣ коей я стоялъ, былъ столь крутъ, что еслибъ бросить ядро, то оно должно бы скатиться до домовъ. Катарская губа въ отдаленномъ краю, подобна была блюду, налитому водою, въ которомъ, для забавы дѣтей, разставлены маленькіе кораблики. Фрегатъ Михаилъ, стоявшій близъ крѣпости, казался моделью, которую одною рукою можно поставить на столъ; купеческія суда, вдали лежащія на якоряхъ, чуть замѣтны были черными пятнами, а лодки, идущія подъ парусами, уподоблялись мушкамъ, надъ поверхностію воды летающимъ. Холодный вѣтръ, не смотря на солнечный жаръ, принудилъ меня оставить замокъ, и я сошелъ внизъ или лучше покатился и покатился такъ скоро, что въ полчаса пробѣжалъ то пространство, по которому всходилъ въ верхъ около двухъ часовъ.

Неприступное положеніе и прекрасная ключевая вода понудили построить тутъ городъ, и замокъ былъ первое его укрѣпленіе; когда же городъ распространился, то и его

обнесли валомъ и соединили съ замкомъ стѣнами, которыя составляютъ треугольникъ. Въ 1667 году, послѣ большаго землетрясенія, Венеціане укрѣпили городъ семью бастіонами или платформами; куртины между бастіонами защищаются тонкими стѣнами для ружейной обороны; высота ихъ отъ 25 до 28 футовъ, толщина же 5 и 6 футовъ. Природа сдѣлала здѣсь больше, нежели искуство; крѣпость можно атаковать только съ одной стороны отъ сѣвера; но тутъ два фаса съ земляными валами окружены водянымъ рвомъ, а за ними рѣчка, въ которой зимою бываетъ 6 футовъ воды. Лѣтомъ она высыхаетъ, но ложе рѣки шириною въ 60 саженъ, препятствуетъ дѣлать траншеи, ибо на полтора фута показывается вода. Высоты надъ деревнею *Доброта* представляютъ возможность построить на оныхъ батареи; причемъ необходимо, что бы непріятель господствовалъ надъ моремъ, ибо другимъ путемъ не льзя привезти артиллерію. Дикой тесаной камень такъ искусно сложенъ, что хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣны отъ землетрясенія и треснули, но особенной прочности известка держитъ ихъ и онѣ конечно простоятъ въ семъ положеніи еще нѣсколько вѣковъ. У южныхъ воротъ, которыя защищаются башнею и стѣною, построенною сзади башни, подъ арками подъемнаго моста, обширнымъ жерломъ шумитъ ключъ, способный обращать колесо мѣльницы. Вода лѣтомъ бываетъ холоднѣе,

чѣмъ зимою. Не самъ ли Моисей ударомъ жезла источилъ здѣсь воду изъ камня?

Катаро, до построенія нынѣшнихъ его укрѣпленій, много разъ былъ осаждаемъ. Соединенное въ 1301 году нападеніе Турокъ, Венеціанъ, Рагузинцовъ и Кроатовъ было неудачно. Еще до изобрѣтенія пороха въ 1378 году Венеціанскій Адмиралъ *Веторъ Пизани* взялъ городъ штурмомъ. Ограбивъ оный, онъ увезъ съ собою уважаемыя народомъ мощи *Св. Трифона.* Нынѣшніе грабители Европы, взявъ *Римъ* и *Лоретту*, брали одно только серебро и золото — вотъ какъ нравы перемѣняются! Въ 1420 году съ помощію Пасторовичанъ, жителей сей провинціи, Римскій Король *Сигизмундъ* взялъ вторично *Катаро.* Въ 1539 Турецкій Адмиралъ *Барбаросса*, взявъ *Кастель-ново*, два раза штурмовалъ крѣпость, но съ великою потерею принужденъ былъ удалиться. Въ 1563 году землетрясеніе разрушило почти весь городъ; двѣ трети жителей погибли въ развалинахъ. Въ 1570 году Турецкій Адмиралъ *Пертаре* съ большимъ флотомъ приступилъ къ крѣпости, и послѣ значительной потери, опасаясь прихода Венеціанскаго флота, который могъ бы запереть его въ узкомъ заливѣ, не высаживая войскъ, поспѣшно отплылъ. Въ 1571 году Турки, овладѣвъ Черногоріею, осадили *Катаро* съ сухаго пути и въ каналѣ *Ле-Катене* построили крѣпость съ 18 пушками, которой развалины и теперь еще видны; но Венеціанскій Адмиралъ,

прибывъ изъ *Корфы* съ 25 галерами, взялъ эту крѣпость и принудилъ Турокъ снять осаду *Катаро*. Въ 1657 году 20.000 Турокъ осаждали крѣпость два мѣсяца; но какъ при крѣпости была небольшая флотилія, то гарнизонъ, получая посредствомъ оной съѣстные припасы, мужественно защищался, и хотя со стороны *Доброты* сдѣланъ былъ брешъ, однако Турки при штурмѣ съ великимъ урономъ были отбиты. Въ 1667 году другое землетрясеніе погребло подъ развалинами города болѣе половины народа. Послѣ сего не было уже столь сильныхъ, а изрѣдка, почти чрезъ каждые два года, бываютъ небольшія потрясенія, не причиняющія вреда, и жители привыкли къ онымъ такъ, что и не думаютъ объ нихъ. Язва также два раза посѣщала сей городъ; она завезена была на судахъ изъ Леванта. Съ берегу охраняютъ отъ сего бича человѣческаго рода Черногорцы, не имѣющіе сообщенія съ Турками.

Персано, *Столиво* и *Теодо* составляютъ Коммунитатъ *Катарскій*, иначе *Міочевическимъ* называемый. Онъ населенъ большею частію Италіянскими выходцами и весьма хорошо обработанъ: домы, построенные у моря, имѣютъ прекрасную наружность; горы до двухъ третей у *Персано* сдѣланы уже плодоносными, а уѣздъ *Теодо*, лежащій въ долинѣ, представляетъ самый живописный видъ. Богатые граждане *Катаро* живутъ здѣсь лѣтомъ въ своихъ загородныхъ мызахъ. Всякаго рода

плоды родятся здѣсь въ изобиліи; отсюда же отпускаются сладкія вина и ликеры, не уступающіе Испанскимъ. Крѣпость *Св. Тринита*, или лучше башня съ четырмя малыми пушками, защищаетъ дорогу изъ *Катаро* въ *Будуа* и стоитъ при входѣ въ трудную ущелину, извѣстную подъ именемъ *святой тропины*.

Доброта.

Лежитъ при подошвѣ крутой цѣпи Черногорскихъ горъ и простирается отъ рѣчки *Глюйта* до стѣнъ *Катаро*, длиною отъ 6 до 7 Италіянскихъ миль, а шириною не болѣе полуверсты. Хотя природа не доставляетъ жителямъ сей страны никакихъ почти выгодъ; но трудолюбіемъ своимъ и промышленностію сдѣлались они богатѣйшими изъ Бокезцевъ. Добротцы и Персанцы имѣютъ самое большое число судовъ. Домы хорошей архитектуры и построены почти сплошь при самомъ берегѣ, сады возникающіе на голыхъ камняхъ, окружающихъ длинное сіе селеніе, и множество судовъ, лежащихъ на якоряхъ противъ оконъ, составляютъ прелестный видъ. Граждане съ посредственнымъ воспитаніемъ, предпріимчивы въ торговыхъ оборотахъ, мужественны въ сраженіяхъ, и честность ихъ заслужила довѣренность отъ Черногорцевъ, съ которыми преимущественно ведутъ они торгъ, и получаютъ отъ того знатныя выгоды. *Доброта* имѣетъ 1700 жителей и при церкви,

изъ коихъ *Св. Евстафія*, новая, прекрасная и богатая, могла бы украсить большой городъ. Добротцы гостепріимны, но ревнивы до чрезвычайности: жены ихъ и дочери всегда заперты и не показываются даже друзьямъ. Другіе Бокезцы, которые вообще придерживаются сего Турецкаго обычая, рѣдко соглашаются отдавать за нихъ дочерей своихъ въ замужество, ибо и монахини имѣютъ болѣе свободы. Добротцы самые ревностные Католики: при прежнемъ правительствѣ не позволяли они Славянамъ Греческаго исповѣданія оставаться у нихъ въ селеніи долѣе сутокъ, и ни одинъ работникъ, какъ бы онъ ни былъ исправенъ и вѣренъ, не могъ болѣе трехъ лѣтъ служить въ одномъ домѣ.

Перасто.

Занимаетъ у берега узкую, безплодную полосу земли. Перастцы довольно просвѣщены, богаты отъ морской торговли и носятъ по большой части Француской одежду. Городъ, имѣющій 1800 жителей, построенъ амфитеатромъ и издали съ моря кажется лучше, нежели на самомъ дѣлѣ. Надъ городомъ на горѣ, выше поверхности воды на 200 футовъ, построена иждивеніемъ гражданъ цитадель, служившая единственно для защищенія ихъ отъ набѣговъ Черногорцевъ. Противъ города, ближе къ *Ризано*, есть два острова: на одномъ изъ нихъ *Мадона д' Агосто*, или *Дель скаль-*

пелло, находится довольно богатая церковь съ чудотворною иконою Божіей Матери. 15 Августа, въ Успеньевъ день, собирается туда много богомольцевъ, и въ сіе время жители отправляютъ такъ называемый *круговой танецъ*.

Руской, будучи въ *Перасто*, непремѣнно долженъ посѣтить домъ принадлежащій *Мартиновичу*: тамъ увидитъ онъ слѣды попеченій ПЕТРА Великаго. Государь, предпріявъ устроить флотъ, отправилъ во многія мѣста лучшихъ фамилій боярскихъ дѣтей для изученія науки мореплаванія, въ томъ числѣ шестнадцать человѣкъ, какъ думать должно, отправлены были въ *Перасто* къ тамошнему ученому дворянину *Марку Мартиновичу*. Въ домѣ его хранится картина, которую Г. *Мажаровичъ*, уроженецъ Перастскій, такъ описываетъ: „*Мартиновичъ* сидитъ за столомъ, на которомъ лежатъ карты и математическіе инструменты. Дѣти, въ богатыхъ боярскихъ одеждахъ, стоятъ вокругъ стола и слушаютъ учителя со вниманіемъ. Внизу картины подписаны слѣдующія имена: *Борисъ Ивановичъ Куракинъ; Яковъ Ивановичъ Лобановъ; Князья: Петръ, Дмитрій и Өедоръ Голицыны; Григорій и Михайло Хилковы; Иванъ Даниловичъ; Андрей Ивановичъ Репнинъ; Абрамъ Өеодоровичъ Лопухинъ* (братъ Царицы); *Владиміръ Шереметьевъ* (братъ Генерала); *Иванъ Ржевскій; Михайло Ртищевъ; Никита Лановичъ* (Lanovich) *Григорій Бутурлинъ, и Михайло Матюшкинъ.*“

Для сихъ дѣтей вооружено было судно, на которомъ крейсировали они въ Адріатическомъ морѣ, что бы обучаться вмѣстѣ и теоріи и практикѣ. *Мартиновичъ* написалъ родъ поэмы, гдѣ описываетъ случаи, встрѣтившіеся во время сихъ плаваній, и шутливо расказываетъ, какъ нѣкоторыхъ изъ нихъ укачало и какъ другіе плѣнялись разнообразіемъ предметовъ. Сіе твореніе напечатано на Славянскомъ языкѣ въ *Венеціи*.

Сіи три послѣднія Коммунитата производятъ значительную торговлю, жители въ оной Католическаго исповѣданія и частію послѣдуютъ Италіянскимъ обычаямъ.

Ризано.

Древній городъ сей построенъ изгнанною изъ Сербіи Королевою Теока. Надобно полагать, что тутъ была нѣкогда довольно важная пристань; ибо весь заливъ именовался по ней Sinus Risonicus. Ризано построенъ на берегу моря, а какъ чрезъ него идетъ единственная дорога изъ Герцоговины въ Катарскую область, то жители, коихъ въ одномъ городѣ полагается до 1800 человѣкъ, производятъ значительную торговлю рогатымъ скотомъ, баранами, шерстью и воскомъ. Округъ Ризанскій принадлежитъ къ числу Греческихъ Коммунитатовъ, почитается лучшимъ и населеннымъ людьми болѣе образованными; ибо Ризаноты имѣютъ нѣсколько торговыхъ судовъ;

но въ богатствѣ уступаютъ жителямъ вышеупомянутыхъ Католическихъ округовъ. Напротивъ болѣе извѣстны храбростію: при правленіи Венеціанъ и Австрійцевъ, они и Пастровичане лучше прочихъ сопротивлялись набѣгамъ Черногорцевъ. Во время нашего здѣсь пребыванія, Ризаноты и вообще Славяне 4 Греческихъ Коммунитатовъ, оказали примѣрное къ намъ усердіе и отличное мужество. При нападеніи Генерала Мармонта на Кастель-Ново, безъ помощи нашихъ войскъ, вызвались они защищать дефилеи и дороги, ведущія чрезъ ихъ округъ въ Каттаро. По преданности къ Россіи, которую они почитаютъ матерью своего отечества, многія отличились въ нашей военной службѣ, и изъ одной только фамиліи Графовъ Ивеличей, мы имѣемъ трехъ Генераловъ. Первый Графъ Марко: нынѣ Генералъ-Лейтенантъ и Сенаторъ, три раза имѣлъ важныя порученія по дѣламъ здѣшняго края; второму, Генералъ-Маіору, отлично служившему въ Шведскую и послѣднюю Отечественную войну 1812 года, Графу Петру Ивановичу обязанъ я многими свѣденіями, мною здѣсь предлагаемыми.

Ризаноты полагаютъ свое происхожденіе отъ Римлянъ. Нѣсколько сходствующая одежда, остатки моста и часть мозаическаго пола, показываемаго въ окрестностяхъ, дѣлаютъ сіе мнѣніе ихъ вѣроятнымъ. Село *Царине*, не подалеку отъ Ризано находящееся, сохранило названіе свое отъ мѣстопребыванія Царицы Теоки; тутъ былъ ея дворецъ и за-

мокъ, коихъ едва стѣны примѣтны, отъ упомянутаго же моста осталось шесть столповъ, а мозаическій полъ покрытъ только 3 футами земли. Гора, при подошвѣ которой лежитъ Царине, имѣетъ огромный гротъ или лучше длинную подземельную пещеру, называемую *Спила*, заслуживающую особенное вниманіе любителей чудныхъ произведеній природы. Устье пещеры имѣетъ въ поперечникѣ 20, высоты 8 саженъ, подъ огромными ея сводами ни чѣмъ не поддерживаемыми, угловатые весьма тяжелые камни, висятъ на прилѣпѣ. Проходъ во внутренность горы простирается на 400 саженъ: тамъ удивленному взору представляется лагунъ наполненный водою, глубина у краю 4 сажени, длина сего лагуна не извѣстна; ибо сводъ пещеры въ семъ мѣстѣ опускается низко, никто не осмѣливался измѣрить, далеко ли простирается оный, но вѣроятно сіе собраніе воды наполняетъ обширную пустоту горы. Поселяне изъ Царине, при свѣтѣ факеловъ, берутъ отсюда воду; оная лѣтомъ холодна какъ ледъ, а зимою тепла. Полъ пещеры отъ устья до лагуна, такъ ровенъ и гладокъ какъ будто бы оный былъ высѣченъ человѣческими руками, Во время жаровъ жители изъ Ризано и ближнихъ селеній любятъ здѣсь прохлаждаться, множество малыхъ пещеръ изрытыхъ водою, лѣтомъ служатъ вмѣсто погребовъ. У лагуна на лѣвой рукѣ, выглажена часть стѣны, на коей путешественники подписываютъ свои имена. Въ концѣ

осени пещера наполняется испареніями, и отъ начинающей капать со свода воды дѣлается неприступною; когда же начнутся дожди, представляетъ ужасное и рѣдкое зрѣлище. Вода выступаетъ во всю ширину отверстія, съ такою силою, что вся обращается въ пѣну, брызги летятъ въ обѣ стороны на большое разстояніе. Подобно большой рѣкѣ, не имѣющей паденія, втекаетъ она въ море въ полуторѣ верстѣ отъ Спилы находящееся, съ такимъ стремленіемъ что никакое судно не можетъ устоять противу его на якорѣ. Развалившійся замокъ, лежащій на вершинѣ горы надъ самою пещерою, дополняетъ представленіе вида сего въ живописномъ изображеніи: паръ подымаясь отъ воды одѣваетъ стѣны замка легкимъ туманомъ и скрываетъ отъ глазъ вершину скалы; облака, во время дождя спускающіяся до зубцовъ башенъ, представляютъ замокъ вознесеннымъ къ небесамъ и отъ прохожденія тумана и тучъ колеблющимся въ воздухѣ. Шумъ воды продолжительными отголосками повторяется въ ущельяхъ, отъ того основаніе горы у Спилы кажется сотрясается.

Противу Ризано, чрезъ заливъ у селенія *Витоглавъ*, другая пещера, называемая *Сопотъ*, представляетъ грозное и еще величественнѣйшее зрѣлище; вода въ обрубистой скалѣ, на высотѣ около 400 футовъ, имѣя отверстіе узкое, и вырываясь подобно огромному Тифонному столпу разсыпается

широкимъ кристальнымъ куполомъ, и съ сей ужасной вышины падаетъ прямо въ море въ видѣ молочнаго водопада; она тяжестію своею выбиваетъ въ морѣ у подошвы скалы круглый большой котелъ, въ коемъ кипящая, клокочущая вода бьетъ черезъ край, а вокругъ съ ужаснымъ ревомъ гремитъ пучина. Нѣкоторые думаютъ, что во́ды пещеръ сихъ имѣютъ подземное сообщеніе съ тѣми, которыя находятся подъ Каттарою. Частыя землетрясенія здѣсь бывающія, и сіе великое собраніе водъ въ утробѣ гранитныхъ горъ, есть предметъ достойный точнаго изслѣдованія естествоиспытателей.

Остальные три Греческіе Коммунитата занимаютъ южную сторону залива. Въ *Картоли* и *Люстицѣ* довольно лѣсу. Жители не имѣютъ судовъ; но долины ихъ изобилуютъ хлѣбомъ, садоводствомъ же занимаются немногіе. *Зупа*, по Славянски *Гербаль* называемая, имѣетъ большія преимущества. Сей округъ раздѣляется на четыре Графства: *Лазаровичи*, *Бойковичи*, *Клюбановичи* и *Тюйковичи*. Отсюда-то произошло такое множество Графовъ Бокезскихъ, которое титло вмѣсто Князя дано имъ Венеціанскимъ Правительствомъ. Въ *Клюбановичахъ* находится монастырь *Ластуа*, обнесенный каменнымъ брустверомъ. Онъ выгодно можетъ держаться противъ регулярныхъ войскъ.

Будуа древній городъ. Плиній называлъ его *Бальва*, *Бутуа*, а Гомеръ *Будіумъ*. Кре-

пость построена на полуостровѣ; стѣны ея, равно какъ и цитадели, лежащей на крутой скалѣ, большею частію развалились. Гавань защищается островомъ *Сан-Никола*; рейдъ открытъ южнымъ вѣтрамъ. Въ городѣ находится одна Греческая и одна Католическая церковь. Въ 1687 году *Солиманъ*, Паша *Скутарскій*, съ 10.000 осаждалъ *Будуа*; но Генералъ *Корнеръ*, съ помощію гражданъ и окрестныхъ жителей, принудилъ его снять осаду. Послѣ сего нѣсколько разъ крѣпость взята была Турками и Греками; разоренія ихъ до сихъ поръ видны. Въ 1797 году, по желанію жителей, Митрополитъ Черногорскій *Петръ Петровичъ* занялъ *Будуа*; но когга Бокезцы, получивъ отъ Императора Римскаго прежнія права, отдались въ его покровительство, то Митрополитъ оставилъ сей городъ.

Жители трехъ округовъ: *Побори*, *Браичи* и *Маини*, при малѣйшемъ нарушеніи ихъ преимуществъ, вмѣстѣ съ другими Славянами Греческаго исповѣданія часто бунтовали противъ Венеціанъ, и особенно Австрійцевъ, которые укрѣпленный монастырь *Св. Маріи ди Маини* подарили Митрополиту Черногорскому, дабы вліяніемъ духовной его власти удерживать народъ въ повиновеніи.

Пастровичи самый дальній пограничный округъ *Боко ди Катаро*. *Жители* онаго, до прибытія Россійскихъ войскъ въ *Катаро*, вели безпрестанную войну съ Черногорцами и

Турецкими Албанцами. Они отличаются храбростію и часто побѣждали самыхъ Черногорцевъ. Пастровичане особенно пристрастны къ своимъ нравамъ, закону и древнимъ обычаямъ. Частые набѣги Турокъ и Черногорцевъ совершенно ихъ разорили; но нынѣ, когда Черногорцы сдѣлались имъ друзьями, Главнокомандующій Адмиралъ вѣжливыми сношеніями съ Пашею Скутарскимъ и строгими мѣрами умѣлъ заставить ихъ уважать народъ, подданный Россійскому Императору. Хищные Албанцы не смѣли послѣ того ни однажды сдѣлать на нихъ нападенія. Такимъ образомъ, съ появленіемъ Россіянъ, прекратились несчастія сего мужественнаго народа, страдавшаго подъ бременемъ бѣдствій войны во время мира. Должно отдать справедливость Пастровичанамъ: они не остались неблагодарными столь милосердому и попечительному правительству. Они и Ризаноты первые выходили въ поле, сражались въ первыхъ рядахъ и отличили себя во всѣхъ сраженіяхъ съ Французами. Римскій Король *Сигизмундъ*, при завоеваніи *Катаро*, получилъ отъ нихъ помощь, за что многіе возведены въ дворянское достоинство; по сему-то и предки ихъ вѣрны были Австрійскому правленію. Имя Пастровичанъ нѣкоторые несправедливо производятъ отъ pastori-vecchi, то есть *древніе пастухи*. Это одна изъ тѣхъ многихъ ошибокъ, которыя дѣлаютъ иностранные писатели, не зная Славянскаго или Рускаго язы-

ка и основывая свои догадки на сходствѣ словъ и т. п. *). Подлинное имя Пастровичанъ на Славянскомъ языкѣ означаетъ *по сторону*, или *на границѣ живущіе*, ибо въ самомъ дѣлѣ земля ихъ составляетъ крайнюю грань, раздѣляющую Славянъ отъ Грековъ.

(*) Такъ на примѣръ одинъ Французскій путешественникъ утверждалъ, что *Алексѣй* есть уменьшительное *Александра*, а *имене* любимой напитокъ Русскихъ. Однажды кто-то при немъ попросилъ квасу, а бывшіе тутъ въ одинъ голосъ сказали: *и мнѣ, и мнѣ.* Вотъ на чемъ именно догадливый Французъ основалъ послѣднее свое заключеніе. — Въ Английскомъ Географическомъ Словарѣ, изданія *Гордона*, въ статьѣ *рѣдкостей Россіи*, помѣщенъ слѣдующій вздоръ: »Изъ главныхъ рѣдкостей страны сей должно почитать странный родъ дынь (Melon), растущихъ близъ *Астрахани*, *Казани* и *Самары*. Нѣкоторые природные жители называютъ эту дыню *баранецъ* (Baranez) или ягненокъ (Littele lamb), другіе *зуфитонъ* (Zoophiton), что означаетъ животно-растеніе. Первое названіе болѣе оной прилично, ибо видъ ея совершенно сходствуетъ съ бараномъ, и жаръ сего растенія столь великъ, что слѣдуя народному выраженію оно *съѣдаетъ* всю траву, около его растущую. Когда созрѣетъ плодъ, наружность стебля покрывается веществомъ, похожимъ на короткую и курчавую шерсть. Часть шкурки сего удивительнаго растенія хранится въ кунсткамерѣ Короля Датскаго въ *Копенгагенѣ*, и никто не можетъ отличить ее отъ обыкновенной бараньей. *Изъ сего-то рѣдкаго прозябенія Рускіе шьютъ себѣ шубы.*« — Подлинно теплыя.

Крѣпость *Санъ Стефано*, въ Графствѣ *Пастровичи*, лежитъ на скалистомъ полуостровѣ, соединяющемся съ твердою землею низкимъ пещанымъ перешейкомъ. Съ моря могла бы она защищать входъ въ бухту, но кромѣ уцѣлѣвшаго пороховаго погреба, стѣны ея совсѣмъ упали. Жители производятъ маловажную торговлю. Противъ города, на высотѣ, находятся Греческій монастырь *Прахвица* подъ управленіемъ Архимандрита.

Произведенія.

Высокія, безплодныя горы, окружающія заливъ, свидѣтельствуютъ скудость страны сей. Только у прибрежія видны сады и огороды, которые, украшая дикость мѣста, не доставляютъ однакожъ нужнаго продовольствія. Далѣе, между, горъ, долины къ земледѣлію удобны; но безпрестанныя войны жителей съ Черногорцами и недостатокъ рукъ препятствуютъ обработыванію сихъ мѣстъ. Малыя поля обдѣлываются киркою и едва на три мѣсяца даютъ хлѣба; недостатокъ онаго замѣняетъ картофель. По берегамъ виноградъ, масличныя, фиговыя, частію же померанцовыя и лимонныя деревья растутъ, какъ въ Италіи, на открытомъ воздухѣ. Каменныя скалы, увеличивая жаръ, способствуютъ созрѣванію,

и потому климатъ сходствуетъ съ Африканскимъ: послѣ томительнаго зноя, зимою, идутъ дожди иногда шесть недѣль сряду. По неимѣнію луговъ скотоводства совсѣмъ нѣтъ. Пчеловодство могло бы принесть большія выгоды, если бы доставая медъ, не истребляли пчелъ. Шелкъ, въ маломъ количествѣ обработываемый женщинами, имѣетъ особенную доброту. Толстыя сукна, полотно и пестрые тики дѣлаются для домашняго только обихода. Скудость земныхъ произведеній замѣняется изобиліемъ рыбы, и Бокезцы весьма искусно бьютъ ее острогою, У прибрежныхъ жителей, особенно у Католиковъ, домы покойны, чисты и хорошей наружности; далѣе же внутри горъ, крыты плитою и имѣютъ посреди очагъ безъ трубы. По неудобности дорогъ нѣтъ телегъ и тяжести перевозятъ на вьючныхъ ослахъ.

Торговля.

Бокезцы производятъ значительную торговлю въ Адріатикѣ, Левантѣ и Черномъ морѣ. О приращеніи ихъ благосостоянія можно заключать по числу судовъ, которое въ послѣдніе годы знатно увеличилось. Въ 1798 году они имѣли 264 судна; въ 1806, 381; а въ 1807 до 500. Изключая малыхъ, всѣ они вооружены пушками отъ 6 до 28. На сихъ судахъ употребляется до 7.000 человѣкъ весьма хорошихъ матрозовъ. Шкиперы не знаютъ науки море-

плаванія и управляютъ судами по одной привычкѣ и знанію мѣстъ. Бокезцы, соперники Рагузинцамъ, подобно имъ перевозятъ чужія произведенія и симъ промысломъ содержатъ свои семейства, которыя, по безплодію земли, должны бы влачить самую несчастную жизнь. Безъ торговли они существовать не могутъ. Собственныхъ произведеній вывозится: 4.000 барилей деревяннаго масла, 12.500 пудъ винныхъ ягодъ, столько же восковыхъ свѣчъ, 125 пудовъ шелку и 175 п. меду. Изъ Черногоріи и Герцоговины пригоняется ежегодно около 110.000 барановъ и козъ, и 15.000 быковъ и свиней, мясо которыхъ, подъ именемъ копченой и соленой *кастрадино*, отправляется изъ *Каттаро* въ *Венецію* и *Тріестъ*. Бараньи и воловьи шкуры отпускаются невыдѣланыя. Изъ Черногоріи получается 15.000 пудовъ сыру, и столько же чрезъ *Ризано* изъ Герцоговины, который вмѣстѣ со 150.000 пуд. Морейскаго развозится въ Италію и Левантъ. Бокезцы не уступятъ дѣятельнымъ нашимъ промышленникамъ въ смѣтливости и проворствѣ.

Вѣра.

При владычествѣ Венеціянъ и Австрійцевъ Греческая вѣра была въ крайнемъ утѣсненіи. Нетерпимость Римскихъ Католиковъ простиралась до того, что не только не позволяли жителямъ Греческаго исповѣданія от-

правлять свободно богослуженіе, но даже запрещали ввозъ изъ Россіи церковныхъ книгъ. Хотя въ послѣдніе годы и печатались сіи книги въ *Вѣнѣ* и *Будѣ*; но Славяне не имѣли къ нимъ довѣрія и доставали себѣ тайнымъ образомъ Библіи, Молитвенники и т. п. Кіевской и Московской печати. Гоненіе, приличное суевѣрію XI и XII столѣтія, принудило весьма немногихъ Славянъ перемѣнить вѣру, что и укоренило взаимную ненависть между Католиками и Греками. Кровопролитія между ими бывшія не оправдываютъ политики нашего просвѣщеннаго вѣка, особенно потому, что жителей Греческаго исповѣданія гораздо больше, нежели Католиковъ: сіи послѣдніе едва ли составляютъ четвертую часть населенія. Послѣ сего должно ли удивляться изступленному восторгу бѣдныхъ Славянъ, когда, при занятіи Провинціи Россіянами, Греческая вѣра сдѣлалась главною; когда они свободно могли отправлять свои торжества, могли получать священныя книги, столь у нихъ рѣдкія; когда они сліялись въ одинъ народъ съ Черногорцами, съ которыми до сихъ поръ вели безпрерывную, гибельную войну, и наконецъ когда увидѣли предѣлъ своимъ бѣдствіямъ и начало своего благоденствія. При появленіи Руськихъ наступилъ для Бокезцевъ золотой вѣкъ; освобожденіе отъ всѣхъ повинностей, миръ съ Черногорцами и торговля съ Герцоговиною и другими Турецкими областями обѣщали имъ мно-

тія выгоды. Кротость и истинно Христіанское вѣротерпѣніе Россійскаго Монарха, позволивъ свободное богослуженіе Католикамъ, затворили уста гордому духовенству, котораго честолюбіе было причиною всѣхъ золъ. Сія мѣра заставила умолкнуть вражду, раздѣлявшую въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ народъ одного происхожденія. Церкви, монастыри и духовенство содержатся прихожанами. Каждое семейство въ назначенное время доставляетъ хлѣбъ, масло, вино, свѣчи и все нужное. По сему здѣшніе священники, обезпеченные въ своемъ продовольствіи, служатъ молебны, крестятъ дѣтей, вѣнчаютъ свадьбы и исправляютъ прочія требы безъ всякой мзды. Такимъ образомъ лишены будучи всякаго повода къ корыстолюбію, они сохраняютъ важность своего сана и живутъ въ истинномъ духѣ Христіанъ.

Нравы, обычаи и одежда.

Бокезцы Католическаго исповѣданія, ведутъ не столь строгій образъ жизни, какъ прочіе ихъ соотечественники Греческой вѣры; хотя тѣ и другіе отъ обращенія съ иностранцами, имѣютъ нѣкоторый просвѣщенный навыкъ; но будучи крайне привязаны къ древнимъ своимъ обычаямъ, въ характерѣ мало еще измѣнились, и почти во всемъ сходны съ Черногорцами, почему при описаніи нравовъ и обыкновеній сихъ послѣднихъ, должно

разумѣть всѣхъ приморцевъ, особенно Греческаго исповѣданія. На чужой сторонѣ Бокезцы тоскуютъ, подобно Швейцарамъ, по своей родинѣ. Публичныя увеселенія имъ неизвѣстны; временемъ только пріѣзжаютъ въ *Катаро* труппы странствующихъ актеровъ. Иногда приглашаютъ они къ себѣ гостей; но какъ женщины не допускаются въ такія общества, то собранія сіи бываютъ довольно скучны. Изобрѣтеніе ревнивыхъ мужей, покрывало, которое женщины носятъ внѣ дома, мало по малу перемѣнялось изъ непроницаемаго шелковаго въ кисейное, изъ кисейнаго въ флеровое, и наконецъ носили ихъ только для виду, опуская при встрѣчѣ съ своими. Женщины вышняго состоянія статны и пригожи: крестьянки здоровы, но не могутъ похвалиться красотою. Характеръ Бокезцовъ, какъ и всѣхъ торговыхъ народовъ, весьма важенъ. Гостепріимны съ расчетливостію, однакожъ и не совсѣмъ скупы. Музыка и пляска точно такія же, какъ и у Черногорцевъ. Послѣднее увеселеніе не согласуется съ чрезвычайною ревнивостію Бокезцевъ и грубостію ихъ въ обращеніи съ женщинами, которыхъ они почитаютъ своими невольницами. Въ военной тактикѣ сходствуютъ съ Черногорцами и хотя не могутъ сравняться съ ними въ искуствѣ стрѣлять, однако же Бокезцы, особенно Греческаго исповѣданія, столь же храбры какъ и они, сражаются съ большимъ порядкомъ и знаютъ лучше подчиненность

Въ пищу наиболѣе употребляется у нихъ *полента* (кукурузная каша), рыба и мясо.

Поселившіеся здѣсь Италіянцы носятъ свою одежду. Приморцы одѣваются отлично отъ всѣхъ Иллирійскихъ Славянъ. Широкія Греческія шаровары опускаются до половины икры: фуфайка съ дутыми серебреными пуговицами, выложенная позументомъ или снурками; сандаліи въ походѣ, полусапоги дома и круглая шляпа; подъ нею Католики носятъ черную бархатную, а Греки красную шапочку. (*) Фуфайки ихъ украшаются мѣдными и серебреными бляхами (по Славянски *токе*), которыя вмѣсто латъ носятъ также на груди и на ногахъ. Жители *Зупы* одѣваются какъ Черногорцы. Къ симъ двумъ нарядамъ принадлежитъ трехгранный кинжалъ *Анжаръ*, серпообразный *Ятаганъ*, пара пистолетъ, длинное ружье и древній Славянскій мечъ, или Турецкая сабля на серебреныхъ цѣпяхъ и патронныя сумки на образецъ Албанскихъ. Самый бѣдный имѣетъ оружіе; украшенное насѣчкою, перламутомъ и каменьями въ Азіатскомъ вкусѣ; богатые же сверхъ того имѣютъ малиновыя или черныя бархатныя фуфайки, обложенныя позументомъ, и весь приборъ, какъ то пуговицы и бляхи на ногахъ серебряныя. Одежда женщинъ единообразна; короткое бѣлое платье съ пол-

---

(*) Смотри картинку.

ными рукавами подпоясывается широкимъ поясомъ, который, какъ рукава и низъ платья, вышивается прекраснымъ узоромъ; на ногахъ сандаліи, подвязанныя цвѣтными лентами; на головѣ повязка изъ платка и Турецкій тюникъ безъ рукавовъ. Нарядъ дѣвушекъ весьма сходенъ съ національнымъ нашимъ костюмомъ. (*) Монетное или коральковое ожерелье составляетъ лучшее ихъ украшеніе. Синій и красный цвѣтъ болѣе прочихъ употребляются. Всѣ сіи наряды дѣлаются дома; кромѣ лентъ и платковъ нѣтъ ничего привознаго. Бокезки весьма искусны въ вышиваніи, особенно въ крашеніи суконъ и полотенъ. Болѣзни, происходящія отъ роскошной жизни, неизвѣстны даже и по имени Бокезцамъ: они такъ здоровы, что въ *Катаро* была одна только аптека и одинъ Докторъ. Другой лѣкарь, живший въ *Кастель-Ново*, выѣхалъ оттуда, опасаясь, какъ видно, умереть съ голоду.

Науки, языкъ и ремесла.

Здѣшнее Греческое духовенство ведетъ самую строгую жизнь и довольно просвѣщено: большая часть изъ духовныхъ говоритъ по Италіянски и занимается словесностію. Имѣя великое вліяніе на простый народъ, они

(*) Смотри картинку.

прекращаютъ всѣ его распри и приводятъ въ исполненіе повелѣнія правительства. При каждой церкви есть школа, гдѣ мальчики обучаются закону и Славянской грамотѣ. Всякой праздникъ, во время службы, дѣти сіи становятся по два въ рядъ, по обѣ стороны предъ царскими дверьми; четверо въ бѣлыхъ одеждахъ прислуживаютъ въ алтарѣ, а двое стоятъ у крылосовъ и читаютъ очень громко то, что слѣдуетъ пѣть дьячкамъ. По окончаніи обѣдни, Священникъ испытываетъ дѣтей въ Катихизисѣ, потомъ объявивъ имъ какой завтра праздникъ, или въ которомъ часу собираться имъ въ классъ, благословляетъ ихъ и распускаетъ по домамъ. Впрочемъ большая часть Бокезцевъ, особенно тѣхъ, которые живутъ не при морѣ, а далѣе въ горахъ, по недостатку священниковъ, лишены и сего воспитанія. Богатые изъ Католиковъ посылаютъ дѣтей своихъ въ Италіянскіе Университеты. Нѣкоторые изъ дворянъ занимаютъ должности Адвокатовъ и не учась правамъ, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ, по одному только навыку умѣютъ запутывать дѣла и наживаться. Бокезцы говорятъ Славянскимъ языкомъ, смѣшаннымъ съ Италіянскими словами. Католики пишутъ Италіянскими буквами; Греки же, изъ которыхъ немногіе умѣютъ грамотѣ, употребляютъ въ письмѣ церковныя буквы. Приморцы и городскіе жители говорятъ по Италіянски Венеціянскимъ нарѣчіемъ. Кромѣ слѣсарнаго мастерства,

дѣланія ружей и одной красильной фабрики, находящейся въ *Катаро*, мыла и дурныхъ струнъ, обработываемыхъ въ *Перасто*, нѣтъ никакихъ мануфактуръ. Самые лучшіе здѣсь ремесленники женщины.

Дворянство.

Въ прежнія времена, когда страна сія была Республикою, начальники округовъ, избираемые народомъ, пока занимали общественныя мѣста, назывались *Князьями;* послѣ того, при Венеціанскомъ правленіи, переименованы въ *Графовъ*, то же на время, и какъ при утвержденіи ихъ въ это званіе, или должность, платили они по 25 талеровъ, то и почли себя въ правѣ присвоить титулъ сей и дѣтямъ своимъ. Такимъ же точно образомъ и занимавшіе нижнія гражданскія должности называли себя дворянами; но ни тѣ, ни другіе не признавались въ Венеціи таковыми. Настоящіе дворяне имѣютъ у себя грамоты, и тѣ изъ нихъ, въ коихъ нѣтъ сіятельныхъ титуловъ, почитаются самыми древнѣйшими, ибо Графское достоинство дано Бокезцамъ Венеціянами уже въ новѣйшія времена. Фамиліи *Медынь*, Графы *Ивеличи* и Графы *Воиновичи* самое почетное дворянство. Впрочемъ сіе званіе не даетъ никакихъ преимуществъ: самый послѣдній изъ черни имѣетъ точно такія же права, какъ и первые дворяне. Здѣсь истинное достоинство

основываетпся на всеобщемъ уваженіи, и кто заслужилъ оное, тотъ гораздо болѣе, нежели дворянинъ. Выборъ въ народные начальники, обыкновенно остается при лучшихъ и знаменитыхъ фамиліяхъ, однакожъ и самый простый поселянинъ, заслужа уваженіе своихъ согражданъ, можетъ быть выбранъ въ Капитаны Комунитата, котораго власть впрочемъ весьма ограничена.

Исторія.

Въ архивѣ Катарской хранится данная Илліріянамъ *Александромъ Македонскимъ* грамота, которою за храбрость и мужество, оказанное ими въ войнахъ сего великаго завоевателя, подарена имъ въ вѣчное и потомственное владѣніе часть земли *Аквилонской* до самыхъ полуденныхъ границъ Италіи съ тѣмъ, что коренные жители должны быть ихъ рабами (*). Хотя ученые и не могутъ согласиться въ древнихъ происшествіяхъ сей страны; но всего вѣроятнѣе кажется, что Королева *Теока*, изгнанная изъ *Илліріи* со многими приверженцами, избрала сначала для пребыванія своего то самое мѣсто, гдѣ нынѣ *Ризано*, и вскорѣ послѣ того желая удалить-

---

(*) Я имѣлъ случай читать сію древнѣйшую привиллегію Славянъ, помѣщенную въ заглавіи дипломовъ Графовъ *Ивеличей*.

ся отъ опасныхъ границъ, укрѣпилась въ *Катаро*, которую *Плиній* называетъ Римскою колоніею подъ именемъ Ascrivium. Какъ и сіе не слишкомъ достовѣрно, то станемъ говорить о новѣйшихъ происшествіяхъ. Въ *Ризано* и *Катаро* жили морскіе разбойники, которые, господствуя надъ моремъ, наводили ужасъ жителямъ береговъ. Въ 866 году *Катаро, Будуа, Ризано* и *Розе* разрушены были до основанія *Агавенами*, народомъ жившимъ въ окрестностяхъ *Кареагены*. По отшествіи сихъ варваровъ, оставшіеся жители, соединясь съ *Боснійцами*, изгнанными изъ отечества Венгерцами, построили *Катаро* и основали Республику. Въ 1115 году Король Сербскій *Георгъ* подарилъ сей Республикѣ островъ *Привлака*, что нынѣ *Страдіоти*, и мѣста, гдѣ нынѣ *Лустица, Картоли*, также долины *Зупа*. Въ 1250 году Король *Родославъ*, за приверженность къ отцу и сыну его *Симону Немейгва*, укрѣпилъ сіи мѣста Катарцамъ. При Королѣ *Урозіо* и Королевѣ *Еленѣ* въ разныя времена подарено Катарскимъ жителямъ и дворянству *верхній* и *нижній Зупа* (по Славянски *Гербаль*, т. е. равнина), *Ложица*, *Міаксъ*, *Доброта*, *Леденица*, *Біанка* и *Крушевица* до *Фіумьеры* (рѣчки, что у стѣнъ *Катаро*). Въ 1361 году Король Сербскій *Стефанъ Нейманья* укрѣпилъ грамотою право владѣнія на всѣ подаренныя прежде мѣста. Въ 1368 году, когда Сербія раздѣлилась на четыре части, то Республика, будучи

во все время подъ покровительствомъ сего Королевства, заключила союзъ съ *Лудвигомъ* I, Королемъ Венгерскимъ; въ томъ же году Венеціяне, имѣя войну съ Венгріею, взяли *Катаро* и разграбя городъ, удалились. Въ 1382 году, дочь *Лудвига* I, *Марія*, отдала Республику, *Тварку*, Королю Босніи; но по двухлѣтней войнѣ храбрые Катарцы возвратили свою свободу. Послѣ сего воевали они съ Албанскими Князьями и съ Рагузинцами. Въ 1391 году Катарцы заключили союзъ съ *Рагузою*, *Дульциньо* и *Антивари*; жители сихъ двухъ послѣднихъ городовъ были извѣстные морскіе разбойники. Въ началѣ XV столѣтія, когда Турки завоевали всѣ пограничныя провинціи, Катарцы опасаясь ихъ, добровольно отдались въ подданство Венеціянской Республики на слѣдующихъ между прочимъ условіяхъ: 1) права, вѣра и законъ остаются неприкосновенными; 2) на строеніе общественныхъ зданій и жалованье гражданскимъ чиновникамъ употреблять деньги изъ областныхъ доходовъ; 7) Венеціянская Республика не можетъ уступить ихъ другой державѣ, и естьли не въ силахъ будетъ защищать ихъ, то народъ снова остается независимымъ и властенъ избрать другихъ покровителей. Венеціяне въ точности исполнили договоръ сей; Бокезцы жили счастливо подъ ихъ правленіемъ и всегда были вѣрными ихъ подданными, Венеціяне, владѣя *Катарою*, въ разныя времена покорили *Кастель-Ново* съ тремя округами, а

Пастровичи и *Ризано*, сохраняя свои преимущества, добровольно отдались въ покровительство Венеціи. По уничтоженіи въ 1797 году Венеціянской Республики *Кампо-формійскимъ* трактатомъ, область *Боко ди Катаро* уступлена Римскому Императору, но мужественные Славяне воспротивились ему и отправили отъ себя въ Вѣну депутатовъ. Вѣнскій Кабинетъ утвердилъ всѣ ихъ преимущества, и Генералъ *Луковина* принялъ область отъ народныхъ начальниковъ *коммунитатовъ* (округовъ) на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на какихъ принадлежала она Венеціи. Въ 1804 году Французское правительство вознамѣрясь занять Черногорію, назначило для сего осмнатцатитысячный корпусъ, который долженъ былъ выдти на берегъ въ *Зупѣ* у *Будуа*. Французскіе Агенты, что бы не имѣть препятствія отъ жителей сего округа, недовольныхъ Австрійцами, увѣрили было ихъ, что на то есть воля Императора Всероссійскаго; но когда Славяне узнали отъ посланнаго къ нимъ по сему случаю въ званіи довѣренной особы Генералъ -- Лейтенанта Графа *Ивелича*, что таковаго согласія Государь Императоръ отнюдь не давалъ, то они вооружились и Французы принуждены были оставить свое коварное предпріятіе. По *Пресбургскому* миру вторично и также несправедливо область сія отдана Италіянскому Королевству или лучше сказать, Франціи; народъ вооружился, и какъ описано выше, безусловно

отдался въ вѣрноподданство Россійскому Императору. Въ 1807 году, по *Тильзитскому* миру, область сдана Французскимъ войскамъ. Въ Августѣ мѣсяцѣ 1812 года жители *Боко ди Катаро*, узнавъ о вторженіи Французовъ въ Россію, столь нечаянно и согласно напали на Французскія войска, что оныя не могши соединиться, были частію побиты, а остальныя положили ружье. По желанію жителей всѣхъ округовъ подняли они на крѣпостяхъ своихъ Россійскій Императорскій флагъ. И наконецъ по рѣшенію *Вѣнскаго* Конгресса область отдана Австріи.

Военное обозрѣніе Провинціи Боко ди Катаро.

Участь *Катаро* зависитъ отъ того, кто повелѣваетъ моремъ; безъ флота ни взять, ни удержать ее не возможно. Я уже сказалъ выше, какую превосходную военную позицію представляетъ сія провинція въ отношеніи къ политическимъ видамъ; теперь скажу сколько нужно войскъ для защиты оной и съ которой стороны взять ее можно.

2.500 Солдатъ, сколько мы тутъ ихъ имѣли, весьма недостаточно; но 6.000 егерей, пріобыкшихъ къ горной войнѣ, съ помощію Черногорцевъ и Приморцевъ, которые во время опасности могутъ выставить до 20.000 человѣкъ, въ состояніи, кажется, будутъ отразить сильнаго непріятеля такъ, что са-

мый искусный и рѣшительный Генералъ съ 50.000 человѣкъ лучшаго регулярнаго войска ничего тутъ не успѣетъ сдѣлать. — Разсмотримъ теперь возможность нападенія съ Рагузской и Турецкой границы, полагая Французовъ и Турокъ непріятелями, не имѣющими морской силы.

Со стороны Республики, *Кастель-Ново* есть самый слабый пунктъ; для чего должно отъ старой *Рагузы* сдѣлать дорогу и привезть артиллерію, которую поставивъ на высотахъ *Санъ Кьяро* и *Св. Анны*, отогнать бомбами флотъ отъ крѣпости; послѣ сего взять ее нетрудно. Отъ *Кастель-Ново* въ *Катаро* ведутъ двѣ дороги: первая идетъ по берегу, къ коему корабли, какъ и во всемъ каналѣ, могутъ приближаться на картечный выстрѣлъ, и потому войску тутъ пройти не возможно; другая дорога чрезъ долину *Камено*, деревни *Морине*, *Кривотіе*, оставя въ лѣвѣ *Леденицу*, къ *Велинце* представляетъ тропинку, удобную только для муловъ, проложенную съ горы на гору, съ утеса на утесъ и съ высоты 50 саженъ по отвѣсу въ пропасть, гдѣ не только должно подрываніемъ дѣлать дорогу для артиллеріи, но и ставить мосты для прохода людей. Отъ селенія *Велинце* въ *Катаро* остаются еще двѣ дороги: первая берегомъ *Добротою*, гдѣ также не льзя колоннамъ идти мимо кораблей, а дѣлать подъ картечнымъ выстрѣломъ дорогу для провоза артиллеріи очевидно не возможно. Послѣдняя

дорога отъ *Велинце* чрезъ высокія горы, принадлежащія Черногоріи на разстояніи пятидесяти верстъ представляетъ трудности неменьшія перехода чрезъ *Чортовъ мостъ*: тутъ должно поднимать пушки машинами, и потомъ, когда достигнешь вершины горы, лежащей противъ *Катаро*, спускаться къ деревнѣ *Скальяри* по скату въ 40 саженяхъ отъ крѣпостныхъ выстрѣловъ. Положимъ, что непріятель уже предъ *Катаро*, которая можетъ быть атакована только со стороны *Доброты*; но тутъ горы, будучи отлоги къ морю, открываютъ войска и траншеи (кои вырубать должно въ камнѣ) выстрѣламъ кораблей; и потому ясно, что осада крѣпости, защищаемой флотомъ, есть химера. Скажутъ, что нѣтъ ничего невозможнаго и приведутъ въ доказательство, что *Наполеонъ* провелъ армію и артиллерію чрезъ *Симплонъ* и *Ценисъ*. Согласенъ; но онъ тамъ дѣлалъ дорогу и все, что ему было угодно, не бывъ ни отъ кого обезпокоенъ: здѣсь же, на каждомъ шагу, принужденъ бы онъ былъ сражаться съ жителями, гораздо искуснѣйшими стрѣлками, нежели его волтижеры; при томъ мѣсто не позволяетъ воспользоваться превосходною силою или искусными маневрами; по всей дорогѣ нѣтъ воды, нѣтъ возможности жить на чужей счетъ, ибо жителямъ собственно для себя едва достаетъ продовольствія на 4 или на 5 мѣсяцовъ, а для перевозки провіанта и аммуниціи на тридцатитысячную армію по-

требно 12 или 13 тысячь муловъ и лошадей: чѣмъ же ихъ кормить? Кажется самый честолюбивый полководецъ не предприметъ такого похода, ибо и покоренiе провинцiи не принесетъ столько пользы, сколько потребуется на то жертвъ. Я не стану уже говорить, что могутъ предпринять Турки: съ нѣкотораго времени сдѣлались они очень благоразумны, а естьли бы пришла имъ охота къ завоеванiю сей провинцiи, то рѣшительно сказать можно, что 50.000 Янычаровъ положатъ тутъ свои головы.

Непрiятель, господствующiй надъ моремъ, высадивъ войска въ портѣ Трасте, поспѣшивъ занять каналъ *Ле-Катене*, можетъ, обойдя трудную дефилею у *Скало -- Санто*, осадить *Катаро* и отрѣзать сообщенiе ея съ *Кастель-Ново*. Словомъ, покорить *Катаро* гораздо легче съ моря, нежели съ сухаго пути, ибо и жители, народъ воинственный, охотно будутъ помогать тому, кто имѣетъ флотъ для защиты ихъ торговли, а тому, кто не имѣетъ, сопротивляться.

Описанiе Черногорiи.

Черногорцы, ведя безпрестанную войну съ своими сосѣдами, не впускаютъ ни одного иностранца въ свою землю. Путешественникъ, который пожелалъ бы снять мѣстоположенiе, подвергся бы опасности потерять жизнь; они почли бы его за шпiона какой либо державы, намѣревающейся завоевать ихъ.

По сей причинѣ изъ множества путешественниковъ, нѣтъ ни одного, которой бы посѣтилъ Черногорію, и нѣтъ ни одного творенія о произведеніяхъ ея, о правленіи, нравахъ и обычаяхъ жителей.

По занятіи провинціи Катарской нашими войсками, Бокезцы съ Черногорцами слились въ одинъ народъ, и прежняя вражда ихъ прекратилась. Одинъ Докторъ изъ приморцевъ, человѣкъ весьма просвѣщенный, будучи призванъ во внутренность земли для вспомоществованія больнымъ, оказалъ нѣкоторую услугу Губернатору Черногоріи и самому Митрополиту, и не упустилъ воспользоваться довѣренностію, которую внушали жителямъ его званіе, и знаніе языка. Знакомство его со мною было для меня полезно; онъ охотно сообщалъ мнѣ свои замѣчанія. Довѣренность Черногорцевъ къ Россіянамъ, мое путешествіе на горы и обращеніе съ ними во время пребыванія флота въ Адріатическомъ морѣ, доставили и мнѣ случай собрать другія свѣдѣнія, касающіяся до характера ихъ и правленія. Сличивъ замѣчанія Доктора съ своими, повѣрилъ я мои записки на мѣстѣ, и воспользовавшись показаніями Архимандрита Вуковича, природнаго Черногорца и еще нѣкоторыхъ свѣдущихъ Бокезцовъ, которые имѣли частныя сношенія и родственныя съ ними связи, особенно считаю себя обязаннымъ многими вѣрными подробностями о Черногоріи равно и Катарской провинціи, Графу П. И.

Ивеличу. При таковой помощи, будучи въ состояніи составить точное и вѣрное описаніе я осмѣливаюсь здѣсь оное предложить. Новость предмета вознаградитъ негладкость слога. Земля Черногорцевъ не представляетъ ни надписей, ни развалинъ; извѣстія о ея жителяхъ не вмѣщаютъ столь любопытныхъ предметовъ, какіе читатели находятъ въ описаніи древней Греціи; но часто полевой цвѣтокъ бываетъ столь же душистъ, какъ другой, воспитанный въ цвѣтникѣ и оранжереѣ.

Границы, пространство и число жителей.

Самое названіе Черногорія, означаетъ гористую землю. Вся провинція покрыта горами, и ограждена цѣпью высокихъ скалъ, которыя, будучи покрыты еловыми лѣсами, придаютъ имъ черный видъ, отъ чего произошло названіе Черной горы (Monte Negro). Она лежитъ между Герцоговиною и Албаніею и примыкается западною стороною къ провинціи Катарской. Нельзя точно положить пространства ея, ниже вѣрно опредѣлить число ея жителей; но приближенно можно сказать, что она имѣетъ въ окружности около 300 верстъ, 90 верстъ въ длину, 50 въ ширину, и вмѣщаетъ 500 квадратныхъ миль земли; она раздѣляется на слѣдующія пять округовъ, называемыхъ жителями Наія: 1) *Катунская*, 2) *Лешанская*, 3) *Плещинская*, 4) *Ріеч-*

кая, 5) *Черницкая*, къ онымъ въ 1796 году по разбитіи Митрополитомъ Махмуша Паши Скутарскаго; округъ 6) *Берда* отъ Герцоговины присоединился къ Черногоріи. Бердяне занимаются съ успѣхомъ земледѣліемъ, не ходятъ на грабежъ, и защищаютъ границы новаго своего отечества съ мужествомъ, заслужившимъ имъ уваженіе самихъ Черногорцевъ. Въ семъ округѣ находится большое село *Бѣлопавличи*, гдѣ каждую недѣлю бываетъ торгъ.

Черногорія единственная земля въ Европѣ, въ которой нѣтъ городовъ. Во всей области щитается 116 селеній, самое большое не имѣетъ болѣе 1000 душъ. Населеніе каждаго села щитается по числу могущихъ поднять оружіе: и такимъ образомъ во всей Черногоріи полагаютъ 15,000 воиновъ, могущихъ выйти въ поле, а какъ они ведутъ жизнь совершенно военную и носятъ оружіе съ 16 лѣтъ до глубокой старости, то умножая число воиновъ въ четверо, цѣлое народонаселеніе полагать надобно до 60,000. Увѣряютъ, что въ собственной землѣ, они могутъ выставить 30,000 оруженосцевъ.

Деревни строятся въ долинахъ и близь рѣкъ, въ коихъ вода превосходна; домы въ одинъ этажъ раздѣлены на двѣ части: въ одной половинѣ помѣщается домашняя скотина, въ другой, гдѣ посреди поставленъ очагъ безъ трубы, живетъ семейство. Стѣны складываются изъ камней просто одинъ на другой;

только для малаго числа двуэтажныхъ и монастырей употребляется известь и черепица; прочіе, будучи покрыты соломою, представляютъ бѣдные шалаши, коихъ лучшую мебель составляютъ черепы головъ и оружіе непріятелей, напоминающихъ молодымъ людямъ славу ихъ отцевъ.

Монастырь Цетине, главное мѣсто пребыванія Митрополита, окруженъ стѣною съ прорѣзами и имѣетъ нѣсколько малыхъ пушекъ. Тутъ собирается народный сеймъ. Здѣсь хранятся грамоты, данныя Черногорскому народу, при каждомъ восшествіи на престолъ нашихъ Императоровъ.

Монастырь Станевичи, подаренный Венеціанами, находится въ округѣ Побори на границѣ Черногорской; онъ также укрѣпленъ каменною стѣною съ брустверомъ, защищаемымъ пушками. Положеніе его отъ натуры неприступно. Церковь, построенная Венеціянами, украшена многими дарами Россійскихъ Монарховъ.

Климатъ.

Суровость погоды, стужа и зной мало тревожатъ народъ сей. Воздухъ свѣжъ и здоровъ; онъ очень сухъ зимою, и сіе вспомоществуя гибкости тѣла, укрѣпляетъ и содѣлываетъ Черногорцевъ способными къ перенесенію неимовѣрныхъ трудовъ. Лѣтніе жары умѣряются восточнымъ вѣтромъ, кото-

рый, начинаясь въ полдень, прохлаждаетъ и освѣжаетъ жителей. Черногорцы достигаютъ глубокой старости: я видѣлъ 70 лѣтнихъ при осадѣ Рагузы; меня увѣряли, что многіе изъ нихъ живутъ и за сто.

Болѣзни.

Болѣзни очень рѣдки между Черногорцами: они обязаны симъ своей воздержности, чистотѣ воздуха, а болѣе порядочной жизни. Они не танцуютъ по ночамъ на балахъ до утомленія; страсти ихъ не возбуждаются театральными представленіями; они не знаютъ никакихъ нашихъ прихотей модной жизни. Отъ сего многія болѣзни даже и по имени имъ неизвѣстны. Лѣченіе головной боли, простудной горячки, колотья, и другихъ болѣзней, случающихся во время походовъ ихъ, отъ ударенія солнечныхъ лучей, или отъ вѣтра, останавливающаго вдругъ испарину, оставляютъ они природѣ или употребляютъ полезныя травы и коренья. Опытъ научаетъ нѣкоторыхъ простыми средствами вылѣчивать тяжкія болѣзни, и сіе знаніе переходитъ отъ отца къ сыну. Между ими есть искусные костоправы. Лѣченіе ранъ заслуживаетъ особенное вниманіе. Къ легкимъ прикладываютъ паутину, мохъ и трутъ: къ порѣзамъ листъ плюща, или скорлупу чеснока. Къ тяжелымъ ранамъ, дѣлаютъ катаплазмъ изъ травы, извѣстной у насъ подъ именемъ Иванъ да Марья

(или иначе стѣнная трава), сжимая ее между двухъ каменьевъ; нѣкоторые посыпаютъ катаплазмъ солью, и отъ сего простаго средства раны закрываются чрезъ 15 дней. Они не знаютъ употребленія ланцета, а отворяютъ кровь, какъ у насъ лошадямъ, за ушьми и въ икрѣ ноги бритвою, Когда отъ солнечныхъ лучей болитъ голова, они пускаютъ сами себѣ кровь изъ носа, перетянувъ шею туго снуркомъ, толкаютъ въ носъ свернутою бумажкою или травою. Не взирая на грубую пищу, безпрестанныя войны, лишеніе пособій и недостатки, которымъ подвергаются въ частыхъ походахъ, они до самой смерти живутъ не чувствуя почти никакихъ припадковъ. Простая жизнь, чуждая суетъ и напряженій ума, сберегаетъ ихъ здравіе. Просвѣщенный или лучше сказать свѣтскій человѣкъ скорѣе дѣлается жертвою страстей вредныхъ ему и противныхъ природѣ. Обязанности обычаевъ, сидѣніе за науками, рѣдкое на открытомъ воздухѣ пребываніе, неумѣренность въ употребленіи жирной и лакомой пищи, излишество забавъ, прихотливость, изнѣженность, славолюбіе, стыдъ, зависть, и многія другія страсти, сильнѣе въ немъ дѣйствующія, мало по малу изнуряютъ тѣлесныя силы его. Даже самыя добродѣтели, чувствительность, сострадание, чадолюбіе обращаются во вредъ, когда при разслабленіи жилъ сильно потрясаютъ душу. Но Черногорецъ, ограниченный въ сво-

ихъ желаніяхъ, которыя удобно можетъ удовлетворить, живетъ счастливо и довольно. Когда отечество въ опасности, драгоцѣнная независимость его угрожается рабствомъ, онъ безъ размышленія поспѣшно беретъ ружье, сражается, освобождаетъ его, и тѣмъ оканчиваетъ свою заботливость. Душа его, хотя также причастна страстямъ, подвержена добродѣтелямъ и порокамъ, но не съ такою степенію чувствительности: онъ помогаетъ ближнему, но не мучится его страданіями; умираетъ за отечество, но умираетъ за него въ сраженіяхъ, а не отъ унынія или сердечнаго сокрушенія о его бѣдствіяхъ; смерть друга, потеря жены, или единственнаго сына, хотя и наводитъ ему сильную горесть, однакожъ не такую, которая бы лишала его всей душевной твердости и разруша крѣпость здравія содѣлала его жертвою сего живаго и нѣжнаго чувства. Словомъ, воспитаніе приближая его къ природѣ, которой онъ есть простое чадо, избавляетъ отъ множества болѣзней, проистекающихъ отъ образа нашей жизни и нашей чувствительности.

Произведенія.

Не взирая на частые набѣги на своихъ сосѣдей, отвлекающихъ отъ земледѣлія и при всей безплодности горъ, нѣсколько долинъ, удовлетворяютъ достаточно нуждамъ жите-

лей, производя хлѣбъ, вино, винныя ягоды, груши, яблоки, сливы, которыя превосходны, коровье масло, сыръ, кожи, шерсть, ленъ, воскъ, медъ и пр. и пр. Нынѣшній Митрополитъ, научивъ обработывать картофель, ввелъ его во всеобщее употребленіе.

Земледѣліе.

Земледѣліе ограничивается простыми пріемами, утвержденными опытомъ, и безъ улучшенія, по одной привычкѣ, пашни и сады довольно хорошо обработаны. Гдѣ нѣтъ дорогъ и земля очень гориста, работа должна быть многотрудна. Хлѣбныя поля воздѣлываютъ они киркою, а тяжести перевозятъ на лошакахъ и ослахъ. Лошади и быки очень рѣдки. Овцы, въ особенности же козы, которыхъ содержатъ въ большомъ числѣ, составляютъ главнѣйшее ихъ богатство. По неимѣнію луговъ и недостатку корма, зимою принуждены они бываютъ продавать часть домашней скотины въ Катаро, но весною, отнимая стада у своихъ сосѣдей; они всегда замѣняютъ свой убытокъ. По множеству и дешевизнѣ домашнихъ птицъ, приносимыхъ въ Катаро на рынокъ, должно заключить, что они имѣютъ ихъ очень много. Черногорскія собаки весьма уважаются въ Италіи и во всемъ Левантѣ; головы ихъ похожи на телячьи; онѣ проворны, злы и такъ смышлены,

что въ самую темную ночь по обонянію далеко слышатъ чужаго человѣка, и горе посторроннему, который бы хотѣлъ ночью тихонько пробраться въ селеніе! днемъ стерегутъ онѣ стада, и столь свирѣпы и сильны, что нападаютъ сами собою на хищныхъ звѣрей; ночью же охраняютъ деревню отъ внезапностей.

Торговля.

Степень просвѣщенія народа измѣряется успѣхами земледѣлія и торговли. Сіи два искусства подаютъ одно другому взаимную помощь, и одно ихъ соединеніе составляетъ силу и благосостояніе царствъ; но какую дѣятельность могутъ доставить торговлѣ Черногорцы, которые не терпятъ сообщенія съ изобильными областями, ихъ окружающими, и у коихъ хлѣбопашество находится въ младенчествѣ? Они имѣютъ сношенія только съ Катаро, единственнымъ мѣстомъ ихъ торговли; да и сіи заключаются въ небольшой продажѣ и еще меньшей покупкѣ. Сверхъ плодовъ, хлѣба и масла, они привозятъ Бокезцамъ, шерсть, шелкъ въ куклахъ, лѣсъ, уголья, и много соленой и копченой баранины и сыру, которые отправляются въ Тріестъ. Умѣренность Черногорцевъ сохраняетъ отъ собственнаго ихъ продовольствія большую часть сихъ произведеній. Въ обмѣнъ получаютъ они ружья, пистолеты, свинецъ,

порохъ, ножи и ятаганы, черепицу, коею зажиточные покрываютъ крыши своихъ домовъ, желѣзные инструменты, писчую бумагу, соль, глиняные горшки, простую стеклянную посуду; еще покупаютъ они пестрые лоскутья ситцу или шелковые платки, красныя шапочки, Венеціянской бисеръ для женщинъ, и другія мѣлочныя вещи. Вотъ чѣмъ ограничивается вся ихъ торговля, которой выгоды всегда въ ихъ пользу и постоянно одинаковы съ давняго времени. Изъ сего заключить можно, что золото скопляется со дня на день въ ихъ землѣ и что тотъ, коего платье бѣдно, имѣетъ небольшое сокровище, которое не обращаясь лежитъ зарыто въ углу его дома. Торгъ производится мѣною или наличными деньгами, способъ самый простый и вѣрный; ибо опасаяся обмана, они никогда не заключаютъ договоровъ съ людьми мало имъ извѣстными. Жители коммунитата Доброты заслужили ихъ довѣренность; они берутъ отъ нихъ напередъ деньги или товары и обязуются доставлять въ приличное время, хлѣбъ, рыбу или другіе припасы, и вѣрно держатъ данное слово. Обыкновенно они имѣютъ таковыя сношенія съ кумовьями и крестными братьями (*); сіе дальнее родство дѣлаетъ условія ихъ священными и

(*) Въ залогъ дружбы они мѣняются крестами, и сіе называется между ими *побратемо*, то есть крестный братъ, почитаемый не менѣе роднаго.

ненарушимыми. Кромѣ мѣлкой Турецкой монеты, Венеціянскихъ червонцевъ и Австрійскихъ серебряныхъ талеровъ, они не берутъ никакихъ другихъ денегъ.

Науки, ремесла и языкъ.

Черногорцы совершенные невѣжды. Умѣющіе читать и писать почитаются между ими людьми учеными. Высшее духовенство и тѣ дворяне, кои служили въ Россійской арміи довольно свѣдущи. Кромѣ священныхъ книгъ, печатаемыхъ въ Кіевѣ, они не читаютъ никакихъ другихъ. Свободныя ремесла, кромѣ небходимыхъ въ жизни, также вовсе имъ неизвѣстны, ибо предметы роскоши становятся не нужными въ трубомъ образѣ жизни, какую ведутъ они, подобно самымъ необразованнымъ народамъ. Въ каждомъ домѣ изъ собственной шерсти и льну дѣлается толстое сермяжное сукно и холстина. Одежда ихъ не подвержена непостоянству модъ: она всегда проста и одинакова, почему и не трудятся они для обработыванія другихъ издѣлій, имъ излишнихъ. Имѣя необходимое, зная отчасти кузнечное и слѣсарное мастерство, служащее для починки ружей, они живутъ въ совершенномъ невѣдѣніи другихъ Искуствъ и Художествъ. Женщины суть лучшіе ихъ ремесленники. Черногорцы, удержавъ вольность свою и имѣя мало собщенія съ

иноземцами, сохранили въ полной чистотѣ коренной Славянскій языкъ. Выговоръ ихъ мягче и пріятнѣе нежели Сербовъ, Кроатовъ и Далматовъ, ибо первые мѣшаютъ Славянскія слова съ Турецкими, вторые съ Нѣмецкими, а послѣдніе съ Италіянскими. Пишутъ они церковными буквами.

Правленіе.

Черногорія есть Республика, въ коей равенство поддерживается бѣдностію, вольность храбростію, законъ замѣняется обычаемъ. Сія малая область представляетъ образъ правленія безъ печатныхъ уставовъ. Черногорцы, не платя ни какихъ податтей, не собирая общественной казны, управляются сами собою, и живутъ покойно и щастливо. Правленіе Черногоріи можно назвать народнымъ и избирательнымъ. Сеймъ или сборъ Главарей есть драгоцѣннѣйшій залогъ ихъ независимости; на ономъ рѣшится миръ, война и большинствомъ голосовъ избираются какъ самъ Митрополитъ, такъ Губернаторъ и 4 Сердаря или военачальника. Вотъ какъ это дѣлается: когда соберутся на обширный лугъ, находящійся при монастырѣ Цетинѣ, Митрополитъ излагаетъ нужду объявить войну, заключить миръ или сдѣлать какое либо постановленіе, и спрашиваетъ, согласны ли они или нѣтъ. Священники и Главари, разошедшись по толпамъ, повторя-

ютъ предложеніе слово въ слово. Начинается безпорядочный шумъ; народъ разсуждаетъ, толкуетъ, споритъ, но никогда не случалось, чтобъ подобно другимъ народнымъ депутатамъ, рубили тутъ уши и носы. Звонъ колокола повелѣваетъ замолчать, и какъ бы споръ ни былъ силенъ, но при первомъ звукѣ настаетъ совершенная тишина. Митрополитъ опять спрашиваетъ, чѣмъ они рѣшили, и согласны ли на предложеніе. Обыкновенно слѣдуетъ отвѣтъ: буди по твоему, владыко! (такъ они называютъ Митрополита). Достоинство Владыки и Губернатора сдѣлалось наслѣдственнымъ; ибо уваженіе, которымъ они пользуются, число ихъ доброжелателей и частію искательство, доставляютъ сіе званіе и дѣтямъ ихъ или родственнику, которому они хотятъ передать свой санъ. Такимъ образомъ въ фамиліи Петровичей и Радоничей, уже съ давняго времени утвердилось сіе званіе. Сердари избираются на жизнь, и весьма уважаются по тому, что въ нихъ предполагается храбрость и искуство, доказанныя опытами во многихъ сраженіяхъ. Чинъ сей не можетъ сдѣлаться наслѣдственнымъ, ибо каждый Черногорецъ, почитая себя храбрымъ, ищетъ его. Князья или Главари деревень избираются старѣйшинами семействъ; иногда и сіи удерживаютъ титла для дѣтей своихъ, естли они того достойны и будутъ выбраны. Князья сіи, имѣя пышный титулъ, не болѣе какъ наши деревен-

скіе старосты или выборные. Губернаторы, Сердари, не имѣютъ ни почестей, ни какихъ преимуществъ, ни какого знака отличія или вознагражденія, и малое имѣютъ вліяніе на правленіе; они приглашаются посредниками въ легкихъ ссорахъ, и участвуютъ на Сеймахъ; ибо безъ согласія ихъ, какъ народныхъ представителей, не можетъ быть рѣшено ни какое постановленіе. Верховная, духовная и гражданская власти перешли въ руки Митрополита; но единственно потому, что онъ заслужилъ оныя своимъ просвѣщеніемъ, а болѣе мужествомъ и твердостію; ибо, въ противномъ случаѣ, власть его содѣлалась бы ничтожною, и народъ будучи чѣмъ либо не доволенъ, не сталъ бы ему повиноваться. Изъ сего должно заключить, что правленіе нынѣшняго Владыки справедливо и кротко. Образъ внутренняго гражданскаго правленія, сходствуетъ совершенно съ древнимъ Патріархескимъ: старѣйшины или отцы семействъ имѣютъ полную власть надъ своими домочадцами. Здѣсь нѣтъ наслѣдственнаго дворянства, всѣ имѣютъ равныя преимущества и послѣдній Черногорецъ можетъ быть на время Княземъ, Сердаремъ и Губернаторомъ. Однакоже тѣ изъ нихъ, кои за службу получили дворянство отъ Сербскихъ Королей или занимали должность представителей народныхъ, хотя и не имѣютъ дипломовъ и ни какихъ

преимуществъ; но происходя отъ отцевъ, почтенныхъ титломъ, всюду дающимъ достоинство дворянства и соединенныя съ онымъ права, по справедливости должны быть признаваемы за благородныхъ.

Законы.

Подъ словомъ законы я разумѣю то, что замѣняетъ оные. Здѣсь нѣтъ ни Судей, ни Прокуроровъ, ни Стряпчихъ, и можетъ быть къ удивленію многихъ долженъ сказать, *нѣтъ* ни какихъ *тяжебъ*. Собственность переходитъ по наслѣдству къ дѣтямъ мужескаго пола: старшій получаетъ домъ и заведенія, младшій выбираетъ лучшую часть земли; они никогда не продаютъ ее, живутъ обыкновенно вмѣстѣ, хозяйство имѣютъ общее; обычай замѣняетъ завѣщаніе и каждый благоговѣйно соблюдаетъ достояніе отцевъ своихъ. Окруженные непріятелями, знаютъ, что согласіе составляетъ ихъ силу, и потому ссоры у нихъ рѣдки. Славные своимъ грабительствомъ у непріятелей, воровство въ своей землѣ почитаютъ безчестнымъ, и преступленій сего рода почти никогда не бываетъ. Въ случаѣ же кражи, они прибѣгаютъ къ священнику, который послѣ обѣдни, зажегши свѣчу чернаго воска, требуетъ возвращенія покраденныхъ вещей, и угрожаетъ проклятіемъ. Вѣра у сего неразвратившагося народа такъ сильна, что при третьемъ провозглашеніи, большая

часть виновныхъ падаетъ на колѣни и признается. Кромѣ публичнаго покаянія, не налагается на нихъ никакого наказанія; но общественнымъ мнѣніемъ лишается онъ уваженія; его бѣгаютъ какъ язвы, и даже семейство его теряетъ къ нему довѣренность. Преступникъ, утративъ честь, впадаетъ въ уныніе, и обыкновенно самъ себя убиваетъ, или оставляетъ домъ и отечество.

Черногорцы, какъ и Бокезцы, весьма чувствительны къ чести, злобны и мстительны. Хвастливость ихъ не уступаетъ Французскому самохвальству. Всякая ссора начинается бранью, а кончится тѣмъ, что они стрѣляютъ другъ въ друга изъ ружья или рубятся на сабляхъ. У нѣкоторыхъ приморцевъ, болѣе просвѣщенныхъ, предупреждая непріятеля вызываютъ его на смертельный поединокъ. У Черногорцевъ же, если одинъ будетъ убитъ или раненъ, родня отмщаетъ за него, что они называютъ *кровь за кровь*. Если не могутъ убить явно, то подъ видомъ дружбы всякою хитростію стараются достигнуть своей цѣли. Вдова убитаго хранитъ кровавую рубаху, дабы сына своего, когда онъ возмужаетъ, подвигнуть къ мщенію, и какъ случается, что убійца оставляетъ свое Отечество, то мстятъ на его ближнемъ. Сей невинный находитъ новыхъ мстителей; такимъ образомъ вооружаются цѣлыя селенія, и тогда ни Губернаторъ, ни самъ Владыка

не въ силахъ остановить кровопролитія. Обычаи сіи напоминаютъ тѣ варварскія времена 11 и 12 столѣтій, когда право сильнаго почиталось справедливостью, а не преступленіемъ, и когда люди, не слѣдовавшіе сему обычаю, предавалися презрѣнію. Но сіи кровопролитія не слишкомъ часты; они предупреждаются слѣдующимъ способомъ, который также служитъ и въ другихъ ссорахъ: обѣ стороны посылаютъ переговорщиковъ для установленія суда, что они называютъ *послать на вѣру*. Согласившись на миръ, избираютъ посредниковъ поровну съ каждой стороны. Число ихъ по доброй волѣ простирается отъ 10 до 40. Судьи сіи соединившись выслушиваютъ истца и отвѣтчика, освѣдомляются подробно о дѣлѣ и считаютъ выстрѣлъ ружья или ударъ саблею не по вреду, который онъ причинилъ, но по тому, какой бы онъ могъ сдѣлать, и по здравомъ сужденіи и разбирательствѣ, произносятъ торжественный приговоръ, неподверженный ни какой апелляціи. Виновный осуждается заплатить денежную пеню; за одну рану 10 червонныхъ, за двѣ 20, а за убійство 120 червонныхъ; но если преступникъ не въ состояніи внести таковую сумму, то за раны платятъ только то, чего стоило лѣченіе; а за убійство подносятъ обиженному подарки, состоящіе въ оружіи и лучшей одеждѣ. Въ смертоубійствѣ, для доставленія большаго удовлетворенія, заставляютъ преступника оказать

уничижительное смиреніе, или, такъ сказать, просить публично прощенія. Для сего судьи и присутствующіе составляютъ большой кругъ, въ средину коего осужденный, имѣя повѣшенное на шеѣ ружье, саблю или кинжалъ, долженъ ползти на колѣняхъ къ стопамъ оскорбленнаго, который, снявъ съ него оружіе, поднимаетъ и обнявъ его, говоритъ: „Богъ тебѣ проститъ!" Присутствующіе кликами радости поздравляютъ примирившихся и два соперника послѣ сего искренно позабываютъ свою вражду. По примиреніи, виновный угощаетъ всѣхъ судей и несетъ издержки сего пышнаго праздника. Должно замѣтить, что при подобныхъ сужденіяхъ (которыя они называютъ *кровавое коло* или кровавый судъ) нѣтъ лицепріятія: тутъ деньги не могутъ подписать приговора, ибо страхъ мести, какъ бы кто ни любилъ оныхъ, по неволѣ заставитъ быть безпристрастнымъ.

Мужъ, убившій преступную жену, точно такъ какъ и пойманнаго вора, не подлежитъ законному наказанію; если же, по разбирательствѣ между родными, окажется она невинною, онъ платитъ кровь за кровь отцу или брату, или и его убиваютъ. За убійство женщины, по примиреніи, сдѣлавъ уничижительный приговоръ, не платятъ кровавой дани. Дѣвица, прежде замужества родившая, *побивается каменьями*, и отецъ или братъ бросаетъ первый камень, а соблазнитель разстрѣливается своими ближними. Въ тяжбѣ

гдѣ требуется 12 свидѣтелей, за недостаткомъ сего числа, должно подвергнуться *водяной пробѣ*, или отступиться отъ дѣла. Для сего кусокъ раскаленнаго желѣза, брошеннаго въ котелъ кипящей воды, должно достать обнаженными руками.

Императоръ ПАВЕЛЪ I повелѣлъ учредить постоянное судилище подъ именемъ *Кулукъ*, состоявшее изъ 60 избранныхъ старцевъ, и опредѣлилъ имъ на жалованіе 2.000 червонныхъ. Почетные сіи судьи должны были разбирать всѣ гражданскія и уголовныя дѣла, но какъ съ одной стороны судьи, получающіе жалованіе, производили въ другихъ зависть, и искательство сихъ мѣстъ причиняло безпорядки, а съ другой и подсудимые, привыкшіе по своему желанію выбирать себѣ судей, не соглашались подвергнуться сужденію Кулука, то оное верховное судилище, по приказанію Императора, на другой же годъ уничтожено.

Вѣра.

Черногорцы прибѣжны къ Богу. Вѣра ихъ проста и искрення; они не пропускаютъ праздника, чтобъ не быть въ церкви, не предпринимаютъ никакого дѣла, не перекрестившись, и хотя не многіе знаютъ читать *отче нашъ* но слѣпо исполняютъ долгъ Христіанина. Молитва, милостыня и примиреніе съ врагами предъ святымъ причастіемъ, суть

добродѣтели, довольно уже смягчившія ихъ дикой нравъ. Посты строго ими наблюдаются. При умѣренномъ образѣ жизни, оные для нихъ не затруднительны. Обряды богослуженія Греческой вѣры тѣже самые, что и у насъ; они не уважаютъ образовъ, писанныхъ на холстинѣ и стѣнахъ, кажется единственно по тому, что такіе употребляются Католиками. Притѣсненіе Греческаго исповѣданія въ Катаро, и (едвали вѣроятный) поступокъ Католиковъ, которые, какъ говорятъ они, за сто лѣтъ предъ симъ, въ Рагузѣ, въ праздникъ Пасхи, зажгли Греческую церковь, въ коей погибли всѣ бывшіе у заутрени, питаютъ сію вражду.

Праздникъ Рождества.

Изъ числа церковныхъ торжествъ, которые вообще сходны съ нашими, обрядъ, бывающій у нихъ на праздникъ Рождества Христова, относится къ самой отдаленной древности, и, кажется, сохранился отъ первыхъ Христіанскихъ временъ. На канунѣ, каждое семейство при закатѣ солнца, приготовляетъ толстое дубовое бревно, мѣстами разщепленное и украшенное лавровыми вѣтками. Старѣйшина съ своими домочадцами кладетъ полѣно на очагъ, и когда оно загорится, льетъ масло и вино, и бросаетъ горсть соли и муки на огонь; потомъ, засвѣтивъ онымъ свѣчи и лампаду предъ иконами, молитъ о

благоденствіи своего семейства и всѣхъ Христіанъ. Послѣ беретъ кубокъ вина, отвѣдываетъ немного, подаетъ старшему сыну, сей передаетъ другому; и кубокъ обходитъ вокругъ безъ различія пола, — обстоятельство особенное, ибо женщины, исключая церковныхъ обрядовъ, не допускаются въ сообщество мущинъ. Сія Патріархальная молитва показываетъ вѣру ихъ къ небесному промыслу, и ожиданіе изобилія плодовъ земныхъ. По окончаніи обряда мущины выходятъ на высоту, стрѣляютъ изъ ружей, и громкимъ голосомъ возвѣщаютъ начало торжества. Въ сіе время зритель поражается звуками выстрѣловъ и кликами; *Христосъ родися!* Въ одно время въ каждомъ селеніи и во всей Черной горѣ, начинается стрѣльба. Послѣ сего садятся за сытый столъ, посреди коего положены одинъ на другой три хлѣба въ видѣ сахарной головы, на вершинѣ которой втыкаютъ зеленую лавровую вѣтвь съ апельсиномъ или яблокомъ. Предъ каждымъ мущиною положенъ сдѣланный или вырѣзанный изъ хлѣба лукъ со стрѣлою, готовою летѣть. Старожилы даютъ сему разное значеніе, но вѣроятно, что лукъ знаменуетъ, подвиги ихъ предковъ, а лавръ пріобрѣтенную ими славу. Праздникъ продолжается восемь дней, въ продолженіе которыхъ, какъ и во время Пасхи, столъ, сдѣланный изъ настланной соломы, не снимается, яствы готовы для угощенія посѣтителей, странника и бѣдного. Въ сіи дни Черно-

горецъ оставляетъ воздержность, не думаетъ о будущемъ, забываетъ настоящее, забываетъ самаго себя и издерживаетъ столько, сколько было бы ему достаточно на многіе мѣсяцы. Браки и крестины доставляютъ новыя, не столь пышныя пиршества, но въ Рождество и бѣднѣйшій, дабы удовлетворить издержкамъ, продаетъ что нибудь; даже трауръ отъ того не освобождаетъ; вся разность въ томъ, что печальное семейство не стрѣляетъ изъ ружей, и не выходитъ изъ дому посѣщать друзей своихъ.

Духовенство.

Монаховъ въ Черногоріи весьма мало. Они ведутъ строгую, совершенно затворническую жизнь. Въ сей санъ посвящаются особы изъ именитѣйшихъ гражданъ; они занимаются ученіемъ, довольно просвѣщены, ибо надѣются достигнуть Митрополитскаго достоинства, и участвуютъ на сеймѣ въ выборѣ Владыки. Они раздѣляются по 4 монастырямъ, находящимся въ Цетинѣ, Станевичахъ, Берчели и на рѣчкѣ Черницѣ. Свѣтское духовенство едва умѣетъ читать и совершать службу, и въ одеждѣ не различается отъ народа. Священникъ, входя въ церковь, снимаетъ на паперти свое оружіе, и берется за него первый при кликѣ: кто есть витязь! Они отличаются храбростію, и по тому большею частію, по избранію своихъ прихожанъ, начальству-

юшъ отрядами. Священники, кромѣ сана, весьма уважаемаго, не имѣюшъ ни какихъ посшороннихъ доходовъ, а довольствуюшся своимъ досшояніемъ, и никогда не отдѣляюшся отъ своего семейсшва.

Епархія.

Достовѣрные писашели полагаюшъ основаніе здѣшней Епархіи въ 14 сшолѣшіи. Одни приписываюшъ оное Императору Стефану изъ дома Нейманья, другіе Стефану Королю Сербіи, который, дабы имѣть въ сшранѣ сей болѣе приверженцевъ, возвелъ Архіепископство Пешинское на степень Митрополіи, зависящей отъ Пашріаршества Константинопольскаго. Римскіе писашели увѣряюшъ, что Македоній, одинъ изъ Греческихъ Епископовъ, въ 1640 году написалъ покорную грамоту Папѣ Урбану VIII, но не видно, чтобы онъ, ниже пріемники его искали соединенія съ западною церковью. Напрошивъ, независимость Черногорскихъ Митрополитовъ явсшвуешъ и изъ того, что въ 1720 году, во время посвященія одного изъ нихъ, Султанъ послалъ своего Чауша, засвидѣтельствовать ему свое уваженіе и увѣрить въ своемъ доброжелательствѣ. Нынѣшній Митрополитъ, покровительствуемый Императрицею ЕКАТЕРИНОЮ II, умѣлъ склонить Іосифа II, къ утвержденію духовной своей независимости. Петръ Петровичь получаетъ отъ Двора на-

шего значительное вспомоществованіе; прочіе его доходы, состоящіе въ приношеніяхъ и сборахъ съ его собственнаго имущества, могутъ простираться до 40 или 50.000 рублей.

Нынѣшній Митрополитъ.

Вліяніе Митрополита Черногорскаго на Славянскіе народы Сербіи, Босніи, Герцоговины и Далмаціи, содѣйствіе его съ нашими войсками въ войнѣ противу Французовъ, сдѣлаютъ, можетъ быть, подробности о немъ занимательными.

Петрб Петровичь родился въ 1753 году, въ селеніи Негушъ близъ Катаро. Съ малолѣтства назначенный быть главою Республики онъ воспитывался въ С. Петербургѣ въ Невскомъ Монастырѣ; сіе воспитаніе, при природныхъ дарованіяхъ, сдѣлало его достойнымъ сего сана. Проходя всѣ чины духовнаго званія, въ 1777 году, въ Вѣнѣ, онъ былъ принятъ Императоромъ Іосифомъ II благосклонно, и въ томъ же году въ Карловицѣ посвященъ въ Митрополиты. Отправясь изъ Вѣны въ С. Петербургъ, хотя вспомоществуемъ былъ Аббатомъ Долчи и Рагузинскимъ Графомъ Зановичемъ, но предложенія его не имѣли успѣха. Въ другой же разъ при дворѣ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ былъ онъ принятъ съ отличнымъ вниманіемъ. При вторичномъ возвращеніи изъ Петербурга, во время Турецкой войны

1789 года, онъ сдѣлалъ диверсію въ Босніи и Герцоговинѣ, а въ 1788 году вліяніемъ и внушеніями отвлекъ войска Паши Скутарскаго, отъ участія въ войнѣ противу Россіи. Сія преданность обратила на него милости Императрицы. Славное разбитіе Магмута, Паши Скутарскаго, еще болѣе сдѣлало его извѣстнымъ. Императоръ ПАВЕЛЪ I, также былъ къ нему милостивъ и украсилъ его орденомъ Св. Александра Невскаго. Въ семъ 1806 году наиболѣе, ему обязаны приведеніемъ въ подданство жителей Каттаро. Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I, кромѣ многихъ щедрыхъ подарковъ, за отличную его храбрость, при защищеніи Каттарской области оказанную, пожаловалъ ему богатый клобукъ Митрополита.

Петръ Петровичь не малаго роста, имѣетъ станъ стройный, лице румяное, видъ привлекательный, наружность важную и глаза исполненные живости. Я имѣлъ случай видѣть его при въѣздѣ въ Каттаро, когда онъ былъ въ церкви, на вахтъ-парадѣ, при осмотрѣ укрѣпленій и въ домѣ Губернатора Генерала Пушкина; видѣлъ его въ санѣ первосвященника, владѣтельнаго Князя, Генерала, Инженера, обходительнаго придворнаго, и могу сказать, онъ не похожъ на *Петра пустынника*, собравшаго воинство кресtоносныхъ рыцарей, онъ одинъ въ свѣтѣ Архіерей, согласующій въ себѣ достоинства, столь противоположныя пастырскому жезлу. Въ церкви, когда съ важностію сѣлъ на пріуготово-

вленный ему шронъ, онъ былъ Царь. Въ домѣ у Генерала, черное бархашное полукафшанье, подпоясанное богашымъ кушакомъ, на коемъ висѣла сабля, украшенная драгоцѣнными каменьями, круглая шляпа и Александровская ленша чрезъ плечо, предсшавляли его болѣе Генераломъ, нежели Мишрополишомъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ съ большею ловкосшію повелѣвалъ предъ фроншомъ на вахшъ-парадѣ и при осмошрѣ посшовъ крѣпосши, нежели съ небольшою уклонкою благословлялъ подходившихъ къ нему офицеровъ. Онъ всегда окружаешъ себя многочисленною свишою; вишязи его или гвардія насшоящіе исполины, чудобогашыри; самый меншій изъ нихъ не менѣе 2 аршинъ 12 вершковъ; впереди шелъ великанъ росшу 3 аршинъ; оружіе ихъ блесшишъ золошою насѣчкою, перламушомъ и коралами; одежда вся обшиша позуменшомъ и залиша серебромъ. Пешръ Пешровичъ говоришъ по Ишаліянски, по французски и по Руски, шочно какъ на своемъ природномъ Славянскомъ языкѣ, но по своей полишикѣ и сану полагаешъ приличнѣйшимъ употреблять въ публичныхъ переговорахъ, для первыхъ двухъ, переводчиковъ. Онъ чуждъ предразсудковъ и суевѣрія, любишъ просвѣщеніе, находишъ удовольсшвіе бесѣдовашь съ иносшранцами, внимашельно наблюдаешъ ходъ полишическихъ происшесшвій въ Европѣ, умѣешъ пользовашься обсшояшельсшвами и искусно вывершывается изъ шрудныхъ дѣлъ. Пушешесшвія его,

просвѣщеніе и природная острота придаютъ разговору его ясность и пріятность, а обхожденію самую тонкую вѣжливость и важность. Умъ его въ безпрестанной дѣятельности; властолюбіе управляетъ всѣми его дѣяніями и помышленіями. По всему кажется, что онъ весьма расположенъ къ завоеваніямъ. Политическія и военныя его дарованія и духъ его народа моглибы обнадежить въ успѣхѣ, еслибы онъ былъ въ состояніи пріучить Черногорцевъ къ подчиненности, безъ которой и храбрость ихъ безполезна. Возвышеннымъ умомъ, мужествомъ и твердостію, онъ сдѣлался царствующимъ самовластнымъ Владыкою. Воля его почитается закономъ, и Черногорцы слѣпо ему повинуются; они боятся его взора, и исполняя его приказаніе, говорятъ: „*тако Владыка заповѣда*“ Такимъ образомъ соединивъ въ себѣ гражданскую и духовную власть, онъ сдѣлалъ много добра своему отечеству и прекратилъ частыя смертоубійства и буйства. Впрочемъ власть его кротка: непослушныхъ предаетъ онъ проклятію, и если въ это время умираетъ кто нибудь скоропостижно, то легковѣрный народъ говоритъ: гнѣвъ Божій поразилъ его: конечно онъ былъ виновенъ!“ Венеціяне и Австрійцы, не признавали его Владыкою Цетинскимъ, Скандерійскимъ и приморскимъ, то есть Митрополитомъ Черногорскимъ, Албанскимъ и Бокезскимъ, можетъ быть по тому, что послѣднія двѣ области не принадлежали ему; но онъ влі-

яніемъ духовной своей власти умѣлъ привести ихъ въ опасеніе, заставить уважать санъ свой и искать его дружбы и расположенія Во время войны онъ лично предводительствуетъ войсками, и почитается столь же искуснымъ политикомъ, какъ и Генераломъ.

Образъ Черногорской войны и ихъ тактика.

Черногорецъ всегда вооруженъ: въ самыхъ мирныхъ занятіяхъ, онъ имѣетъ при себѣ ружье, пистолеты, ятаганъ и сумку съ патронами. Ношеніе оружія на Востокѣ почитается знакомъ отличія и принадлежностію независимости. Въ свободное время упражняются Черногорцы въ стрѣляніи въ цѣль и пріучаются къ оному съ младенческихъ лѣтъ. Даже въ играхъ и увеселеніяхъ ихъ, виденъ воинскій духъ. Безспорно отъ всѣхъ признаются они искуснѣйшими стрѣлками. Привыкши къ трудамъ и недостатку, съ веселостію и безъ утомленія дѣлаютъ *Суворовскіе* марши; опираясь на конецъ длиннаго своего ружья, перепрыгиваютъ широкіе рвы и переходятъ такія пропасти, гдѣ для другихъ войскъ должно бы строить мосты; съ легкостію восходятъ на неприступныя скалы; терпѣливо сносятъ голодъ, жажду и всякія нужды. Когда непріятель разбитъ и ретируется, они обгоняютъ его такъ скоро, что

симъ замѣняютъ конницу, которой въ здѣшнихъ горахъ имѣть не возможно.

Подобно Мальтійскимъ Кавалерамъ, ведутъ они вѣчную войну съ Турками. Обитая въ горахъ, представляющихъ на каждомъ шагу трудныя дефилеи, гдѣ горсть храбрыхъ можетъ остановить цѣлую армію, они не боятся нечаяннаго нападенія, ибо всегда по границѣ стоятъ на стражѣ и въ 24 часа всѣ воины могутъ собраться на мѣсто угрожаемое. Естьли непріятель силенъ, они жгутъ села, истребляютъ свои поля и заманиваютъ его въ горы, гдѣ окруживъ, нападаютъ съ отчаянною храбростью. Черногорцы въ опасности отечества забываютъ личность, свою пользу и частныя вражды, повинуются начальникамъ, и какъ мужественные республиканцы, почитаютъ счастіемъ, Божескою милостію, умереть въ сраженіи. Здѣсь они являются истинными воинами, внѣ отечества дикими варварами, предающими все огню и мечу. Понятіе ихъ о войнѣ совершенно различествуетъ отъ правилъ, принятыхъ просвѣщенными народами. Они рѣжутъ головы непріятелямъ, попавшимся въ руки ихъ съ оружіемъ въ рукахъ и даютъ пощаду только тѣмъ, кои прежде сраженія добровольно отдаются. Отнятое имущество почитаютъ своею собственностію и наградою храбрости. Сами же сражаются, въ полномъ смыслѣ слова, до послѣдней капли крови. Никогда Черногорецъ не проситъ пощады; если же онъ тяжело

раненъ и не можно спасти его отъ рукъ непріятеля, то товарищи отрѣзываютъ ему голову. При нападеніи на Клобукъ, небольшой нашъ отрядъ принужденъ былъ отступить. Одинъ изъ Офицеровъ, дородный и уже въ нѣкоторыхъ лѣтахъ, упалъ на землю, изнуренный усталостію. Въ сію минуту прибѣгаетъ къ нему одинъ Черногорецъ и вынувъ свой ятаганъ, говоритъ ему: „Ты очень храбръ и желать долженъ, чтобы я отрѣзалъ тебѣ голову. Сотвори молитву, перекрестись.... Пораженный удивленіемъ и ужасомъ Офицеръ собираетъ силы, и съ помощію того же Черногорца, скоро догоняетъ своихъ. Всѣхъ попавшихся въ плѣнъ почитаютъ уже убитыми. Раненыхъ своихъ выносятъ изъ сраженія на плечахъ, и къ чести Черногорцевъ должно сказать, что такимъ образомъ спасали они нашихъ Офицеровъ и солдатъ. Подобно Черкесамъ, малыми партіями единственно для отнятія скота дѣлаютъ они безпрестанные набѣги, и почитаютъ это *молодечествомъ*. Въ сихъ стибкахъ ни одинъ изъ сосѣдей сравниться съ ними не можетъ. Будучи безопасны въ своихъ жилищахъ, гдѣ уже съ давняго времени никто не осмѣливается ихъ безпокоить, они безнаказанно продолжаютъ грабительства, пренебрегаютъ угрозами Дивана и ненавистью своихъ сосѣдей; словомъ, имя Черногорца наводитъ ужасъ.

Оружіе, небольшой хлѣбъ, сыръ, чеснокъ, немного водки, старое платье и двѣ пары

сандалій изъ сыромятной кожи составляютъ весь багажъ Черногорцевъ. Въ походѣ не ищутъ они защиты ни отъ солнца, ни отъ холода. Во время дождя Черногорецъ, завернувъ голову *струкою* (суконная шаль) на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоитъ, свернувшись въ клубокъ, ничкомъ и стоя на колѣняхъ, имѣя ружье подъ собою, спитъ весьма покойно. Три, четыре часа ему достаточны для подкрѣпленія силъ, прочее время безпрестанно ночь и день нападаетъ. Ихъ никогда не можно удержать въ резервѣ; кажется они не могутъ сносить виду непріятеля. Когда разстрѣляютъ патроны, то съ покорностію просятъ ихъ у всякаго встрѣчающагося съ ними Офицера; а получивъ оное и браня Бонапарте, стремглавъ бѣгутъ въ переднюю линію. Если непріятеля не видно, то они поютъ и пляшутъ, или занимаются грабежемъ, въ чемъ (должно отдать имъ справедливость) они весьма искусны, хотя и не знаютъ пышныхъ названій: *Контрибуція*, *реквизиція*, *насильственные займы* и тому подобное. Грабежъ называютъ они просто грабежемъ и отнюдь въ томъ не запираются.

Вотъ какъ сражаются сіи нерегулярныя войска: Будучи въ превосходномъ числѣ, не прежде нападаютъ скрытою силою, какъ употребивъ хитрость. Для сего скрываются въ оврагахъ и высылаютъ только малое число стрѣлковъ, которые отступая, заводятъ въ засаду, гдѣ окруживъ непріятеля, предпочи-

шаюшъ бѣлое оружіе, поелику сила и отважность дѣлаютъ успѣхъ для нихъ болѣе надежнымъ. Если же они слабѣе, то выбираютъ выгодное положеніе на высокихъ скалахъ, откуда, произнося всякаго рода ругательства, вызываютъ на бой. Большею частію нападаютъ они ночью, ибо система ихъ есть нечаянность. Впрочемъ, какъ бы они малочисленны ни были, стараются утомить непріятеля безпрестаннымъ сраженіемъ. Читатель послѣ увидитъ, что лучшіе Французскіе волтижеры, на передовыхъ постахъ всегда были истребляемы, и непріятельскіе Генералы нашли удобнѣйшимъ, стоять подъ защитою пушекъ, которыхъ Черногорцы не жаловали. Однакожъ скоро къ онымъ привыкли, и съ подкрѣпленіемъ нашихъ егерей смѣло всходили на батареи. Тактика Черногорцевъ ограничивается мѣткою стрѣльбою. Небольшой камень, яма, дерево укрываетъ ихъ отъ непріятеля. Стрѣляя большою частію съ земли, берегутъ они себя, и вѣрный, скорый ихъ выстрѣлъ, несетъ смерть въ сомкнутые ряды регулярныхъ войскъ. Сверхъ того они отличаются хорошимъ глазомѣромъ, умѣютъ пользоваться мѣстоположеніемъ, и какъ сражаются обыкновенно отступая назадъ, то Французы, почитавшіе сіе трусостію, всегда обманывались и попадались въ засады. Напротивъ того, они такъ осторожны, что самые хитрые маневры обмануть ихъ не могутъ. Они слышатъ непріятеля, такъ сказать, по

обонянію и усматриваютъ его тогда, когда едва только можно разсмотрѣть движеніе его въ зрительную трубку. Чрезвычайная дерзость ихъ торжествовала надъ искуствомъ опытныхъ Французскихъ воиновъ. Нападая на колонны съ фланговъ и фронта разсѣянно и слѣдуя внушенію личной смѣлости, они не боялись ужаснаго батальнаго огня Французской пѣхоты. Генералъ *Лористонъ* желалъ двухъ Черногорцевъ, попавшихся въ плѣнъ, отправить въ Парижъ на показъ; но одинъ изъ нихъ разбилъ себѣ голову объ стѣну, а другой уморилъ себя голодомъ.

Изъ сего заключить можно, что Черногорцы, внѣ горъ своихъ, не могутъ противустоять регулярнымъ войскамъ единственно по тому, что предавъ все огню, они не долго могутъ быть въ полѣ. Храбрость ихъ въ содѣйствіи съ нашими войсками и плоды побѣды терялись отъ ихъ безпорядка. При осадѣ Рагузы не можно было узнать, сколько ихъ было подъ ружьемъ, ибо безпрестанно одни уходили домой съ добычею, другіе возвращались оттуда, и послѣ нѣсколькихъ дней неутомимыхъ трудовъ, съ какою нибудь бездѣлицею, отходили въ горы. Съ ними не льзя итти въ дальній походъ, и потому ничего важнаго предпринять не возможно. Впрочемъ по своей способности къ горной войнѣ, безъ всякаго свѣденія въ тактикѣ, во многомъ имѣютъ они преимущество надъ

регулярными войсками. Во первыхъ они одѣты легко, чрезвычайно мѣтки въ стрѣльбѣ и заряжаютъ ружье свое гораздо скорѣе солдатъ, которые, имѣя ружье съ прямымъ прикладомъ, не всегда умѣютъ попадать въ цѣль. Черногорцы же въ жару сраженія, лежа и разсѣявшись, стрѣляютъ на соединенный фронтъ. Потому-то, въ числѣ 100 или 150 человѣкъ, неустрашимо нападаютъ они на колонну, изъ 1.000 человѣкъ состоящую. Въ правильномъ сраженіи, по однимъ знаменамъ можно судить о ихъ движеніи. Они имѣютъ условленные крики, дабы соединиться и напасть вдругъ на слабую сторону. Отъ главнаго знамени, носимаго при Митрополитѣ, голосомъ даютъ они знать, что должно дѣлать. Тогда внезапно бѣгутъ впередъ, съ дерзостію врубаются въ каре и почти всегда причиняютъ безпорядокъ. Представьте дикой вой, ободряющій Черногорцевъ, ужасающій Французовъ, и присовокупите къ тому отрубленныя головы, висящія у нихъ на шеѣ и за плечами! Все сіе должно произвести, какъ мнѣ кажется, ужасное дѣйствіе. Въ авангардныхъ перестрѣлкахъ, въ снятіи пикетовъ, а всего лучше въ истребленіи непріятельскихъ запасовъ, Черногорцы могутъ служить при арміи съ большою пользою; а если подчинить ихъ военному порядку, что не невозможно, то съ 100.000-ми такихъ воиновъ, можно бы дать хорошій урокъ лучшимъ регулярнымъ войскамъ.

Образъ жизни, нравы и обычаи.

Жизнь Черногорца единообразна. Пробуждаясь съ зарею, онъ оканчиваетъ день съ захожденіемъ солнца; когда же ночи бываютъ длинны, то съ семействомъ своимъ проводитъ нѣсколько времени у очага, гдѣ горящая ель служитъ ему вмѣсто свѣчи. Война есть главная страсть. Дѣятельность, предпріимчивость и храбрость ихъ внушаютъ ужасъ; но сколь жестоки они противу непріятеля, столь кротки миролюбивы въ домѣ. Посреди трудовъ и когда бываетъ одинъ, Черногорецъ имѣетъ видъ угрюмый и важный, въ обществѣ же всегда веселъ и охотно предается радости. Вина у нихъ много, но пьютъ его умѣренно и никогда не упиваются до потерянія чувствъ. Говоря съ знатными иностранцами, они не показываютъ ни низости, ни дерзости, и, что всего удивительнѣе, при такомъ невѣжествѣ, очень остроумны и изъясняются съ ловкостію и пріятностію. Черногорцы не имѣютъ понятія о неравенствѣ состояній, и потому, не исключая и начальника которому обязаны повиноваться только въ сраженіи, они обходятся очень свободно и кланяются малымъ наклоненіемъ головы и движеніемъ руки съ такою пріятностію, какъ бы учились у танцмейстера.

Гостепріимство, святая добродѣтель всѣхъ народовъ, отъ корени Славянъ происходящихъ,

у Черногорцевъ почитается должностію. Странникъ, котораго буря застигла въ дорогѣ, требуетъ его у перваго дома, и если въ деревнѣ нѣтъ знакомыхъ, то обыкновенно идетъ онъ въ домъ Князя. Не спрашивая ни имени, за чѣмъ и куда идетъ, хозяинъ подчиваетъ гостя чѣмъ можетъ, жена или младшая въ домѣ невѣстка, умываетъ ноги и положивъ обѣ руки на его плеча, ожидаетъ приказанія и служитъ ему вмѣсто служанки; отходя, въ знакъ благодарности, гость, потрепавъ хозяина по плечу, говоритъ: „Спасибо, землякъ, подлинно у тебя добрая жена." Черногорецъ не можетъ отказать въ гостепріимствѣ смертельному врагу, убійцѣ сына своего, и принявъ оказываетъ ему должное вниманіе. Подобно древнимъ рыцарямъ, будучи связанъ честнымъ словомъ, хранитъ тайну ему ввѣренную отъ друга или врага съ равною точностію.

Старости отдается величайшее уваженіе. Начальникомъ селенія вообще бываетъ человѣкъ самой пожилой. Юноша встаетъ при входѣ старца и почтительно цѣлуетъ ему руку; женщины цѣлуютъ руку у мущинъ, а стариковъ цѣлуютъ въ лобъ, въ правое плечо и руку. Чувства сыновней любви обязываютъ еще къ большему почтенію: превосходный обычай, который, укрѣпляя связи общества, покрываетъ цвѣтами путь ведущій ко гробу! Храбрость противу непріятеля и сей обычай Черногорцевъ напоминаютъ счастливые дни Спарты.

Къ стыду просвѣщенныхъ народовъ Черногорецъ имѣетъ уваженіе къ женѣ ближняго. Іосифы здѣсь не рѣдкость, ибо женъ Пентефрія совсѣмъ нѣтъ. Женщины почитаются низшимъ созданіемъ. Апостольскія слова: „жена да боится своего мужа“ здѣсь въ полной мѣрѣ исполняются. Черногорецъ требуетъ отъ жены своей безпрекословнаго повиновенія и хочетъ, чтобы она служила ему раболѣпно. Впрочемъ обходятся они съ женами снисходительно, и безъ гостей допускаютъ къ столу. Женщины имѣютъ довольно свободы; онѣ не прячутся отъ мущинъ, какъ у Бокезцевъ; только дѣвицы, кромѣ церкви и то на великой праздникъ, никуда изъ дому не выходятъ. Жена, принимая фамилію мужа, и по отчеству зовется егоже именемъ. Походы, поѣздки въ Катаро и частыя отсутствія мужей благопріятствуютъ распутству, но женщины цѣломудренны, можетъ быть отчасти и по небходимости, ибо вѣрная смерть угрожаетъ имъ и любовникамъ ихъ за невѣрность. Впрочемъ Черногорцы такое имѣютъ уваженіе къ нѣжному полу, что считается великимъ безчестіемъ и низостію обидѣть женщину, и потому то употребляютъ ихъ для посылокъ и часто шпіонами. Красавица въ лагерѣ Черногорскомъ можетъ быть стольже покойна и безопасна какъ подъ надзоромъ своей матери; почлось бы великимъ безчестіемъ для того, кто вздумалъ бы влюбиться въ нее. Въ походѣ жена мужу несетъ съѣстные припасы;

имѣя кинжалъ и пистолетъ въ случаѣ нужды умѣетъ ими защищаться. Мать даже до забвенія печали хвалится ранами своего сына, и хотя она больше мать нежели республиканка, однакожъ ближе всѣхъ сходствуетъ въ семъ случаѣ съ Спартанкою.

Словомъ: Черногорецъ, будучи презвъ; гостепріименъ, почтительный сынъ, нѣжный отецъ, добрый братъ, супругъ властительный, но рабъ своего слова, имѣетъ еще столько добродѣтелей, что звѣрство его къ другимъ перевѣшивается счастіемъ домашней жизни, которая напоминаетъ намъ золотой вѣкъ и доблести нашихъ праотцевъ. Онъ хотя и любитъ жену, дѣтей, оставляетъ ихъ съ крайнимъ прискорбіемъ, но любя еще болѣе отечество, разлуку съ ними переноситъ съ твердостію; отечества же своего ни за какое въ свѣтѣ благополучіе не рѣшится оставить. Адмиралъ (Дмитрій Николаевичь Сенявинъ) въ короткое время пріобрѣлъ отъ нихъ неограниченную довѣренность; онъ не только успѣлъ въ томъ, что они перестали рѣзать плѣннымъ головы, и уже приводили ихъ живыхъ, но сверхъ всякаго ожиданія съ помощію Митрополита уговорилъ ихъ предпринять походъ моремъ, чего прежде никогда не дѣлывали. Рота Черногорцевъ посажена была на корабль Москву. Съ великою трудностію убѣдили ихъ положить оружіе въ сундукъ, и не смотря на то, что обходились съ ними снисходительно ласково, они причиняли не малое безпокойство.

Когда Капитанъ приглашалъ ихъ начальниковъ на завтракъ, то всѣ они безъ приглашенія входили въ каюту. Замѣтивъ же, что Офицерамъ подаютъ на столъ больше блюдъ, нежели матрозамъ, они хотѣли, чтобъ и имъ тоже давали. По взятіи крѣпости Курцало, праздникъ Рождества приближался; они не давали Капитану покою и просили, чтобы поскорѣй шелъ въ Катаро; когда растолковали имъ, что корабль при противномъ вѣтрѣ итти не можетъ, то они впали въ мрачное уныніе и сидѣли, повѣся голову; когда же корабль приближился ко входу, они, узнавъ Черную гору, произнесли радостный крикъ, и начали опять пѣть и плясать. Прощаясь, съ признательностію обнимали Капитана и Офицеровъ, и всѣхъ, кого они больше полюбили, настоятельно приглашали къ себѣ въ гости; когда матрозы имъ отвѣчали, что безъ позволенія Начальника не льзя имъ отлучиться, то они съ удивленіемъ говорили: „Если ты хочешь, то кто имѣетъ право запретить тебѣ сіе.“

Черногорцы вѣрятъ сновидѣніямъ, ворожеямъ и колдовству. Если жена видѣла во снѣ, что мужъ подвергается какой либо опасности, то сей отлагаетъ задуманное имъ предпріятіе. Симъ образомъ хитрость женщины замѣняетъ похищенную у нее свободу, и повелѣваетъ съ кротостію тѣмъ гордымъ мущиною, который почитаетъ низостью поцѣловать руку красавицы! Протное на

столъ масло значитъ дурное предвѣщаніе, въ отвращеніе коего, въ полнолуніе старая ворожея произноситъ нѣкоторыя таинственныя слова. Ладонки на шеѣ суть талисманы, охраняющіе отъ нечистой силы, и отъ пули непріятелей.

Черногорки чрезвычайно трудолюбивы; лѣтомъ раздѣляютъ полевыя работы съ мущинами, зимою ткутъ холстъ и дѣлаютъ сермяжныя сукна, одѣваютъ себя и мужей, и во всѣхъ простыхъ рукодѣльяхъ довольно искусны. Онѣ такъ здоровы, что совсѣмъ не чувствуютъ припадковъ беременности, и въ самый день родовъ продолжаютъ работать. Дѣти стерегутъ стада; когда подрастутъ, помогаютъ въ трудахъ родителямъ, и въ 16 лѣтъ идутъ на войну.

Наружность и одѣяніе.

Самый видъ Черногорца показываетъ мужество. Они вообще великорослы, имѣютъ широкія плеча, сухое тѣло, и особенную стройность всего стана. Черные волосы, смуглое лице и усы придаютъ взгляду ихъ видъ воинственной и самую мужественную пріятность лица. Мужская одежда состоитъ изъ бѣлаго сермяжнаго кафтана, подобнаго нашему, и называется *бѣлача;* лѣтомъ холстинная исподница, какія носятъ наши крестьяне, синяго цвѣта, а зимою суконная. Руская рубаха закрываетъ ихъ до колѣнъ; въ зимнее время

подшивается она кожею; на головѣ или лучше на темѣ носятъ красную шапочку съ шелковою черною кисточкою. Шаль, называемая ими *струка*, или длинный лоскутъ толстаго сукна служитъ имъ вмѣсто одѣяла, постели, отъ дождя, жару и холоду. На рубахахъ они не носятъ камзоловъ; кусокъ сыромятной воловьей кожи, привязанной къ ступнѣ ремнями, составляетъ родъ древнихъ сандалій, называемыхъ ими *опанки;* лѣтомъ ноги голы, а зимою обертываются онучами. Кафтанъ туго подпоясываютъ Албанскою портупеею съ сумками. Они носятъ за поясомъ пару пистолетъ, ятаганъ, кинжалъ и ножикъ; сабля привязывается на спинѣ въ горизонтальномъ положеніи, ружье сохраняютъ отъ дождя въ кожаномъ мѣшкѣ. Самый бѣдный имѣетъ оружіе, украшенное перломутомъ, серебромъ и коралами; оно составляетъ все ихъ богатство и щегольство. Черногорецъ не выдетъ изъ дому, чтобы не осмотрѣть, есть ли порохъ на полкѣ, исправны ли кремень и курокъ. Впрочемъ о своей наружности мало пекутся, ихъ дыханіе далеко распространяетъ запахъ чеснока и свинаго сала. Въ грязи и въ крови, какими видѣлъ я ихъ въ лагерѣ при осадѣ Рагузы, они наводятъ ужасъ.

Женщины малы ростомъ, но пригожи и очень миловидны. Онѣ одѣваются почти также какъ мущины, только лѣтомъ еще легче; тогда онѣ носятъ одну рубашку, которая закрываетъ ихъ грудь, а спереди разноцвѣтная

панява или передникъ, снизу украшенный длинными снурками. Дѣвицы заплетаютъ косу и красныя свои шапочки украшаютъ по краямъ монетами; такое же или бисерное ожерелье составляетъ лучшій и любимый ихъ нарядъ. Кафтаны ихъ безъ рукавовъ какъ Турецкой тюникъ; низъ рубашки и широкіе рукава, вышиваются очень красивымъ узоромъ (*). Вельможи и народъ, богатый и бѣдный, имѣютъ одинакое платье съ тою только разницею, что нѣкоторые носятъ серебряныя пуговицы и на ногахъ бляхи, а замужнія женщины сверхъ шапочки носятъ платокъ.

Браки.

Чувство, которое усугубляетъ наслажденія, даруетъ человѣку новое бытіе, любовь не пріуготовляетъ и не сопровождаетъ брака: оный зивиситъ отъ родителей. Обрядъ сватовства сходствуетъ съ нашимъ; разница только въ томъ, что женихъ, собравъ родныхъ и пришедъ къ дому невѣсты, нападаетъ на оный примѣрнымъ сраженіемъ; братъ невѣсты, требуетъ *вѣна*, состоящаго обыкновенно въ женскихъ нарядахъ. Послѣ вѣнца, новобрачная сопровождается съ музыкою и стрѣльбою въ домъ мужа, отъ кото-

---

(*) Смотри картнику.

раго на третій день бѣжитъ къ родителямъ, а мужъ ее выкупаетъ, только 10 патронами. На вдову при вторичномъ бракѣ, не надѣваютъ вѣнца, и вмѣсто музыки провожаютъ ее біеніемъ въ тазы и сковороды. Дочери не наслѣдуютъ отцовскаго имѣнія, но братья столь щедро награждаютъ при выдачѣ сестеръ въ замужество, что онѣ вмѣстѣ съ тѣми подарками, кои на первой день брака приносятъ имъ родственники и даже сосѣди, имѣютъ уже небольшее стадо и свою собственность, весьма достаточную по ихъ образу жизни. Какъ бы мужъ ни любилъ свою жену, онъ стыдится сего чувства, и ласкаетъ ее только на единѣ; любовь послѣ брака есть тайна, и потому въ одномъ домѣ и въ одной избѣ, мущины живутъ розно съ женщинами. Стыдливость и цѣломудріе принадлежатъ равно обоимъ поламъ.

Похороны.

Жена и дѣти умершаго созываютъ родныхъ, плачутъ, что и у нихъ называется *голосьбою*, и царапаютъ до крови лица. Женщины, отрѣзавъ волосы, кладутъ ихъ на могилу. Похороны просты; плита или камень, утвержденный въ землѣ вертикально, означаетъ гробницу богатаго и бѣднаго: такимъ образомъ и за предѣломъ жизни сохраняется равенство. Если умретъ отецъ семейства, то дѣлаютъ куклу, одѣтую лучшимъ его воен-

нымъ нарядомъ, и положивъ на столъ, кладутъ вокругъ оружіе и всѣ трофеи, отнятые имъ у непріятеля. Кукла сія, для поминовенія, остается на столѣ 40 дней.

Игры и увеселенія.

Черногорцы отмѣнно любятъ музыку, пѣніе и пляску. Возвращаясь съ поля, изъ похода, даже въ виду враговъ на мѣстѣ сраженія, они поютъ и пляшутъ почти безпрестанно. Свирель и гудокъ, называемые ими *сфира*, и гусли составляютъ музыкальные ихъ инструменты. Слѣпые играютъ на гусляхъ съ искуствомъ. Припѣвая любимыя національныя пѣсни, приводятъ они въ восторгъ слушателей; имъ платятъ за то щедро, ибо и здѣсь лучше умѣютъ награждать за удовольствіе нежели за услугу.

Пѣсни заимствованы отъ Османа Великаго Славянскаго и нѣкоторыхъ Рагузинскихъ Поэтовъ. Въ нихъ прославляются подвиги и слава Славянскаго народа. Кралевичь Марко и Юра Кастріотичь, (славный Скандербергъ) наиболѣе упоминаются. Романсовъ, выражающихъ сладости и мученія любви, я никогда не слыхалъ; ихъ замѣняютъ заунывныя пѣсни, изображающія потерю отца, жены и матери или тоску по родной сторонѣ, каждый стихъ въ оныхъ оканчивается повтореніемъ, которое перекатомъ продолжаютъ до потерянія голоса. Въ военныхъ пѣсняхъ, кар-

шина битвъ и кровопролитія, сохраняя память отечественныхъ героевъ воспламеняетъ сердца ихъ огнемъ мужества; оныя замѣняютъ исторію. Другія пѣсни, дѣйствуя на слухъ согласіемъ звуковъ повергаютъ ихъ въ пріятную задумчивость.

Пляска любимая забава Черногорцевъ. Взявшись рукой за руку и составя кругъ, или ставъ одинъ противу другаго, въ сильномъ напряженіи мышцъ взмахивая руками, и прыгая съ одной ноги на другую, или сжавъ обѣ, и перескакивая впередъ, вертятся скоро, топаютъ крѣпко ногами, и приговариваютъ: *скачи горѣ! скачи коло!* то есть скачи выше.

Борьба, стрѣляніе въ цѣль, бѣганіе въ запуски, игра въ шары и бросаніе камней, называемыхъ *диски*, какъ у насъ городки, словомъ всѣ увеселенія представляютъ образъ войны. Женщины забавляются особо; только въ большіе праздники и то довольно старыя допускаются въ сообщество мущинъ; разговоры и посѣщенія занимаютъ молодыхъ женщинъ. Здѣсь не знаютъ никакихъ азартныхъ игръ; разговоры вообще бываютъ о семейственныхъ и народныхъ пользахъ. Вмѣсто прогулки, Черногорецъ, взошедъ на скалу, ложится ничкомъ и растянувшись на землѣ, проводитъ цѣлые часы въ созерцаніи бурнаго моря и прибрежныхъ селеній.

Звѣриная ловля.

Въ двухъ большихъ лѣсахъ водятся медвѣди, волки и лисицы. Мѣха ихъ охотно покупаются въ Катаро. Стрѣлять кабановъ, зайцевъ и кроликовъ, почитаютъ пріятнымъ препровожденіемъ времени. Орлы, соколы и прочія хищныя птицы очень обыкновенны. Зимою ловится множество перепелокъ, куропатокъ, жаворонковъ, утокъ, куликовъ, дроздовъ, зябликовъ и пр., которыхъ здѣсь рѣдко ѣдятъ, ибо охота, представляя образъ войны, имѣетъ въ предметѣ не прибыль, но единое удовольствіе и упражненіе.

Рыбная ловля.

Малыя рѣки, впадающія въ рѣку Бояну, текущую по границѣ, и въ большое Скутарское озеро, особенно рѣки Черновича и Синица, какъ и самое озеро, которое зовется ими Зента, весьма изобильны рыбою. *Скорани*, родъ маленькихъ сарделей, и *скоби*, собственно принадлежащія симъ рѣкамъ, извѣстны подъ общимъ именемъ *бояны*, и въ Италіи почитаются за рѣдкость и лакомство. Въ озерѣ и рѣкахъ ловятся необыкновенной величины форели, бывающія вѣсомъ въ 40 фунтовъ. Кромѣ употребленія жителями, изъ Катаро въ Тріестъ и Мессину, ежегодно отправляютъ пять или шесть большихъ судовъ съ копченою и соленою рыбою. Въ Апрѣлѣ и

Маѣ бываетъ лучшая ловля. Меня увѣряли, что въ сіе время обыкновенно прилетаетъ множество птицъ, называемыхъ *корнахи*. Думать должно, что это родъ рыболововъ, питающихся рыбою. Убивать ихъ считаютъ за грѣхъ по слѣдующей причинѣ: когда онѣ появятся въ Черной горѣ, рыбаки со всѣхъ селеній, собравшись, и отслуживъ молебенъ, ставятъ мережи въ рѣкахъ и озерѣ, потомъ бросаютъ въ воду приманку, состоящую изъ размоченной ржи, и лишь рыба покажется на поверхности, корнахи съ большимъ крикомъ на нее кидаются. Рыба испугавшись тысячами попадается въ мережи: рыбаки, въ знакъ благодарности, кормятъ птицъ пойманою рыбою, и потому, пока продолжается ловля, онѣ привыкаютъ къ людямъ, помогаютъ имъ въ оной, и не прежде оставляютъ берега рѣкъ и озера, какъ по окончаніи ловли.

Пища.

Пшеничной хлѣбъ, смѣшанной съ кокорузою, для зажиточныхъ, ржаной для бѣдныхъ, лукъ, чеснокъ, составляютъ главную пищу Черногорцевъ. Они рѣдко ѣдятъ мясо, и въ семъ случаѣ цѣлаго барана или свинью жарятъ на вертелѣ. Чаще могли бы имѣть овощи и зелень, но будучи чрезвычано умѣренны и воздержны, они большую оныхъ часть продаютъ. Кофе и другія прихоти роскоши вовсе имъ неизвѣстны. Они упо-

потребляютъ пищи столь мало, что судя по силѣ ихъ, должно тому удивляться.

Древности.

Гробницы, построенныя въ видѣ четвероугольныхъ столповъ со сводами, сложены изъ кирпича и такъ прочно, что многія до сихъ поръ сохранились. Въ срединѣ ихъ находятъ лампы и обручья зеленой мѣди, которые въ древнія времена надѣвались на правую руку усопшихъ; иногда попадаются въ сихъ гробницахъ медали Филиппа и Александра Македонскихъ, а болѣе монеты Восточной Имперіи. Черногорцы не уважаютъ сими рѣдкостями, и въ Катаро отдаютъ ихъ за безделицу. При устьѣ рѣки Черницы, на островѣ Вранинѣ видны развалины древняго зданія, которое почитается жителями дворцомъ Скандерберга, и часть земли, вокругъ лежащей, и донынѣ называется Скандеріа.

Исторія.

Титъ Ливій и Плиній первоначальныхъ обитателей страны сей называютъ *беатидами* (блаженными), которыхъ происхожденіе неизвѣстно. Неизвѣстно также начало и жителей, ихъ замѣнившихъ: одни думаютъ, что пришли они отъ береговъ Азовскаго моря и поселились на Восточной сторонѣ Венеціанскаго залива; другіе полагаютъ, что жители

Иллирика были потомки Цельтовъ, и, по образу всѣхъ прочихъ народовъ, управлялись сами собою, служили въ войскахъ Александра Македонскаго, и долго защищали вольность свою противу Римлянъ. Наконецъ послѣдній ихъ Царь Генцій, бывъ разбитъ Преторомъ Луціемъ Аникомъ, потерялъ часть Далмаціи отъ рѣки Тита, нынѣ, Карки, до Дрины съ близъ лежащими островами, простиравшуюся къ востоку до вершины горъ, называемыхъ въ таблицахъ Птоломея Скардусъ. Черногорія принадлежала къ Иллирійскому Царству, котораго Короли имѣли свое пребываніе въ Скодрѣ, что нынѣ Скутари. По раздѣленіи Римской Имперіи, зёмли отъ Катаро до Дрины составляли часть провинціи Превалитанской, принадлежавшей къ восточной Имперіи.

Въ началѣ шестаго вѣка, народъ, коего бытіе едва было извѣстно, подъ именемъ Славянъ, означающимъ людей храбрыхъ, является, громитъ Имперію, уничижаетъ Готтѳовъ и съ шестаго вѣка занимаетъ уже великую часть Европы отъ моря Балтійскаго до рѣкъ Эльбы, Тиссы и Чернаго моря. Языкъ, нравы и обычаи Черногорцевъ и другихъ Славянъ Далмаціи, Кроаціи, Босніи и Сербіи, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что оня происходятъ отъ одного съ нами Славянскаго корня. Въ началѣ седьмаго столѣтія Славяне, по покореніи Венгріи, заключивъ союзъ съ Греческимъ Императоромъ, вошли въ Иллирію, изгнали оттуда Аваровъ и основали

новыя области подъ именемъ Кроаціи, Славоніи, Сербіи, Босніи, и Далмаціи. Всѣ сіи области въ началѣ были соединены и извѣстны подъ именемъ Сербскаго Царства, но отъ несогласій сильная сія держава раздѣлилась на малые удѣлы. Хищенія и кровопролитныя войны слабыхъ независимыхъ Князей угнетали народъ. Въ 14 вѣкѣ, Георгъ, покоривъ прочихъ владѣльцевъ, возстановилъ Сербское Царство, и потомки его, подъ именемъ Черновичей, сохранили оное до 1480 года, въ которое время Славяне, слабые отъ развлеченія силъ и междоусобія, почти вездѣ утратили свою независимость; одни покорены Оттоманами, другіе повинуются теперь чужеземнымъ властителямъ, нѣкоторые перемѣнили уже Вѣру и забыли самый языкъ отечественный.

Съ сего времени, Черногорія причислялась къ Санджаку Скутарскому, но какъ Турки по причинѣ частыхъ возмущеній никогда не могли въ оной поселиться, то Черногорцы, смотря по обстоятельствамъ, иногда платили *карачь* (подать), иногда же ничего не давали и всегда почитали себя независимыми. Въ 1571 и въ 1657 годахъ Турки, для покоренія Катаро завладѣли и Черногоріею; но послѣ двухлѣтнихъ усилій Черногорцы возвратили свою вольность. Съ 1656 года, со временъ Владыки Даніила Петровича, должно почитать Черногорію совершенно не принадлежащею Турціи.

Въ продолженіе двухъ вѣковъ, Порта изы-

скивала способы привесть сію провинцію въ повиновеніе. Турки даже въ то время, когда они оружіемъ своимъ ужасали Христіянскія державы, убѣдились, что всѣ ихъ покушенія на Черногорію были тщетны. По смерти славнаго Скандерберга, храбрые Албанцы принуждены были уступить силѣ; но Черногорцы остались свободными. Развалины Кроіи, столицы Скандерберга, обагренной кровію Музульманъ, гдѣ Амуратъ съ 150,000 разбитъ былъ горстію людей, въ числѣ коихъ были и Черногорцы, и теперь еще видны недалеко отъ границы за рѣкою Дрино. Въ 1612 году Магметъ Паша съ 30,000 арміею вошелъ въ сію землю, но Черногорцы разбили его, и Паша съ великою потерею людей, сожегши одну деревню въ округѣ Бѣлопавличи, возвратился безъ успѣха. Въ слѣдующемъ году Паша Норослонъ, желая загладить стыдъ разбитія своего предшественника, наступилъ на Черногорію съ 60,000 арміею и думалъ покорить ее; обстоятельства сему благопріятствовали. Округи Черногоріи были раздѣлены враждою. Паша безъ сопротивленія достигъ до деревни Клементи и Бѣлопавличи. Сіе несчастіе соединило Черногорцевъ. Съ мужествомъ напали они на Пашу и близъ урочища, называемаго *Кусонъ-лугъ*, разбили его на голову; большая часть непріятельской арміи легла на мѣстѣ; побѣдителямъ досталась богатая добыча, и Паша едва успѣлъ спастися съ отрядомъ конницы. Славная побѣда сія

утвердила вольность и спокойствіе. Съ сихъ поръ Черногорцы, сдѣлавшись страшными своимъ сосѣдамъ, желали оправдать славу свою; военныя упражненія сдѣлались ихъ страстію, а ненависть къ Туркамъ наслѣдственною.

Слѣдствіемъ таковаго расположенія было, что они предлагали услуги свои всѣмъ Державамъ, воевавшимъ съ Турціею. Слава Петра Великаго возбудила въ нихъ желаніе искать соединенія съ Россіею. Въ 1712 году, по собственной наклонности, безъ посторонняго содѣйствія, отправили они депутатовъ съ предложеніемъ вѣрноподданства, и Петръ Великій принялъ Черногорію подъ свое покровительство. Съ сего времени сдѣлалась она щитомъ угнетенныхъ Турками Христіанъ, которые находили у нихъ дружеское гостепріимство и убѣжище безопасное. Сіи такъ называемые *ускоки* или выходцы, получая право гражданства, будучи приняты какъ братья по крови, и до сихъ поръ отличаются мужествомъ и вѣрностью къ своему новому отечеству. Со времени Петра Великаго Государи наши не преставали пещись о благосостояніи Черногорцевъ, обращая особенное вниманіе на средства, могущія предохранить ихъ отъ внѣшняго нападенія и уничтожить внутреннія вражды и коварные замыслы сосѣднихъ Державъ. Въ 1718 году, когда Венеціяне объявили войну Турціи, Черногорцы вооружились на защиту республики въ качествѣ ея подданныхъ, но по заключе-

ніи мира, мнимое сіе названіе уничтожилось, и они объявили себя принадлежащими Россіи, которой Монархи, изливая благодѣяніе и милости, не требовали отъ нихъ никакой зависимости. Императрица Елисавета, во время голода, послала великія суммы для содержанія народа. Императрица Екатерина II, за храброе содѣйствіе въ войнахъ съ Турціею, не преставала пещись о ихъ благѣ. Императоръ Павелъ I украсилъ храмы ихъ щедрыми подаяніями и учредилъ верховное судилище Кулукъ. Александръ I завелъ училища и опредѣлилъ достаточную сумму для содержанія ихъ. Народъ, чувствуя сему цѣну, не остался неблагодарнымъ: во всѣ войны Россіи съ Турціею, не сходилъ онъ съ поля и умиралъ въ сраженіяхъ съ мужествомъ и вѣрностію неизмѣняемою. Въ войну 1768 года, Черногорцы взяли городъ Подгорицу и крѣпость Жаблякъ, опустошили окрестности, содержали Боснію и Албанію въ безпрестанномъ страхѣ, и удерживая на своихъ границахъ многочисленныя войска Паши Скутарскаго и другихъ сосѣднихъ, въ пользу Россіи сдѣлали немаловажную диверсію. Во всѣхъ войнахъ Екатерины Великой съ Султаномъ, они принимали дѣятельное участіе.

Въ 1785 году Бушатлей Махмутъ, Паша Скутарской, предпринялъ укротить сію провинцію; онъ собралъ ужасную армію, проникъ во внутренность земли, но въ тѣсныхъ проходахъ Черногорцы стали твердо, и Паша, пре-

давъ огню занятыя имъ селенія, принужденъ былъ отступить съ великою потерею. Съ сего времени Черногорцы питали въ себѣ желаніе мщенія. Въ 1789 году они нашли случай удовлетворить оному: соединившись съ Австрійскими войсками подъ командою Маіора Вукасовича, они разбили Пашу, проникнули въ Албанію, сожгли множество Турецкихъ селеній и съ богатою добычею возвратились въ домы.

По повелѣнію нашего Двора, Подполковникъ Графъ Марко Ивеличь набралъ въ Герцоговинѣ и провинціи Катарской 5000 корпусъ волонтеровъ. Митрополитъ Черногорской, предводительствуя значительною силою, раздѣленною на отряды, легкими сшибками и безпрестанными нападеніями, удержалъ сосѣдственныхъ Пашей на своей границѣ, и тѣмъ, для войскъ нашихъ, сражавшихся на Дунаѣ, сдѣлалъ не маловажную диверсію.

Миръ, заключенный въ Систовѣ 1791 года, не утвердилъ ихъ вольности. Султанъ, въ знакъ ихъ подданства, требовалъ небольшой дани. Черногорцы отказались и отъ малѣйшаго вида зависимости. Порта старалась склонить ихъ къ тому переговорами, но всѣ усилія и убѣжденія были тщетны, и Турки снова прибѣгли къ оружію.

Въ 1796 году, тотъ же Магмутъ Паша Скутарской, получилъ повелѣніе, присоединивъ къ себѣ войска сосѣднихъ Пашей, во чтобы ни стало, покорить, или истребить непокорное племя Славянъ. Паша вторгнулся въ

предѣлы ихъ съ превосходною силою, состоявшею изъ храбрыхъ Албанцевъ и Янычаръ. Митрополитъ Петръ Петровичъ, командуя малочисленнымъ своимъ народомъ, встрѣтилъ непріятеля у мѣстечка *Круссе*, что близъ крѣпости Подгорицы на границѣ Черногорской, и объявилъ, что здѣсь должно умереть или побѣдить. Рѣшась однимъ сраженіемъ кончить кровопролитіе, онъ сталъ въ виду непріятеля на высотахъ, сдѣлалъ фальшивую атаку на Турецкой лагерь, и отступивъ назадъ поручилъ пяти тысячамъ отборныхъ воиновъ защищать дефилеи, приказалъ на камняхъ положить красныя шапочки, носимыя Черногорцами, и съ главнымъ корпусомъ въ ночь сдѣлавъ большой маршъ, обошелъ непріятеля въ тылъ и отрѣзалъ ретираду. На утро Турки, обманутые огнями и шапочками, пошли къ дефилеямъ. 5000 Черногорцевъ, подобно Спартанцамъ въ Ѳермопилахъ, дрались отчаянно, не уступили ни шагу и удерживали нѣсколько часовъ стремленіе всей арміи. Въ полдень Митрополитъ, прошедъ непроходимыми горами, явился въ тылу, спустился съ горъ и всею силою ударилъ въ изумленнаго непріятеля. Турки дрались съ остервененіемъ. Черногорцы, защищая отечество, пренебрегая опасности, врубались въ толпы, ихъ; сраженіе продолжалось трое сутокъ. Непріятели гибли тысячами, не могли прорваться, и разбиты были на голову. 30.000 легло на мѣстѣ. Самъ Паша убитъ; обозъ и богатый ла-

геръ достались побѣдителямъ. Голова Паши, какъ знаменитѣйшій трофей, вмѣстѣ со знаменами хранятся въ монастырѣ Цетинѣ. Славная сія побѣда ужаснула Турокъ, оградила независимость Черногорцевъ, и къ свойственной имъ храбрости присоединила мысль непобѣдимости. Слѣдствіемъ сего было, что пограничные округи Берда, Кучи и Пипери присоединились къ Черногоріи.

Въ 1803 году Бонапарте простеръ виды свои на Черногорію, дабы, утвердившись въ ней, держать Турцію въ страхѣ и со временемъ отторгнуть отъ ней знатнѣйшую часть или нанесть ей неизцѣлимый ударъ. Какъ Черногорцы до сихъ поръ предлагали свои услуги всякому, кто обѣщалъ имъ помощь въ нападеніи на Турокъ; то, чтобы охранить отъ неволи, которую подъ видомъ помощи готовилъ имъ Бонапарте, тотъже Графъ Ивеличь, уже въ чинѣ Генералъ-Лейтенанта, въ званіи довѣренной особы посланъ былъ для открытія народу сего подлога и взятія нужныхъ мѣръ осторожности, которыя и имѣли полный успѣхъ. По занятіи провинціи Катарской, Черногорія вмѣстѣ съ оною, содѣлалась значительнымъ обладаніемъ Россіи. Главнокомандующій обѣихъ областей, по отдаленности отъ отечества, хотя имѣлъ весьма малыя средства, но искренняя преданность вообще всѣхъ Славянъ помогла ему ниспровергнуть всѣ коварные замыслы непріязненныхъ державъ. Сія преданность и похвальная самонадѣян-

ность на свое мужество утвердились еще болѣе побѣдою у старой Рагузы, разбитіемъ Генерала Лористона, на горѣ Баргарте въ укрѣпленной батареями неприступной позиціи, и наконецъ пораженіемъ Генерала Мармонта, который съ превосходною силою, принужденъ былъ поспѣшно отступить отъ Кастель-Ново, и отказавшись отъ завоеванія, думать о собственной своей безопасности.

Заключеніе.

Народъ, столь къ намъ близкій, и столь мало извѣстный, говоря однимъ съ нами языкомъ, имѣя туже вѣру, происходя отъ одной крови, между тѣмъ какъ мы, родные его братья, стоимъ на знаменитой степени просвѣщенныхъ націй, ведетъ посреди варваровъ дикую жизнь, и имѣетъ тѣже нравы, какіе предки наши имѣли при храбромъ Князѣ Святославѣ.

Швейцарія, мѣстнымъ положеніемъ столь сходствующая съ Черногоріею, въ нѣдрахъ безплодія доставила себѣ счастливое довольство. Голландія, покрытая болотами, угрожаемая моремъ, не имѣя ни одной хорошей пристани, неутомимымъ прилѣжаніемъ, содѣлалась центромъ торговли вселенной. Сибирь, подъ отеческимъ правленіемъ, на замерзшей землѣ собираетъ богатыя жатвы. Далмація, неблагопріятствуемая природою, могла усердіемъ и геніемъ Дандоло принять новый видъ. Приморцы въ судоходствѣ снискали свое про-

довольствіе; другіе ближніе имъ соседы и однородцы Герцоговины, Босняки и Сербы, подъ игомъ угнетенія, въ глубокомъ изнуреніи рабства и обремененій, извлекли изъ земледѣлія и торговли весь плодъ, котораго пользу могли скрыть отъ безпечныхъ своихъ тирановъ; а Черногорцы, будучи свободны и независимы, вѣчно стоя на стражѣ своей вольности, не знаютъ благосостоянія, проистекающаго отъ мудрости законовъ и попечительности Монарховъ, не дѣлаютъ никакого усилія и не показываютъ никакого желанія выйти изъ невѣжественнаго своего омраченія.

Обработываніе земли для Черногорца не что иное, какъ посторонній предметъ, для коего употребляетъ онъ однѣ физическія силы; нѣтъ видовъ, нѣтъ улучшенія, и все ограничивается простыми способами, по обычаю содѣлавшимися священными. Страсть къ войнѣ потушаетъ въ немъ желаніе пріобрѣтать богатство; довольствуясь малымъ, отправляя общественныя должности безвозмездно, пренебрегая избытокъ, беззаботно провождаетъ онъ жизнь въ самовольной бѣдности. Торговля, умножающая земныя произведенія, также ему неизвѣстна, кромѣ не значущихъ мѣнъ въ Катаро; набѣги и грабежи составляютъ всѣ сношенія съ изобильными провинціями, его окружающими. Сіе отчужденіе, не отъ того происходитъ, чтобы душевныя его способности были ограничены; напротивъ, онъ имѣетъ проницательность, весьма здра-

вый разсудокъ и удивительную смышленность и переимчивость; истина сія доказывается примѣрами тѣхъ, кои служатъ въ Россійской арміи и бываютъ въ чужихъ земляхъ: они оказываютъ способность къ изученію языковъ и наукъ, а болѣе склонность ко всѣмъ ремесламъ, и въ короткое время дѣлаются другими людьми; но успѣхи ихъ безполезны для отечества, ибо вообще они туда болѣе не возвращаются. По своей безпечности народъ сей, безпрестано употребляя во-зло благодѣянія Провидѣнія, не постигаетъ наклонности своего разума, даже не зная способностей своихъ, старается отдѣлить ихъ отъ души и упрямо пребываетъ въ прежнемъ невѣжествѣ.

Мечтанія Философовъ о независимости могутъ въ семейственной жизни Черногорцевъ найти образъ щастливой свободы, но другъ человѣчества всегда откроетъ въ томъ безпорядокъ своеволія, гдѣ право сильнаго и неумолимое мщеніе замѣняютъ всѣ законы; онъ пожелаетъ въ сердцѣ, да освободятся они отъ безчисленныхъ бѣдствій войны, имъ и сосѣдамъ ихъ равно пагубной, и да оставятъ жизнь, толико противную достоинству человѣка.

Подъ властію мудрыхъ законовъ, мощныя руки Черногорцевъ отвратятся отъ грабежей, посвятятся воздѣлыванію земли; жатвы ихъ будутъ обильнѣе, неразчищенные лѣса, необработанныя вершины горы, могутъ искуствомъ рукъ превратиться въ тучныя для

многочисленныхъ стадъ пастьбы; размножатся яблони, груши, гранаты, миндаль и прочія плодоносныя деревья, растущія на сей *заброшенной* землѣ, такъ сказать, сами собою; отъ фиговыхъ и шелковичныхъ деревъ получатъ они еще большія выгоды; наконецъ виноградъ на почвѣ каменистой, покроетъ промежутки скалъ ихъ и увеличитъ ихъ стяжаніе и удовольствія жизни.

Извѣстно, что въ 12 столѣтіи, вся шерсть Босніи и Сербіи привозилась чрезъ Черногорію въ заливъ Катарской, откуда на судахъ отправлялась въ Венецію. Не прошло еще одного вѣка, какъ Боснія и Герцоговина имѣли постоянное сообщеніе съ Кастель-Ново чрезъ Ризано. Албанія, для избѣжанія опасностей мореплаванія въ зимнее и военное время, часто покушалась провозить свои товары чрезъ землю Черногорцевъ; симъ сократился бы путь, и караваны освободились бы отъ обидъ и притѣсненій; но опасаясь могущества Турокъ, они отвергнули всѣ такого рода предложенія. Рагуза и Катаро, сіи двѣ близкія имъ гавани, кажутся помѣщенными среди Адріатики, чтобы служить убѣжищемъ въ бурномъ морѣ и содѣлаться средоточіемъ торговли Турецкихъ областей съ Италіею. Пропуская товары чрезъ свою область, они могли бы возстановить древнія потерянныя ими отрасли торговли. Симъ способомъ, принявъ болѣе миролюбивыя правила, укротивъ строптивый нравъ свой, Черногорецъ узрѣлъ

бы въ короткое время процвѣтающими земледѣліе и торговлю, и позналъ бы всѣ искуства, кои проистекаютъ изъ сихъ двухъ источниковъ всеобщаго благосостоянія. Упражненіе въ оныхъ, открывая способности воображенія, доставило бы ему наслажденіе чистѣйшими удовольствіями и украсило бы его существованіе. Словомъ сблизивъ ихъ съ сосѣдственными народами, возможно было бы обратить умъ ихъ на другіе предметы, дать имъ другое направленіе, внушить новыя мысли, и тѣмъ побудивъ къ новымъ соображеніямъ, показать путь къ изобилію, къ стяжанію богатствъ.

Никакой народъ, не имѣлъ столько надобности въ преобразованіи своего правленія и своихъ нравовъ; но какимъ способомъ произведется сія спасительная перемѣна? Можно ли надѣяться, чтобъ убѣжденный благосостояніемъ другихъ просвѣщенныхъ народовъ, сталъ онъ домогаться славы подражать имъ? Глаза его закрыты отъ свѣта, душа, подобно умирающему, коего жестокость болѣзни дѣлаетъ нечувствительнымъ къ страданію, не можетъ воспламениться тѣмъ благороднымъ соревнованіемъ, которое замышляетъ и приводитъ къ концу дѣла великія. Настоящій Митрополитъ, имѣетъ всю доблесть и способность внушить въ нихъ столь прекрасную рѣшимость; но онъ царствуетъ надъ народомъ, погруженнымъ во мракъ невѣжества, которое, возвышая его познанія и утверждая власть,

кажется, не побуждаетъ его къ сему подвигу а всего вѣроятнѣе онъ не имѣетъ довольно силъ предпринять столь важное преобразованіе. Оное можетъ только быть твореніемъ того Государя, Коего имя находится въ величайшемъ уваженіи у сего гордаго, кичливаго народа, Того, Котораго подвиги ознаменовываются единымъ благотвореніемъ къ подданнымъ, владычествомъ Его счастливымъ!

Плаване до Тріеста—Блокада Венеціи.

15-го Апрѣля по возвращеніи фрегата изъ Корфы, для доставленія въ Тріестъ Надворнаго Совѣтника Скрыпицына, отправленнаго въ Россію съ донесеніями, оставили мы Кастель-Ново. При ясномъ небѣ и тихомъ вѣтрѣ, беззаботно плыли мы близъ Рагузскаго берега. Къ вечеру, береговой вѣтръ наполнилъ верхніе паруса, фрегатъ нечувствительно, но скоро перемѣнялъ мѣсто. Съ островов, мимо которыхъ шли, прохладный вѣтръ навѣвалъ на насъ ароматы цвѣтущихъ деревъ, и множество птичекъ пѣли на реяхъ; юнги съ отважностію лазя по мачтамъ, ловили ихъ только для того, чтобы накормя дать имъ свободу. Множество касатокъ (*) играли вокругъ

(*) Или морскихъ свиней.

фрегата; они такъ плавно и не торопясь выбрасывались изъ воды, что кажется нарочно желали доставить намъ удовольствіе. Касатки водятся во всѣхъ моряхъ; серпу подобное перо на спинѣ, отличаетъ ихъ отъ дельфиновъ, которые при томъ и менѣе; сіи рыбы любятъ приближаться къ кораблямъ, и кажется забавляются быстро оные обгоняя. Они обыкновенно идутъ въ ту сторону, откуда новаго вѣтра ожидать должно. 16-го Апрѣля, не смотря на темную ночь и противный вѣтръ, прошли мы Курцольскимъ каналомъ, весьма тѣснымъ и опаснымъ. Капитанъ Бѣлли, взявшій островъ Курцало, съ кораблемъ своимъ стоялъ тутъ на якорѣ, а бригъ Летунъ и шкуна Экспедиціонъ крейсировали у острова Лезино.

Миновавъ *Длинный* островъ (Isola longo) увидѣли требаку, идущую по направленію къ *Зарѣ*, пушечнымъ выстрѣломъ требовали, чтобъ она подошла для осмотру, но требака, не поднимая флагу, пустилась бѣжать къ грядѣ малыхъ островов, окруженныхъ каменными отмѣлями, надѣясь между оными скрыться. Полагая по сему, что судно сіе должно быть непріятельское, мы погнались за нимъ, и прошедъ весьма тѣсный проливъ между двухъ подводныхъ камней, остановили его нѣсколькими ядрами у острова *Унiи;* люди съ него бѣжали, а требака, нагруженная кокорузою и масломъ, взята.

20-го Апрѣля, когда мы подходили къ Трі-

есту, во время штиля, Французская канонерская лодка, вышедши изъ Капо д'Истріи, осмѣлилась атаковать насъ. Первыя наши ядра, по причинѣ отсырѣвшаго въ пушкахъ пороха легли очень близко, почему непріятель полагая, что наши пушки малаго калибра, приближился, но нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ, принудили его немедленно отступить, и какъ одно ядро попало въ подводную лодки часть, а другое подбило пушечный станокъ, то лодка тотчасъ по входѣ въ гавань вытащена на берегъ. Потеря наша состояла въ нѣсколькихъ перебитыхъ снастяхъ. На другой день со смѣхомъ читали мы въ Тріестскихъ вѣдомостяхъ пышное извѣстіе о жестокомъ и кровопролитномъ сраженіи, въ которомъ морскіе гранодеры (*) покрыли себя неувядаемою славою. „Непріятельскій фрегатъ La Belle Venus потерялъ 200 *человѣкъ* (!) убитыми и ранеными, наша также довольно значительна, мы лишились 16 человѣкъ храбрыхъ и одного Порутчика."

Я ничего не могу сказать о прекрасномъ Тріестѣ, ибо будучи занятъ должностію, не успѣлъ ничего осмотрѣть, и былъ только въ театрѣ, и на гуляньѣ въ боскетѣ. Въ оперѣ Меропа славная Сесси удивительнымъ своимъ голосомъ восхищала слушателей; она была не очень здорова, у ней болѣла нога и публика требовала, чтобъ ей подали стулъ. Въ самомъ

(*) Разумѣть должно матрозовъ.

дѣлѣ она стоитъ сего уваженія; пѣла такъ превосходно, что въ партерѣ и ложахъ ни кто не смѣлъ пошевелиться. Боже сохрани кашлянуть, чихнуть. Въ Боскетѣ, въ рѣдкой безъ тѣни дубовой рощѣ, я видѣлъ вмѣстѣ множество Италіянцовъ и Нѣмцовъ; при первомъ на нихъ взглядѣ разность дѣлается ощутительною. Нѣмцы сидятъ кучками на травѣ, пьютъ, ѣдятъ, въ рукахъ кружки съ пивомъ во рту трубка; круглыя, румяныя женщины, суетятся вокругъ ихъ, и подкладываютъ имъ приготовленный бутер-бротъ (хлѣбъ съ масломъ). Италіянцы, напротивъ, выступая театральными шагами, насвистываютъ арію, пѣтую Госпожею Сесси Cari miei figli venite! заглядываютъ въ глаза женщинамъ, кои съ прекраснымъ станомъ, съ блѣднымъ на лицѣ изнуреніемъ, съ пламеннымъ нѣжнымъ взглядомъ, охотно принимаютъ вѣжливости кавалеровъ, какія у насъ почлись бы не слишкомъ пристойными. Когда сумракъ вечера сгустился и луна еще не явилась на небосклонѣ, тихой шопотъ и шорохъ ногъ, заступилъ мѣсто шума и грома подъѣзжающихъ и уѣзжающихъ экипажей. Въ рощѣ остались только тѣ, кои надѣялись наслаждаться лучшимъ удовольствіемъ, нежели пѣніемъ несравненной Сесси, первой тогда пѣвицы въ Европѣ. Тутъ остались только Чичисбеи, къ коимъ мужья имѣютъ довѣренность; но до какой степени? Вопросъ неудоборѣшимой! Названіе нашего домашняго друга, нѣсколько близко къ Чичиз-

бею, но къ щастію мужей у насъ и въ столицахъ нѣтъ еще и тѣни чичизбейства.

На третій день пребыванія въ Тріестѣ, объявили намъ, что входъ въ Австрійскіе порты Россійскимъ и Англинскимъ военнымъ кораблямъ запрещается, и сказано именно за занятіе войсками нашими Боко ди Катаро, и за не воспослѣдовавшее еще возвращеніе той провинціи. Потому корабль Елена и нашъ фрегатъ принуждены были отойти отъ города на пушечный выстрѣлъ. Впрочемъ дружба и союзъ обоихъ Имперій отъ сего нимало не уменьшились. Легко догадаться можно, что Австрійскій Дворъ, къ таковой мѣрѣ принужденъ былъ Бонапартомъ, и какъ увѣряли насъ съ согласія нашего Двора. Чрезъ сіе думалъ Наполеонъ удалить наши корабли отъ Венеціи, но ошибся, и скоро увидѣлъ, что онъ лишился и остальной малой торговли. Прежде сего мы не могли брать тѣхъ судовъ, кои выходили изъ Венеціи, и шли близъ берега, по мѣлководію, мимо кораблей нашихъ, стоявшихъ въ Тріестѣ на рейдѣ; онѣ, по правиламъ неутралитета, безъ задержанія входили въ гавань; но теперь фрегатъ нашъ, отошедъ отъ города на три версты, началъ останавливать и осматривать всѣ лодки, которыя уже не могли миновать его. Каждую ночь, когда вѣтръ дулъ отъ Венеціи, вооруженный барказъ возвращался съ нѣсколькими призами, нагруженными большею частію съѣстными припасами. Въ продолженіи не многихъ дней

пріобрѣли призовъ болѣе нежели на 100,000 рублей. Тріестцы предвидѣли бѣду, совершенную остановку сношеній ихъ моремъ съ Италіею, но пособить уже было не чѣмъ. Одинъ пассажиръ, по виду подозрительный, былъ задержанъ, привезенъ на фрегатъ, но Капитанъ приказалъ его отпустить; ибо онъ назвалъ себя Австрійскимъ купцомъ и показалъ паспортъ. Пассажиръ сей былъ Французскій Генералъ Молиторъ, который жаловался Тріестскому Губернатору, что позволяютъ намъ осматривать суда почти въ самой гавани, подалъ протестъ, надѣлалъ много шуму, а мы чрезъ то сдѣлались осторожнѣе, строго осматривали всѣхъ пассажировъ, и Австрійскимъ паспортамъ болѣе не вѣрили.

4-го Маія, блокируя Венецію, и находясь близъ Истріи, при осмотрѣ двухъ Австрійскихъ требакъ, нашли, что онѣ нагружены были деньгами; а по бумагамъ и показанію Шхипера видно было, что они вышли изъ Венеціи, почему и взяли ихъ въ призъ. Капитанъ военнаго Австрійскаго брига, который шелъ въ недальнемъ отъ насъ разстояніи, прислалъ на фрегатъ своего офицера сказать, что сіи суда находятся подъ его конвоемъ, а какъ Шхиперъ и пассажиры при допросѣ объявили, что деньги принадлежатъ Французскому банку, который получилъ повелѣніе мѣдныя Австрійскія деньги промѣнять въ Тріестѣ на серебро, то Капитанъ нашъ отвѣчалъ: что не только не можетъ онъ возвратить

двухъ взятыхъ пребакъ, но донесетъ начальству, что въ противность правъ неутралитета, провожаютъ ихъ военные Австрійскіе корабли. Капитанъ долженъ былъ задержать Австрійскій бригъ, но совершенная тишина воспрепятствовала сему, и бригъ на веслахъ вошелъ въ Тріестъ, куда и мы также возвратились. Консулъ Пелегрини, пріѣхавъ на фрегатъ и думая, что мы взяли бригъ, поздравилъ насъ съ двумя милліонами флориновъ доброй добычи. На другой день разгрузивъ требаки, нашлось 35.000 гульденовъ; людей и суда отпустили. Большая часть денегъ съ тремя Французскими Генералами находилась на военномъ бригѣ, и на другихъ Австрійскихъ судахъ, кои еще оставались въ Венеціи.

Послѣ Пресбургскаго мира открылся истинный характеръ и политика Наполеона. Удача и необыкновенная дерзость поставили его превыше всѣхъ правъ. Очарованный побѣдами, болѣе не зналъ онъ мѣры своему честолюбію. Возмущая спокойствіе Европы, уже не искалъ благоговидныхъ причинъ къ притѣсненію какой либо державы, и особенное находилъ удовольствіе самыми наглыми требованіями унижать достоинство Имперіи Австрійской. Промѣнявъ Ганноверъ и Лауенбургъ на верхній Пфальцъ и Княжество Нефшательское, Наполеонъ успѣлъ поссорить Пруссію съ Англіею и Швеціею, искалъ средства поссорить Россію съ Австріею, и думалъ

найти оное чрезъ Катаро. Для сего удержавъ Браунау, объявилъ, что когда Катаро будетъ сданъ его войскамъ, тогда Браунау возвратится Императору, а для большей приманки, что будто тогда Французскія арміи оставятъ и Германію. Князь Шварценбергъ отправился въ С. Петербургъ исходатайствовать возвращеніе Катаро и прежде нежели онъ туда доѣхалъ, Наполеонъ по трактату требовалъ у Вѣнскаго Кабинета, свободнаго пропуска чрезъ Австрійскія владѣнія 40,000 чел. войскъ въ Далмацію; потомъ, когда оные были близъ Тріеста, принудилъ затворить порты для Россійскихъ и Англинскихъ кораблей; и наконецъ, угрожая поставить свои гарнизоны въ Тріестѣ и Фіуме, можно сказать, приказалъ задержать Россійскія купеческія суда, находившіяся въ первой гавани. Въ слѣдствіе сего, 6-го Маія, Тріестскій Губернаторъ, Графъ Бриджидо, объявилъ Россійскимъ шхиперамъ, что естьли они чрезъ шесть дней не оставятъ порта, то суда ихъ будутъ задержаны; но какъ оныя въ такой короткой срокъ готовы быть не могли, то это походило уже на разрывъ; почему 7-го Маія, получа съ курьеровъ Неаполитанскаго Двора Лучіано Спирадаро отъ полномочнаго Вѣнскаго посла Графа Разумовскаго депеши къ Адміралу, съ девятью Бокезкими судами, сдавъ свой постъ кораблю Еленѣ, пошли обратно въ Катаро, для доставленія сихъ свѣденій Главнокомандующему.

*

Возвращение въ Кастель-Ново. Воздушный огненный шаръ.

Вѣтры тихіе и перемѣнные позволяли имѣть на водѣ вооруженный двумя пушками барказъ, который, не задерживая въ ходу фрегата, входилъ въ мелкія гавани Далматскихъ островов, гдѣ малыя суда въ безопасности стояли отъ большихъ нашихъ кораблей. Симъ средствомъ взяли еще нѣсколько судовъ. Прошедъ Истрію, поставили всѣ паруса, и скоро скрылись отъ девяти купеческихъ судовъ, которыя до сего мѣста шли съ нами вмѣстѣ.

Густой верховой вѣтръ, при ровной поверхности моря, весьма намъ благопріятствовалъ. Солнце, коего послѣднія лучи озлатили западъ, медленно опустилося въ море, и прекраснѣйшій вечеръ заступилъ мѣсто дня; вѣтръ утихъ, море сдѣлалось мертвымъ. Вокругъ было такъ тихо, что ходя вдоль фрегата съ рупоромъ (*) въ рукахъ, то переходя съ одной стороны на другую, съ безпокойнымъ ожиданіемъ смотрѣлъ я на небо, котораго прекрасную лазурь не затмѣвало ни одно облако; то съ скукою взиралъ на спокойное зеркало водъ, при ясномъ свѣтѣ луны, блистающее какъ неизмѣримое поле, усыпанное алмазами. Совершенная тишина не долго продолжалась, легкій вѣтръ началъ навѣвать:

(*) Командная труба.

съ радостію свѣся съ кормы голову, любовался я длинною огненною чертою, которая, какъ бы привязанная къ рулю, тащилась за фрегатомъ и яркимъ своимъ блескомъ означала слѣдъ его. Уже расчитывали мы, какъ скоро можемъ придти въ Кастель-Ново; но вѣтръ непостоянный, только на минуту повѣялъ и снова затихъ. Наконецъ прежній свѣженькій вѣтръ подулъ, облака сгустились, небо померкло, вѣтръ началъ усиливаться, и скоро принудилъ насъ остаться подъ малыми парусами. Фрегатъ, гонимый крѣпкими порывами, скользилъ по ровной еще поверхности моря, которое носу его не представляло большаго сопротивленія.

Около полуночи, когда мракъ былъ непроницаемъ, восточный горизонтъ вдругъ освѣтился блестящимъ огнемъ. Малый *огненный* шаръ медленно склонялся влѣво отъ насъ къ берегу, по мѣрѣ паденія свѣтъ распространялся, а скорость увеличивалась, наконецъ прибавившись до величины луны, влекъ за собою хвостъ на подобіе кометы, а скорость движенія равнялась паденію блуждающихъ звѣздъ. Въ срединѣ полета шаръ сыпалъ вокругъ искры столь яркія, что ночь на нѣсколько секундъ въ той сторонѣ обратилась въ день, и когда шаръ съ великимъ трескомъ разсыпался, видимый его поперечникъ казался имѣющимъ около 50 саженъ. Сіе явленіе, происходящее отъ земныхъ испареній и электрической силы, другіе называютъ огненнымъ де-

тающимъ змѣемъ; и здѣсь простой народъ вѣритъ, что онъ любитъ хорошенькихъ женщинъ, и въ которой домъ спустится, приноситъ туда богатство и щастіе. Послѣднее сбылось съ нами на самомъ дѣлѣ; мы быстро промчались мимо Лезино, гдѣ на крѣпости съ пушечнымъ выстрѣломъ поднятъ былъ трехцвѣтной Французской флагъ; два часа послѣ прошли крѣпость Курсало, гдѣ развѣвало Россійское знамя; тутъ стояли корабль Азія и бригъ Летунъ; къ вечеру тогоже дня, когда прошли мы фрегатъ Михаилъ, стоявшій въ Каламоттѣ, крѣпость Новая Рагуза салютовала намъ изъ 11 пушекъ, и 12-го Маія подъ всѣми парусами при свѣжемъ вѣтрѣ, когда фрегатъ лежалъ совсѣмъ на боку, подъ самою кормою Адмиральскаго корабля, отсалютовавъ ему 9-ю выстрѣлами, проворно (что называютъ морскіе на хвастовство) убравъ паруса, бросили якорь у Кастель-Ново.

Кастель-Новскій рейдъ, столь прежде уединенный и пустой, представлялъ теперь на пространствѣ шести верстъ прекрасную картину. Огромные линейные корабли, малые легкіе бриги и множество разнаго роду и названій купеческихъ судовъ, всѣ подъ Россійскимъ флагомъ, въ такомъ отдаленіи отъ отечества льстили гордости Рускаго сердца. Тамъ отзывались отрывистые крики матросовъ, подымавшихъ на корабли тяжести; тутъ пронзительный звукъ дудочки призывалъ людей къ полученію порціи вина и обѣда; а

здѣсь разливались сладостные звуки огромнаго оркестра, сливавшіеся съ слышимыми въ отдаленіи веселыми солдатскими пѣснями: все вмѣстѣ привлекало слухъ и утѣшало сердце. Вездѣ было движеніе и суета, у пристаней густой дымъ клубился къ облакамъ, тамъ отъ горящей смолы поваленный на бокъ корабль объятъ былъ огнемъ (*). Тутъ нѣсколько раскрашенныхъ шлюбокъ пестрили море и мелькали въ глазахъ. Казалось, что двѣ подъ парусами, сойдясь ударятся одна объ другую и люди погибнутъ; но нѣтъ, однимъ малымъ движеніемъ руля, онѣ минуютъ и такъ близко, что съ шлюпки на шлюпку можно подать руку. Вотъ одна, неся большіе паруса, лежитъ совсѣмъ на боку, вода плещетъ черезъ бортъ и кажется ее заливаетъ; но къ сему нужна одна только привычка, а не излишняя смѣлость; это обыкновенная забава молодыхъ Офицеровъ; они катаются и утѣшаются по видимому столь опаснымъ положеніемъ.

Освобожденіе задержанныхъ судовъ въ Тріестѣ 21 Маія.

По прибытіи фрегата въ Кастель-Ново, на другой день, 13 Маія, Вице-Адмиралъ съ

(*) Для конопаченія подводной части обыкновенно новаля корабль обжигають оную.

кораблями Селафаиломъ, Св. Петромъ, Москвою и фрегатомъ Венусомъ, отправился въ Тріестъ, какъ для освобожденія задержанныхъ Австрійцами судовъ, такъ и для проводу ихъ мимо Истріи, въ портахъ которой Французы усилили свою гребную флотилію. 14 числа у острова Меледо встрѣтились съ кораблемъ Еленою и семью корсерами подъ военными флагами, кои сопровождали 38 Бокезкихъ судовъ. Елена отсалютовавъ Адмиралу 9 выстрѣлами, подошла къ кораблю его подъ корму для переговору. Послѣ онаго на Селафаилѣ поднятъ сигналъ поставить всевозможные паруса; но 15 у острова Лиссо вѣтръ перемѣнился и сдѣлался противный. Тутъ встрѣтились съ нами 5 Англинскихъ транспортовъ съ войсками, безъ успѣха покушавшимися взять островъ Тремити. Тихіе перемѣнные вѣтры удержали эскадру въ морѣ по 20 Маія; сего же числа въ полдень нашелъ сильной попутный шквалъ съ дождемъ; корабли полетѣли, и скоро по обходѣ Истріи, при пушечныхъ выстрѣлахъ подняты сигналы, приготовиться къ сраженію и стать на якорь съ шпрингомъ (*). Едва въ Тріестѣ замѣтили наши корабли, какъ эскадра въ боевомъ порядкѣ остановилась подъ самыми ба-

---

(*) Стать на шпрингъ, значитъ поставить корабль на якорь такимъ образомъ, чтобы помощію канатовъ, могъ онъ обращаться во всѣ стороны.

тареями города. Вскорѣ, Тріестскій Военный Комендантъ Фельдмаршалъ-Лейтенантъ Цахъ прислалъ своего Адъютанта поздравить съ прибытіемъ и просить, чтобы эскадра, въ силу повелѣнія Императора, отошла на пушечный выстрѣлъ. Вице-Адмиралъ отвѣчалъ на сіе: „*стрѣляйте! я увижу, гдѣ ваши ядра лягутъ и гдѣ мнѣ должно стать*" Адъютантъ, не ожидавшій таковаго отвѣта, раскланялся и уѣхалъ. Во всю ночь палубы кораблей были освѣщены фонарями, люди стояли у пушекъ, фитили курились и вооруженныя шлюпки разъѣзжали вокругъ гавани. Задержаніе нашихъ судовъ и грозное положеніе эскадры, подали справедливую причину гражданамъ города опасаться худыхъ слѣдствій. Они въ боязливомъ недоумѣніи ожидали утра, мы съ своей стороны желали знать, чѣмъ кончится столь непріятное обстоятельство.

Ночью Фельдмаршалъ-Лейтенантъ Цахъ доставилъ повелѣніе Австрійскаго Императора о закрытіи портовъ его для Россійскихъ и Англинскихъ кораблей. Главнокомандующій утромъ 21 Маія отвѣчалъ на оное въ сихъ краткихъ словахъ: „Объявленіе ваше получилъ, и оставлю портъ какъ только исправлю нѣкоторыя поврежденія моихъ кораблей." Послѣ сего начались переговоры, чиновники безпрестанно, то пріѣзжали на Селафаилъ, то возвращались въ городъ. Австрійскіе дипломаты, продолжавшіе переговоры во всю ночь, старались увѣрить Вице-Ад-

мирала, что постановленіе о запрещеніи входа послѣдовало по настоянію Наполеона, который, въ противномъ случаѣ, далъ повелѣніе занять Тріестъ и Фіуме, единственныя гавани, оставшіяся Австріи; увѣряли, что 20,000 Французскій корпусъ стоитъ въ близкомъ разстояніи и уже два Генерала прибыли въ городъ съ тѣмъ намѣреніемъ, если Россійская эскадра не удалится, то завтрешнее утро войска вступятъ въ Тріестъ. Потомъ, ссылаясь на искреннюю дружбу и твердый союзъ нашихъ дворовъ, просили и надѣялись, что Россійскій Адмиралъ конечно не рѣшится, безъ особаго повелѣнія своего Императора, поступать такъ, какъ Французскіе Генералы, которые требованія свои и во время мира приводятъ въ исполненіе штыками и насильственными мѣрами. Положеніе ваше затруднительно, отвѣчалъ Сенявинъ, а мое не оставляетъ мнѣ ни малѣйшаго повода колебаться въ выборѣ. Поступокъ вашъ, мнѣ какъ Генералу а не политику, кажется не соотвѣтствуетъ дружеству и союзу, въ которыхъ вы меня увѣряете. Съ долгомъ моимъ и съ силою, какую вы здѣсь видите, не сообразно допустить васъ унижать флагъ, за что отвѣтственность моя слишкомъ велика; ибо сіе касается чести и должнаго уваженія къ моему Отечеству.

Въ продолженіе сихъ сношеній, въ полдень прибылъ на рейдъ фрегатъ Автроилъ съ извѣстіемъ, что Французы заняли Старую

и Новую Разузу и угрожають нападенiемъ на Катаро. Сiе новое нарушенiе правъ народныхъ побудило Вице-Адмирала принять рѣшительныя мѣры. Корабль Петръ и фрегатъ Венусъ получили повелѣнiе, по причинѣ совершенной тишины, тянуться завозами, первому къ батареямъ новаго Карантина, второму къ С. Карловской пристани, такъ что корабль и фрегатъ вошедъ въ самую гавань, находились бы въ тылу главной и сильной батареи, находящейся на мѣли, къ старому Карантину примыкающей, у которой Адмиральской и корабль Москва стояли на пистолетный выстрѣлъ. На послѣднюю ноту Генерала Цаха, Главнокомандующiй вручилъ Австрiйскимъ чиновникамъ слѣдующiй, достойный замѣчанiя, отвѣтъ:

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО!

Въ отвѣтъ на письмо ваше сего дня я приказалъ одному изъ кораблей моихъ, который можетъ быть находился ближе пушечнаго выстрѣла, отойти — и вы это видите. Корабль же, на которомъ я нахожусь, хотя и не думаю, чтобы былъ ближе выстрѣла, также отойдетъ, если вѣтръ и жестокiе шквалы то мнѣ позволятъ. Впрочемъ, какъ вы увѣряете меня Г. Генералъ-Лейтенантъ въ постоянной дружбѣ Августѣйшихъ нашихъ Дворовъ и согласiи о запрещенiи входа въ ваши порты Россiйскимъ кораблямъ; хотя я и

не имѣю на сіе повелѣнія моего Императора, но съ моей стороны желая избѣгнуть недоброжелательства, я запретилъ моимъ Офицерамъ съѣзжать на берегъ, и вамъ извѣстно, что сіе исполнено. Чрезъ часъ, я надѣюсь, какъ къ вашему, такъ и къ моему совершенному удовольствію, отправиться отсюда въ дальнѣйшій путь.

Дм. Сенявинъ.

Генералъ-Лейтенанту Цаху,
Военному Коменданту Тріеста.

21 Маія 1806 года
Корабль Селафаилъ.

Отпуская Австрійскихъ Чиновниковъ, Главнокомандующій сказалъ имъ: „теперь нѣтъ времени продолжать безполезные переговоры. Вамъ должно избрать одно изъ двухъ; или дѣйствовать по внушенію Французскихъ Генераловъ, или держаться точнаго смысла правъ неутралитета. Мой выборъ сдѣланъ и вотъ послѣднее мое требованіе: если часъ спустя, не возвращены будутъ суда, вами задержанныя, то силою возьму, не только свои, но и всѣ ваши, сколько ихъ есть въ гавани и въ морѣ. Увѣряю васъ, что 20,000 Французовъ не защитятъ Тріеста. Надѣюсь однакожъ,

что чрезъ часъ мы будемъ друзьями, я только и прошу, чтобы не было и малѣйшаго вида, къ оскорбленію чести Россійскаго флага клонящагося, и собственно для вашей же пользы, чтобы не осталось и слѣдовъ неудовольствія. Скажите Генералу Цаху, что теперь отъ него зависитъ сохранить дружбу Августѣйшихъ нашихъ Монарховъ, которая столько разъ была вамъ полезна, и впредь пригодиться можетъ. Увѣрьте его, что чрезъ часъ, я начну военныя дѣйствія."

Грозное движеніе эскадры, не смотря на угрозы Французскихъ Генераловъ, гораздо скорѣе, нежели дипломатическія убѣжденія, принудили Генерала Цаха и Тріестскаго Губернатора Графа Бриджидо, вполнѣ удовлетворить требованію Сенявина. Когда уже все было готово, и мы ожидали, признаюсь съ великимъ нетерпѣніемъ перваго выстрѣла Адмиральскаго корабля, какъ въ назначенный для начатія боя срокъ въ гавани раздались громкія восклицанія, Vivat! и мы съ удовольствіемъ увидѣли на задержанныхъ судахъ поднятые Россійскіе флаги. Въ туже минуту корабли Селафаилъ и Петръ вступили подъ паруса. Капитанъ корабля Москвы получилъ повелѣніе, въ ожиданіи прибытія курьера въ Тріестъ, блокировать Венецію и провождать мимо Истріи освобожденныя суда, которыя фрегаты Венусъ и Автроиль должны были препроводить въ Катаро. Отшествію Адмирала купеческія наши суда привѣтствовали

пальбою изъ пушекъ и ружей и криками ура! на Селафаилѣ отвѣчали имъ музыкою, которой согласные звуки по тихости вѣтра далеко были слышимы. Въ сіе время на Тріестской цитадели подняли флагъ, въ городѣ пронесся слухъ, что Россійскій Адмиралъ посѣтитъ Губернатора, отъ чего множество народа покрывали набережную.

Такимъ образомъ Сенявинъ сдѣлалъ первый шагъ на дипломатическомъ поприщѣ, и можно сказать, первый изъ Генераловъ законныхъ державъ, показалъ средство, коимъ можно воздержать неслыханную наглость требованій Французскихъ Генераловъ и Агентовъ, которые во время мира не менѣе, нежели въ продолженіи войны, стараются уничижать достоинство тѣхъ, кои боятся ихъ угрозъ. Симъ рѣшительнымъ поступкомъ, Сенявинъ, разрубилъ Гордіевъ узелъ, хитро связанный рукою Наполеона; и тѣмъ прекратилъ и уничтожилъ то неудовольствіе, которое моглобы произвесть не только охлажденіе, но и самую войну. Уже считали ее вѣрною, но ошиблись. Сенявинъ своею твердостію, успѣлъ поддержать союзъ нашъ съ Австріею, и не оставилъ ни малѣйшей причины для дипломатической переписки.

Ночью, по причинѣ штиля, теченіемъ приближило корабли Селафаилъ и Петръ къ крѣпости Капо д'Истріи. Двѣ канонерскія лодки, вышедшія оттуда, на безобидномъ разстояніи сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ.

Корабли имъ не отвѣчали, ибо ядра ихъ далеко не доставали. На другой день нашъ Консулъ Пелегрини прислалъ слѣдующій Монитеръ: „храбрая флотилія Королевства Италіянскаго мужественно напала на огромные Россійскіе корабли и мѣткими выстрѣлами принудила оные отступить далѣе въ море. Сраженіе происходило близъ Капо д' Истріи. Потеря непріятельская должна быть значительна, мы узнали, (отъ кого?) что однимъ ядромъ, пущеннымъ съ лодки *Баталья де Маренго,* убило Адмирала *Сенявина.*"

По отшествіи Главнокомандующаго, дабы съ одной стороны удовлетворить настоятельныя требованія Французскихъ Генераловъ, а съ другой, подъ благовидною причиною не пустить насъ на берегъ, объявили намъ карантинъ, однакожъ мы остались на якорѣ въ самой гавани, и чрезъ брантвахту получали все нужное. Чрезъ два дни, вѣроятно по отъѣздѣ Французскихъ Генераловъ, Офицерамъ, но только во фракахъ, позволили съѣхать въ городъ. Въ театрѣ намъ дали кресла gratis. Купечество, которое составляетъ большую часть населенія Тріеста, превозносило похвалами поступокъ нашего Вице-Адмирала; ибо лишиться торговли не для однихъ ихъ, но и для всей Австріи было бы весьма чувствительно, и конечно по сейже причинѣ, единственное сообщеніе наше чрезъ Тріестъ съ Россіею осталось свободнымъ.

На пути отъ Тріеста до Катаро. Тифонъ.

25 Маія, стоя на Тріестскомъ рейдѣ, и увидѣвъ, что одна канонерская лодка вышла изъ Капо д'Истріи, снялись мы съ якоря, и скоро заштилѣвъ пошли къ оной буксиромъ; но лодка замѣтивъ наше движеніе возвратилась назадъ. 26, когда всѣ 17 судовъ, долженствовавшихъ итти подъ нашимъ конвоемъ, были готовы, Капитанъ корабля Москвы, пришедшій съ моря, сдѣлалъ сигналъ сняться съ якоря; вышедъ изъ Тріеста, по причинѣ штиля въ сей день, принуждены были два раза вступать подъ паруса и ложиться на якорь но 26 небольшой попутной вѣтръ подулъ, и конвой благополучно прошелъ Истрію; непріятельская флотилія изъ подъ крѣпостей не выходила. 29 Маія корабль Москва, оставя конвой, возвратился для блокады Венеціи; на другой день въ сей сторонѣ слышали мы пальбу. Послѣ мы узнали сему причину. 30 Маія, пользуясь штилемъ, большой конвой малыхъ купеческихъ судовъ подъ прикрытіемъ многихъ Французскихъ канонирскихъ лодокъ вышелъ изъ Венеціи, желая пробраться въ Истрію. Корабль Москва, получа маленькой вѣтръ, сталъ къ нимъ лавировать, сдѣлалъ по ближайшимъ нѣсколько выстрѣловъ, конвой тотчасъ возвратился назадъ, зашелъ за мѣли и сталъ тамъ на якорь.

Суда конвоя нашего, представляли образ-

цы древняго и новаго кораблестроенія. Тартаны съ наклоненною впередъ мачтою, пинки съ высокими кормами; прекрасной наружности Полаки съ мачтами изъ одного цѣлаго дерева, шебеки съ треугольными парусами, притомъ безпрестанныя веселыя и заунывныя пѣсни Славянъ, напоминали то самое время, когда Игорь или Олегъ плыли для покоренія Царяграда. Мы шли очень тихо, и точно такъ какъ бы были въ гавани, принимали посѣщенія и гостей, которые часто оставались обѣдать. Въ воскресенье къ обѣднѣ пріѣхали почти всѣ Шхиперы.

Дни были очень жаркіе. Легкіе вѣтры, обыкновенно въ полдень дующіе съ моря, а въ полночь съ берега, постоянно намъ благопріятствовали. Ночной вѣтръ приносилъ съ собою теплыя удушающія земныя испаренія, отъ чего въ полночь терпѣли отъ зною столько же какъ и въ полдень. 30 Маія послѣ полудни, на высотѣ острова Агосто, при наставшемъ довольно свѣжемъ сѣверномъ вѣтрѣ, воздухъ наполнился тонкимъ туманомъ, и скоро въ недальнемъ отъ насъ разстояніи, на пространствѣ 4 верстъ, море съ чрезвычайнымъ шумомъ, начало кипѣть, и вдругъ во многихъ мѣстахъ вода винтомъ стала подыматься къ небу, а облака опускаться къ нимъ длиннымъ рукавомъ. Вода, съ неимовѣрною скоростію вращаясь кругомъ, разсѣвала вокругъ крупный дождь, шумъ производимый симъ движеніемъ, уподоблялся клокотанію ра-

сплавливаемаго метала. Наконецъ море соединилось съ облаками, множествомъ конусовъ, кои острыми своими вершинами, касаясь небесъ, съ великимъ шумомъ, начали вертѣться, толстѣть и двигаться. 11 огромныхъ *тифоновъ* быстро мчались на насъ, конвой разсѣялся отъ нихъ въ разныя стороны, но какъ нѣкоторыя суда не имѣя пушекъ, были отъ нихъ въ опасности, то мы поставивъ всѣ паруса и приведя къ вѣтру, подобно Донъ Кишоту, сражавшемуся съ вѣтренными мѣльницами, принуждены были вступить въ бой съ водяными столбами. Залпъ съ правой стороны разорвалъ два тифона. Нѣсколько выстрѣловъ съ лѣвой обрушили еще одинъ, который въ паденіи увлекъ за собою и другой. Любуясь уничтоженіемъ сихъ гигантовъ, мы увидѣли прямо передъ носомъ, и уже гораздо близко еще одинъ, въ торопяхъ фрегатъ не поворотилъ, цѣлой залпъ пролетѣлъ мимо, нечего было дѣлать какъ положа всѣ паруса противу вѣтра остановить тѣмъ фрегатъ на мѣстѣ. Тифонъ уже былъ такъ близко, что многимъ было не до смѣху, къ счастію однимъ вѣрнымъ выстрѣломъ съ носу, повалили и этотъ колосъ, брызги разсыпались передъ нами и чуть чуть только не задѣли. Наши конвойныя суда также удачно сражались съ тифонами, которые какъ нарочно шли на насъ съ трехъ сторонъ, и безпрестанно одни упадали, другіе снова подымались. Чрезъ полчаса всѣ изчезли сами собою. Сего лѣта

одинъ тифонъ упалъ возлѣ корабля Св. Петра, и прикоснувшись только брызгами оборвалъ всѣ паруса и сломалъ нижній рей. Можно себѣ вообразить, какой бы вредъ могъ произойти, если бы такой водяной столпъ упалъ прямо на корабль.

Тифонъ или иначе морская труба, притягиваетъ къ себѣ окружные пары, теченіе къ нему воздуха отъ сего бываетъ такъ сильно, что птицы, близко летящія, увлекаются водою къ облакамъ, даже не столь быстрыя въ плаваніи рыбы подъемлются къ небу. Когда солнце случается сзади тифона, то весь столбъ горитъ разноцвѣтными огнями, вода видимо переливается въ немъ и кипитъ точно такъ какъ въ водопадахъ. Тутъ должно себѣ представить большую рѣку, быстро несущуюся изъ моря въ небеса, и сыплющую вокругъ себя жемчужный дождь.

Происхожденіе *тифоновъ* и *смерчей*, Физики приписываютъ электрической силѣ. Они говорятъ, что когда сильно на электризованное облако въ приличномъ разстояніи отъ моря находится, тогда между симъ облакомъ и моремъ начинаются два противныя теченія Электрической матеріи, одно изъ облака внизъ, другое отъ моря вверхъ. Ежели первое теченіе сильнѣе втораго, то частицы паровъ, изъ коихъ состоитъ облако, увлекаемыя текущею изъ него матеріею, образуютъ водяный столпъ, или тифонъ, Естьли же потокъ, стремящійся изъ воды

въ облако, сильнѣе того, которой течетъ изъ облака въ море, тогда вода, увлекаемая сильнѣйшимъ потокомъ, поднимается къ облаку обращенною воронкою; наконецъ также составляется столбъ, который называется уже *смерчъ*. По образованіи столпа не одно только верхнее облако или море, но весь тифонъ получаетъ силу притягивать другіе сосѣдственные пары и воду, отсюда раждается сильное воздуха движеніе, весьма быстро весь столбъ кругомъ обращающее, и пріобрѣтенною симъ центробѣжною силою подымающій воду вверхъ къ облакамъ. Мореходцы водяные столбы обоихъ родовъ называютъ однимъ именемъ тифонъ; смерчью же называютъ тотъ быстрый вихрь, который крутитъ воду на небольшую высоту, но силою одного вѣтра, принявшаго круговое обращеніе, подымаетъ вверхъ паруса, не причиняя дальнѣйшаго вреда. Тифоны, обыкновенно послѣ зноя случаются, и жаркимъ климатамъ особенно свойственны, по тому что въ сѣверныхъ моряхъ они рѣдко бываютъ видимы. Смерчи же обыкновенно случаются послѣ бурныхъ погодъ или предвѣщаютъ оныя. Вихрь, подымающій на землѣ вверхъ крутящуюся пыль, есть также смерчь.

Проходя старую Рагузу за островами, Петтине называемыми, корабль Уріилъ и два корсера, палили по берегу, гдѣ полагать надобно происходило сраженіе. 31-го Маія къ вечеру, конвой вошелъ въ Катарской заливъ, въ ко-

торомъ стояли корабли Селафаилъ, Параскевія подъ флагомъ Контръ-Адмирала Сорокина, Петръ и Елена. Еще въ Тріестѣ Лейтенантъ Н. . . , раздавая шхиперамъ сигнальныя книги, подозрѣвалъ на одномъ суднѣ пассажира, назвавшагося Россійской службы Капитаномъ. Лейтенантъ, говоря съ нимъ по Италіянски, замѣтилъ въ немъ нѣчто особенное, по чему и приказалъ шхиперу наблюдать его поведеніе. Когда фрегатъ лавировалъ предъ входомъ въ Катаро, дабы пропустить конвой впередъ, шхиперъ привезъ нѣсколько писемъ, порученныхъ симъ пассажиромъ для отдачи въ Перасто, Катаро и другія Католическія Комунитаты; шхиперъ къ тому же объявилъ, что пассажиръ его имѣетъ съ собою много денегъ, и всѣ ночи, запершись въ каютѣ, занимался писаніемъ, почему Лейтенантъ Н., отправившись съ шхиперомъ на его судно, отобралъ бумаги, по коимъ и открылось, что онъ былъ шпіонъ, подосланный непріятелемъ. Адмиралъ приказалъ тотъ же часъ отправить его въ крѣпость Эспаньолу.

Нѣкоторыя бумаги я отвезъ на корабль Селафаилъ и Адмиралъ оставилъ меня у себя ужинать. Тутъ въ первой разъ узналъ я своего начальника, и признаюсь считалъ себя щасливымъ, что нѣсколько минутъ былъ съ нимъ вмѣстѣ. Пріемъ его ласковъ и ободрителенъ, обращеніе столь просто и благородно, что онъ такъ сказать вдругъ даетъ доступъ къ своей славѣ. За столомъ

Дмитрій Николаевичь казался быть окруженнымъ собственнымъ семействомъ. Бесѣда его была разнообразна и для всѣхъ пріятна, каждый въ ней участвовалъ, ибо онъ разговорами своими обращался къ каждому, такъ что казалось, забывая себя, помнилъ только другихъ, и я послѣдній изъ гостей не остался безъ вниманія. Въ немъ видѣнъ былъ навыкъ такого человѣка, который много видѣлъ, много читалъ и часто размышлялъ о пользахъ, слабостяхъ, страстяхъ и недостаткахъ человѣческаго сердца. Когда кто изъ собесѣдниковъ обращалъ разговоръ на прошедшія политическія происшествія, онъ представлялъ свои мнѣнія съ такою скромностію, какъ бы они не были собственныя его мысли, а того, съ кѣмъ онъ говорилъ. Когда же разговоръ переходилъ къ Россіи, взоръ его оживлялся; всѣ слушали со вниманіемъ и казалось только въ семъ случаѣ опасно было противорѣчить его мнѣнію.

Взглядъ на приуготовленіе къ войнѣ Черногорцевъ.

1-го Іюня со всего флота отправлены были гребныя суда для перевозу Черногорцевъ изъ Катаро въ Кастель-Ново. Множество народа толпилось по улицамъ. На площади у гоубвахты раздавались Черногорцамъ первой девизіи небольшіе флаги, которые предпочиталися народомъ настоящимъ знаменамъ потому, что на нихъ былъ Андреевскій крестъ,

Каждое селеніе составляло партію или роту, смотря по многолюдству своему, числомъ людей не ровную. Каждый округъ составлялъ корпусъ, которымъ командовалъ Сердарь. Всѣми приморскими и Черногорскими ратниками предводительствовалъ самъ Митрополитъ. Таковое раздѣленіе, какъ мнѣ кажется, подстрекаетъ соревнованіе, и утверждаетъ согласіе; ибо въ одной ротѣ всѣ воины большею частію родственники. Роты и корпусъ, принадлежа разнымъ деревнямъ, городу или округу, соревнуя, опережаютъ другъ друга и въ сраженіи было бы стыдно остаться позади. Выборъ начальниковъ ротъ заслуживаетъ вниманіе. Ратники одного села, ставши въ кружокъ, избираютъ между собою кандидатовъ; сіи по старшинству лѣтъ раскасываютъ подвиги свои, изчисляютъ сраженія, свидѣтельствуются ранами, которыя при семъ и открываютъ, оспорививая другъ друга, что не безъ шума бываетъ. По общему согласію избираютъ наконецъ самаго достойнаго и храбрѣйшаго, снимаютъ съ него оружіе, даютъ ему клятву повиноваться, и гдѣ онъ ляжетъ, тамъ и свои головы положитъ. Послѣ сего начальникъ сей принимаетъ флагъ, со всѣми идетъ въ церковь, служатъ молебенъ, даютъ присягу и вышедъ опять на площадь снова становятся въ кружокъ, вынимаютъ мечи, и потрясая ими всѣ вдругъ кричатъ: за крестъ, за вѣру, за матерь пресвятую Богородицу, за Царя Бѣлаго и Отечество, клянемся ко-

стями предковъ, славою ихъ, служить до послѣдней капли крови, не просить и не давать пощады, умереть или побѣдить. Признаюсь таковое пріуготовленіе потрясаетъ душу. Но глашатаи еще болѣе возбуждаютъ ярость сего полудикаго народа, они усталымъ, осиплымъ голосомъ не умолкая кричатъ: „къ оружію храбрые Славяне! Старые измѣнщики Рагузинцы обманули насъ, отдали Французамъ свои крѣпости, и какъ нѣкогда сожгли они въ церкви Христіанъ, такъ и теперь, надѣясь на помощь безвѣрныхъ, угрожаютъ опалить землю нашу и истребить насъ огнемъ и мечемъ. Кровь сожженныхъ братій вопіетъ! ступайте, мстите убійцамъ, измѣнникамъ и врагамъ вашимъ.“ Сіи слова исторгали злостныя ругательства: Черногорцы, вращая въ воздухѣ кинжалы, кричали „*копсить поганыхъ Дубровниковъ, удрить главы пасьей виры*“ то есть бить Рагузинцовъ и Французовъ. Я не могъ усадить Черногорцевъ на свою шлюбку, одинъ войдетъ въ нее, другой выдетъ; это не такія войска, чтобы можно было подчинить ихъ, они повинуются, и то не во всемъ, только тогда, когда видятъ предъ собой непріятеля.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Заключающей происшествія отъ Августа 1805 года по 1 Іюня 1806 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Четыре Немецкія мили

КАРТА БОКО ди КАТАРО

ЧЕРНОГОРІЯ

ГЕРЦОГОВИНА

АЛБАНІЯ

АДРІАТИЧЕСКОЕ МОРЕ

Рагузскія Владенія

Гора Вучизуб

Г. Зерніце

Гора Сельа

Гора Ловчин

Г. Журжево Цирико

Гора Каложин

Гора Орник

Гора Ресевич

Гора Сантина

Г. Добрастица

Гора Разков

Г. Жилорждво

Р. Сииница

Подгорица

Жабляк

Цитине

Катаро

Пераст

Рисано

Трафство Гряшево

Трафство Тюиковичь

Трафство Лазаровичь

Трафство Бойковичь

Трафство Клюбиновичь

Трафство Пастровичи

Маини

Брайчи

Поборі

Кастель Ново

Порт Трасте

Будуа

Ос. Св. Николо

Мыс Натамони

Мыс Косто

Мыс Дюбица

Бацня Босковичь

Молонта

Плотице

Приморская дѣвушка.

